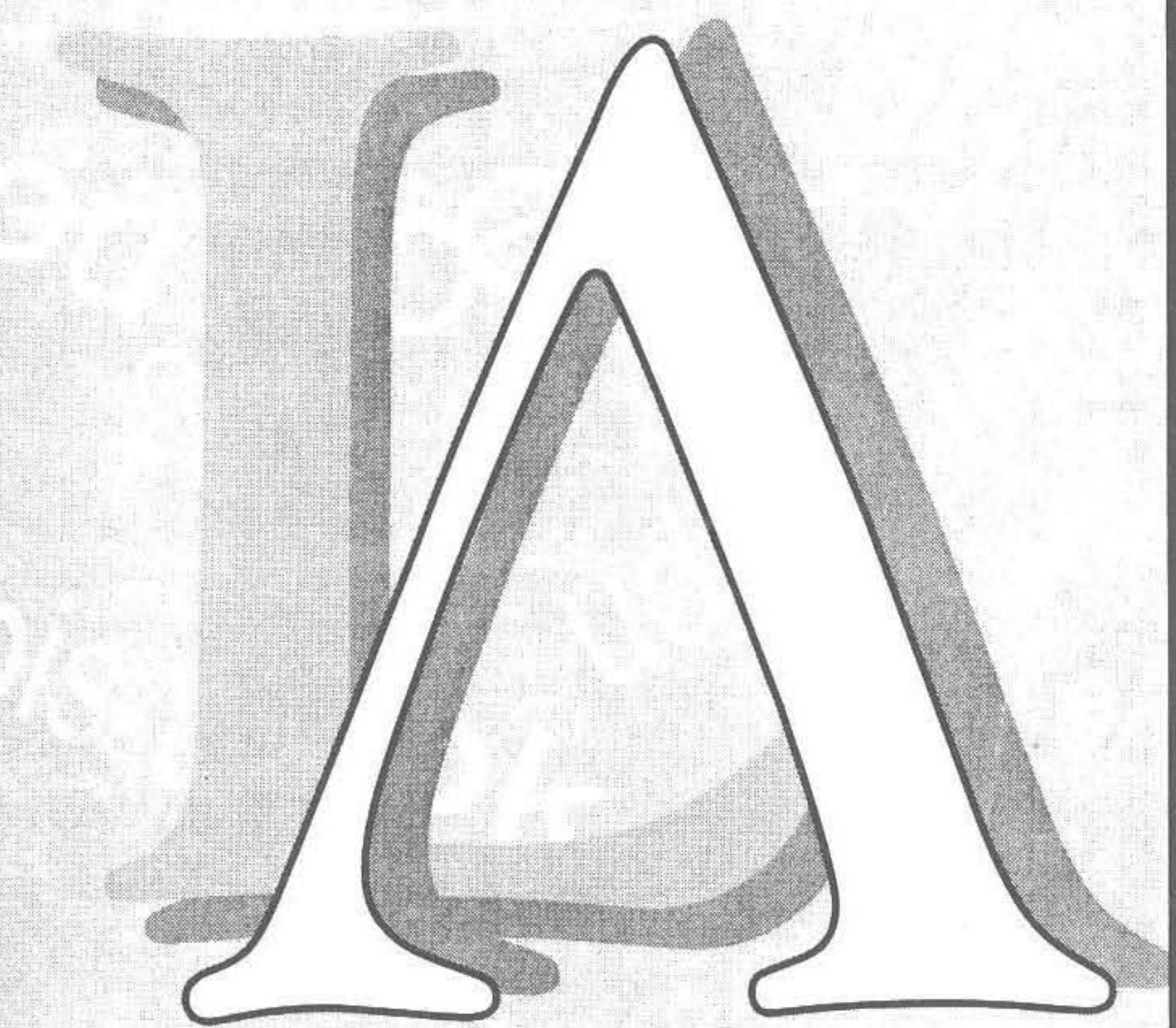

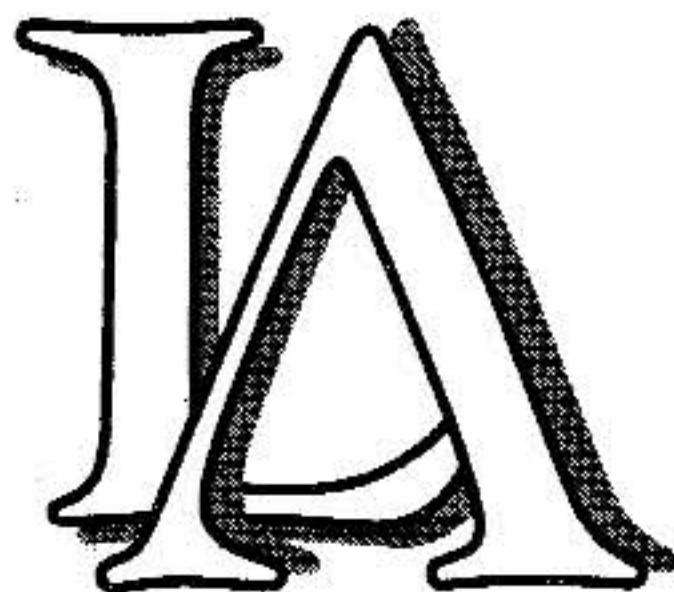
МОСКОВСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

8 1 9 3 9

Российский Государственный Гуманитарный Университет

МОСКОВСКИЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

MOSCOW
JOURNAL
OF LINGUISTICS

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А.Н. БАРУЛИН
М.А. КРОНГАУЗ
Е.В. МУРАВЕНКО
И.А. МУРАВЬЕВА
Н.В. ПЕРЦОВ
(главный редактор)
С.А. СТАРОСТИН

Адрес редакции:
125267, Москва, Миусская пл., 6, корп. 2.
ФТиПЛ, Редакция МЛЖ.
Тел.: 250-65-60; факс (7095)250-51-09

МОСКОВСКИЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ том 3

THE MOSCOW
LINGUISTIC
JOURNAL

Российский государственный
гуманитарный университет
МОСКВА 1996

СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

ББК 81.0
М 81

Художник:
В.В. СУРКОВ

Техническое редактирование
и компьютерная верстка А.Б. ФЕДОСЕЕВ

Компьютерное обеспечение
С.Г. БОЛОТОВ

ЛР № 020219, выд. 25.09.95
Подписано в печать 25.11.96.
Формат 60x90/16.
Усл. печ. л. 22,0
Гарнитура CG Times.
© ElseWare.
Тираж 500 экз.
Заказ №

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета,
125267, Москва, Миусская пл., 6

Отпечатано в типографии РГГУ

М 4602000000–11
без объявл.
ОТ8(03)–96

© Коллектив авторов, 1996
© Российский государственный
гуманитарный университет, 1996

7-33	A.Yu. Aikhenvald.
Noun classes, classifiers and agreement
in Baniwa (Arawak)
А.Ю. Айхенвальд.
Именные классы, классификаторы
и согласование в языке банива (семья аравак)
34-45	B.M. Алпатов.
Еще раз о флексии, агглютинации
и изоляции
V.M. Alpatov.
Once more about flexion, agglutination
and isolation
46-69	A.Н. Барулин.
Мыслию по древу (перевод темного места
в "Слове о полку Игореве")
A.N. Barulin.
Mysliyu po drevu [lit. 'With the thought along
the tree'] (towards the translation of an unclear
passage in "Slovo o polku Igoreve")
70-79	E.П. Буторина, Н.И. Сайтанова.
Об использовании компьютерных технологий
в конрастивных исследованиях и обучении языку
E.P. Butorina, N.I. Saytanova.
On the use of computer technologies
in contrastive research and language instruction
80-94	L.V. Knorina.
The range of Biblical metaphors in smikhut
Л.В. Кнорина.
Диапазон библейских метафор в смихуте
95-112	E.Г. Устинова.
О конструкциях с числительными в некоторых
славянских языках (к вопросу о грамматической
функции словесного акцента)
E.G. Ustinova.
On numeral constructions in some Slavic
languages (concerning the grammatical function
of word accent)
113-134	Л.Л. Федорова.
О видах речевого воздействия
и роли интонации в их распознавании
L.L. Fedorova.
On types of speech effect and the role
of intonation in their identification

- 135–137 В.А. Плунгян.
Рецензия на книгу: А.Н. Журинский.
Слово, буква, число. – М., 1993
V.A. Plungian. Review of the book: A.N. Zhurinskij.
Word, Letter, Number. – Moscow, 1993.

ХРОНИКА – CHRONICLE

Отголоски московской международной конференции
Echoes of the Moscow International Conference

- 138–139 Е.Г. Борисова. Попытка рефлексии
E.G. Borisova. An attempt of reflection
140 D. Gill – Д. Гилл
140–141 B. Comrie.
Reflections on the international conference
Б. Комри.
Размышления о международной конференции
C. Lehmann – К. Леман.
141–142 Ф.А. Литвин.
Заметки провинциала
с международной конференции
F.A. Litvin.
Notes of a provincial from the international conference
144–149 А.А. Арефьев, Н.Н. Кравченко.
Зимняя лингвистическая школа в МГУ.
Впечатления
A.A. Arefyev, N.N. Kravchenko.
The Winter Linguistic School at Moscow University.
Impressions
150–152 К НАШИМ АВТОРАМ
THE STYLE SHEET FOR AUTHORS

A. Y. AIKHENVALD
(Canberra, Australia)

**NOUN CLASSES, CLASSIFIERS AND AGREEMENT
IN BANIWA (ARAWAK)**

A. Ю. АЙХЕНВАЛЬД
(Канберра, Австралия)

**ИМЕННЫЕ КЛАССЫ, КЛАССИФИКАТОРЫ И
СОГЛАСОВАНИЕ В ЯЗЫКЕ БАНИВА (СЕМЬЯ АРАВАК)**

0. The structure of the present paper

Here I shall consider the system of classifiers and agreement noun classes in Baniwa of *İçana* (*Hohôdene dialect*)¹, and its interaction with gender agreement. General typological characteristics of classifiers and agreement noun classes in the languages of the world will be considered in §1.1. The possibilities of a coexistence of different agreement systems within the same language will be discussed in §1.2. Some interesting properties of Baniwa with respect to classifiers, noun classes and agreement characteristics will be introduced in §1.3. The system of classifiers and agreement noun classes, together with the basic principles of agreement and derivational and anaphoric uses of classifiers, will be considered in §2. Gender agreement system will be considered in §3. In §4, I shall analyze the semantic properties of classifiers and the possibilities of 'reclassification' of nouns. Some conclusions will be drawn in §5.

1. General observations

1.1. A typology of classifiers and noun classification

Classifiers and noun classification systems have, for a long time, been a particular focus of interest in functional typological studies, especially because they provide a unique insight into the mechanisms of the

semantic categorization of the world by human beings. In languages with classifiers or complex noun classification systems, these are normally a central constituent of the grammar. The study of classifiers and noun classification systems is intrinsically connected with a great many issues which appear to be crucial in modern linguistics. During the last two decades, there have been various proposals with respect to a semantic and morphosyntactic typology of noun classifying systems (e. g. [Denny 1976, Allan 1977, Dixon 1982, Craig 1986a]). Recently the general postulates of the morphosyntactic typology of classifiers and other agreement categories have been reviewed in the light of new data, especially those from previously undescribed South American Indian languages (e. g. [Derbyshire, Payne 1990; Craig 1990, 1992, forthcoming], and [Corbett 1991], with special reference to gender-like agreement systems).

I shall follow here the morphosyntactic typology of noun classification system and classifiers set out in [Derbyshire, Payne 1990; Craig 1990, 1992; Aikhenvald 1994]. (It should be noted that the term 'classifier' (*klassifikator*) in Russian linguistic tradition is used to refer to numeral classifiers only.) The basic morphosyntactic types of noun classification and classifiers identified in terms of their prototypical functions are the following:

- (1) Noun classification systems (as in West African languages) are grammaticalized agreement systems, based on certain core semantic characteristics. They are sometimes called agreement classes; they include grammaticalized gender systems of Indo-European type. Note that the degree of semantic motivation of agreement class assignment differs from language to language (see [Zubin, Köpcke 1986], for a particularly interesting study of gender assignment in German; also see [Corbett 1991: ch. 3], for the analysis of various criteria for gender assignment in the languages of the world, and their possible interactions and conflicts).
- (2) Numeral classifiers are classifying morphemes prototypically attached to numerals and expressions of quantity. They are comparatively frequent in isolating languages, for example, in the languages of South-East Asia where they are independent words.
- (3) Noun classifiers characterize the noun and cooccur with it. They typically fulfill anaphoric (as in Jacalteco) and discourse-backgrounding functions, as in Tuyuca [Barnes 1990], Yagua [Payne 1990], Tariana [Aikhenvald 1994]. Morphologically, they are affixes.

- (4) Genitive classifiers, otherwise called possessive or relational classifiers, appear attached to the possessor entity of possessive construction, as in Oceanic languages (also see [Lichtenberk 1983]). The head noun is frequently omitted; and the classifiers may also carry anaphoric and discourse functions.
- (5) Verbal, or verb-incorporated classifiers appear affixed to the verb or incorporated into the verb form, marking agreement with a sentential constituent or indicating its presence in surface structure, as in Athapaskan and some South American Indian languages, e. g. Mundurukú (Tupí), Amuesha (Arawak) [Derbyshire, Payne 1990] etc. Verbal classifiers correlate with the classifying incorporation type [Mithun 1984: type IV].
- (6) Locative classifiers occur on pre/postpositions indicating the semantic properties of the noun. Examples of locative classifiers are found in Palikur and Lokono (Arawak) [Aikhenvald 1996].
- (7) Elsewhere [Aikhenvald 1994], I have given arguments for distinguishing demonstrative classifiers as a separate type. These arguments are:
 - numeral classifiers are often not used with demonstratives; demonstratives then either have no agreement marker whatsoever (as is the case of some demonstratives in Waurá (Xingu Arawak)) or have a different agreement system (e. g. Palikur, Warekena, Yukuna, Achagua);
 - in some languages classifiers or agreement class markers are used with demonstratives but not with numerals (as in Australian languages);
 - different systems of classifiers are used with demonstratives and numerals (as in East Tucanoan languages and Tariana, a North Arawak language).

Different classifier and noun classification systems can cooccur in one and the same language. Very often one set of classifying morphemes can combine the properties of numeral and genitive classifiers, as in various Oceanic languages [Craig 1992, Lichtenberk 1983]. Sometimes one set of classifiers used as numeral, noun and verbal classifiers is also employed as an agreement device, e. g. similarly to agreement noun classes (see [Hurd 1977], on Nasioi, cf. [Foley 1986: 83]). The same set of classifiers is often used with numerals and verbs.

Anaphoric and discourse-backgrounding functions are widely attested for numeral, noun and verbal classifiers (cf. [Craig forthcoming]).

The same set of classifying morphemes can be used both in the function of classifiers, and in that of agreement class markers. Agreement class markers are also used as verbal and noun classifiers in Waurá and

Yawalapiti (Xingu Arawak [Aikhenvald 1996]); and as numeral, genitive, noun and verbal classifiers in Tucano, Piratapuya, Guanano, Desano (East Tucanoan) ([Derbyshire, Payne 1990]; my field data). Verbal and numeral classifiers are also used as agreement class markers in Mundurukú (Tupí) [Gonçalves 1987, Craig forthcoming; Derbyshire, Payne 1990]. Note that the languages which employ different semantic opposition for classifiers and noun classes are rare. The most striking example of such a language is Palikur (North Arawak) (see [Aikhenvald 1996]).

The main reason for distinguishing all these types of noun classification and classifiers is that, although there appear not to be a language with six or seven different subsystems, there is a possibility of different combinations. Palikur (North-Arawak: [Green, Green 1972; Aikhenvald 1994]) shows the greatest diversity, since it has three systems of classifiers: numeral classifiers, intralocative classifiers and verbal classifiers; the latter also function as agreement noun class markers. All the three sets of classifiers are formally distinct, and they use different semantic oppositions (see [Aikhenvald 1996], also [Green, Green 1972]). Demonstratives, personal pronouns and cross-referencing affixes (i. e. affixes which mark agreement in verb-argument constructions) display yet another agreement system (see below, §1.2).

1.2. Split agreement systems

The coexistence of different sets of classifiers and agreement noun classes is not uncommon in the languages of the world. An agreement noun classification gender-like system (usually a grammaticalized one) coexists with numeral classifiers in some Indian languages (see [Dixon 1982: 220]), and some South American Indian languages (e. g. Warekena, Achagua, Yukuna (North Arawak) [Aikhenvald 1996]). Some languages can have more than one agreement system (each with its formal properties and semantic distribution). A brief overview of such systems was proposed in [Aikhenvald 1994].

Different agreement systems coexisting in one language normally differ as to:

- features of agreement (i. e. semantic features involved in classifiers' distinctions vs. gender distinctions);
- the domain of agreement (see [Barrow, Ferguson 1988]) (e. g. verb-argument, or noun-modifier agreement);
- obligatoriness of agreement.

The most frequent case in the languages of the world is a coexistence of two (or more, in rarer cases) agreement systems either for different grammatical classes of elements, or both for different grammatical classes of elements and different kinds of agreement. Numerous languages of Arawak family display agreement in noun class for noun-modifier agreement if a modifier is an adjective, and gender-like opposition (generally: feminine vs. non-feminine), for verb-argument agreement and noun modifier agreement, when the modifier is a demonstrative, or an article. Such is the case of Baure, Ignaciano (South Arawak), Waurá, Yawalapiti (Xingu Arawak), Campa (Pre-andine Arawak), Bahwana, Ianiwa of Içana (North Arawak) [Aikhenvald 1996]; see below. In East-Tucanoan languages agreement in noun classifiers is characteristic for noun-modifier constructions, and gender-like (feminine vs. non-feminine) opposition is obligatory in verb-argument constructions (cross-referencing affixes) ([Brüzzi 1967], my field data). In Tariana (see [Aikhenvald 1994]), gender opposition (again, feminine vs. non-feminine) is characteristic for verb-argument constructions and certain cases of noun derivation, and agreement in noun class is characteristic for noun-modifier constructions. Gender-like agreement systems coexist with noun classes as agreement categories in a number of Australian languages ([Sands 1995, Alpher 1987]) and Papuan languages (i. e. Nasioi (see [Hurd 1977]), Motuna (Omishi, personal communication)).

A rarer case is the coexistence of noun class and gender-like agreement systems for the same grammatical classes of elements in the same construction type (like in Paumari and Achagua: see [Aikhenvald mss]).

Split agreement systems can coexist in which there is even more than one set of classifiers. One of the most complicated systems of agreement is found in Palikur (North Arawak; see [Green, Green 1972]). Palikur has a three-gender opposition for personal pronouns, cross-referencing affixes and demonstratives and three sets of classifiers (see §1.1).

Noun classifiers and genders are reconstructed as separate categories for Proto-Arawak [Aikhenvald 1994, 1996].

Sometimes split agreement systems are considered as a case of 'neutralization' of certain oppositions for certain grammatical classes of elements (as [Dixon 1982: 169] does for Papuan languages Wogamusin and Ch'enakuan). However, the study of complex systems which combine the properties of classifiers with more than one agreement system suggests that this is not always the best solution.

It is self-evident that the investigation of previously undescribed linguistic systems is crucial for our understanding of linguistic mechanisms in operation. The purpose of the present paper is to investigate the system of classifiers, noun classes and gender in Baniwa of Içana (North Arawak) which displays a number of interesting characteristics in this respect.

1.3. Classifiers, noun classification and agreement in Baniwa

The study of classifiers, noun classification and agreement in Baniwa appears to be particularly instructive for a number of reasons.

First, Baniwa has a large set of classifiers used as numeral, genitive, noun and verbal classifiers, a slightly different agreement noun classification system with a considerable number of semantically motivated agreement classes used in noun-modifier constructions with adjectival modifiers, a small set of classifiers restricted to the expressions of quantity.

Second, Baniwa also has a gender (feminine vs. non-feminine) opposition in independent personal pronouns, demonstratives and cross-referencing affixes and enclitics which governs the agreement in verb-argument constructions, and in noun-modifier constructions with demonstratives and articles. The rules for the agreement in noun-modifier and verb-argument constructions display significant differences. Gender agreement in verb-argument constructions marked with the help of cross-referencing prefixes and/or enclitics constitutes a part of a complex system of person / gender / number marking dependent on whether person is specified or not.

The agreement noun classification system is slightly different from the system of classifiers, both formally and semantically. Both noun classification agreement markers and noun classifiers constitute a closed system, in the sense that no new members are accepted. This is not always the case: in a closely related North Arawak language, Tariana, classifiers, also used as agreement markers in noun-modifier constructions, constitute an open class of elements [Aikhenvald 1994]. However, in Baniwa they display a high degree of semantic pliability which results in numerous possibilities of changing noun class assignment, i. e. a 'reclassification' of a noun in accordance with either the intention of a speaker, or a particular aspect of the referent(s) he wants to focus on. A 'reclassification' of this kind is impossible for gender agreement in Baniwa.

Here I shall consider the organization of (a) set of classifiers; (b) agreement noun classes; (c) possibilities of 'reclassification', i. e. change of noun class assignment, and (d) the two coexisting agreement

systems (a largish, and a small, gender-like one) with a special attention to the domain of agreement and the possibilities of neutralization of agreement in each case. A study of this kind is of a particular interest for a general typology of noun categorization devices and their interaction with agreement systems, and also for comparative studies of Arawak languages.

2. Classifiers and agreement classes in Baniwa

2.1. General characteristics

Baniwa has a system of 44 classifiers and 44 noun classes which display certain differences. Classifiers are used as numeral, genitive, noun and verbal classifiers; see §2.2 for a more detailed discussion.

A list of classifiers and noun class markers in Baniwa is given in Appendix. Of 44 classifiers, 42 have corresponding agreement classes (Appendix: A—F), and two morphemes are used only as numeral classifiers (Appendix: H) (see §2.2). Of 44 agreement noun class markers, 42 have corresponding classifiers (Appendix: A—F), and two do not (Appendix: G). Morphologically, both classifiers and agreement class markers are suffixes. The system of classifiers and noun class markers is a closed one, in the sense that it does not permit introduction of new morphemes.

Both classifiers and agreement noun classes have the following semantics:

- (a) feminine vs. non-feminine;
- (b) form and shape: long, vertical, curvilinear, leaf-like, banana-formed;
- (c) functional properties.

Several classifiers and corresponding noun classes have quantifying semantics (such as 'piece', 'side', 'bundle' etc.). There is a number of specific classifiers and noun classes, such as 'house', 'excrement', 'river', 'waterfall'.

There is a generic agreement class (marker: *-daqi*), and a corresponding classifier *-da*, also used as a classifier for 'round objects'.

Classifiers and agreement noun classes display the following basic differences:

- (a) an agreement class marker is frequently derived from a classifier with the help of an adjectivizing morpheme *-y*, or fem. *-zu*, non-fem. *-ti*;
- (b) there are two special agreement plural classes, with no corresponding classifier (Appendix: G).

Specific classifiers and noun class markers often derive from a noun. Such is the case of *-da-pana* 'house', cf. *pan-ti* 'house'; *-ihwe* 'egg',

cf. *i-hwe* 'egg'; *-ya* 'skin', cf. *i-ya* 'skin' etc. It reflects the possible origin of these classifiers from a 'repeater' phenomenon [Craig forthcoming].

In §2.2 below, I shall discuss the morphosyntactic properties of classifiers. In §2.3, I shall consider the characteristics of noun classes.

2.2. Classifiers

Classifiers in Baniwa combine the following prototypical uses: numeral classifiers, genitive classifiers, verb-incorporated classifiers, and noun classifiers. Classifiers are also used anaphorically, to track a participant in discourse.

Numerical classifiers are obligatory in constructions with simple cardinal numbers one to three, and compound numbers containing these. Numerical expressions always precede the head noun in the NPs, as shown below:

- (1) *apa-kha* *a:pi* 'one snake'
one-CL:CURV snake

- (2) *dzama-da* *hipa-da* 'two stones'
two-CL:ROUND stone-CL:ROUND

Number 'four' is etymologically derived from a verb 'to be enough'. The agreement in classifier is obligatory, and it should be considered a case of verb-incorporated classifier.

- (3) *zi-kwa-kha-ka* *a:pi* 'four snakes'
3sgnf-be enough-CL:CURV-DECL snake

Genitive classifiers are obligatory in predicative headless possessive constructions:

- (4) *h:je* *yinu* *nu-dza-da*
DEM dog 1sg-POSS-CL:ROUND; GENERIC
'This dog is mine'

Verb-incorporated classifiers are used in (a) passive clauses, (b) relative clauses, (c) purposive clauses. They mark agreement with the derived intransitive subject of passives, and direct objects as coreferential constituents of relative and purposive clauses. The agreement in classifier is obligatory in passive clauses, as shown in (5).

- (5) *bulafa* *na-i3a-nita-mi*
biscuit 3pl-consume-PASS-CL:AN-PAST
'Biscuits have been eaten'

The agreement in verb-incorporated classifier is not obligatory in relative and purposive clauses. It depends on the role of a head noun in

discourse. The following parameters are involved: (a) the functioning of the head noun as the focus of the discourse; (b) definiteness of the referent.

Example (6) below illustrates the use of a verb-incorporated classifier in a purposive clause. The classifier is used to mark the agreement with a focalized referent in (6). In (7), the verb-incorporated classifier is not used with the purposive verbal form, since the referent of the object constituent is indefinite.

- (6) *wa-tua* *wa-takha* *puapua*

1pl+go-FUT 1pl-cut palm leaf

wa dze kata-ka zu-pa

1pl-make-PURP-CL:BUNDLE

'We shall go and cut palm leaf to use (it)'

- (7) *pezi* *zi-uhwa* *zi-kapa* *awakada-zi-ku*

hawk 3sgnf-sit 3sgnf-see bush-LOC

zi kapa-ka zu *kwaka* *i-nu-zi* *i-kah-je*

3sgnf-see-PURP what IND²-come-REL IND-to

'The hawk was sitting in the bush, looking in the direction of whoever was coming'

The use of a classifier in relative clauses is illustrated in (8), where it is used to focalize the definite head noun *a:pi* 'snake'. In (9), the head noun is indefinite and not in focus, and so the classifier is not used.

- (8) *a:pi* *nu-inua-zi-kha* *awakada-zi-ku*

snake 1sg-kill-REL-CL:CURV bush-LOC

'The very snake I killed is in the bush'

- (9) *a:pi* *nu-inua-zi* *awakada-zi-ku*

snake 1sg-kill-REL bush-LOC

'A snake I killed is in the bush'

Classifiers are widely used as derivational affixes, as in (10) — (12).

- (10) *ha:ze-kwa* 'clearing'

white-CL:EXTENDED

- (11) *i thi-da* 'eye'

IND-eye-CL:ROUND

- (12) *i thi-maka* 'eye lid'

IND-eye-CL:PIECE OF CLOTH

i-thi-da 'eye' can be used without a noun classifier *-da* 'ROUND' in collective meaning. Classifier in this case has an individualizing function.

Classifiers are also used in nominalizations, e. g.

- (13) *zinua-ka-ita* 'murderer'

zi-inua-ka-ita

3sgnf-kill-DECL-CL:AN

- (14) *wa-ihna-kažu-dapana* 'our house for eating'

1pl-eat-PURP-CL:HOUSE

Derivational affix used with a derived noun may not coincide with the classifier. In (15), classifier *-aphi* 'limited space' is used on the noun as a derivational affix, and noun class marker *-ahnay* 'liquids' is used as an agreement marker on the adjective.

- (15) *kažita:phi* (*kažita-aphi*) *maka:hnay* 'a big pool'
lake+CL:LIMITED SPACE big+NCL:LIQ

Anaphoric use of classifiers can be illustrated with (16) and (17).

- (16) *asa wa-dzekata pi-siu tsetu*
let's 1pl-make 2sg-for basket
na-dzekata apa-it a-dzekata dzama-da
3pl-make one-CL:AN IND-make two-CL:ROUND
apa-it a-dzekata dzama-da
one-CL:AN IND-make two-CL:ROUND

'Let's make baskets for you. They made: one made two (baskets), and the other made two (baskets)'

- (17) *ñame ji-uma ji-dana-ka nu-siu-ni-tsa*
no 3sgnf-want 3sgnf-write-DECL 1sg-to-3sgnf-EMPH
aphewi (apa-hiwi)
one+CL:SHARP, THIN

'It (a pen) is not going to write, I have another (one)'

Anaphoric use of classifiers is grammaticalized in compound numerals (i. e. from six onwards), as illustrated in (18). Numeral *one* is in reduced form, *pa* (instead of *apa*).

- (18) *pa-it a newiki dzamhewi (dzama-hiwi)*
one-CL:AN person two+CL: SHARP, THIN
pa-it-a-naku-hje finu
one-CL:AN-LOC-DIR dog
'twenty dogs' (lit. 'one person, i. e. twenty 'fingers', and two fingers on another (hand)')

Classifiers are also widely used for referent tracking, i. e. to establish what is being talked about, in the highly elliptical Baniwa discourse.

As indicated in Appendix: H, two affixes *-i* 'bundle' and *-ifia* 'bundle of small fruit' are only used in numerical expressions. They can be considered numeral classifiers par excellence.

2.3. Noun Classes

Agreement in noun class is obligatory in noun-modifier constructions, with an adjectival modifier. Adjectival modifiers include qualitative and interrogative adjectives, as in (19) and (20), and relativized verbal forms which are similar to participles in Indo-European languages, as in (21).

- (19) *maka-khay umawa:ji i-fua ne:ni*
big-NCL:CURV snake IND-lie there
'A big snake was lying there'

- (20) *kwama:pi (kwame-api) pazi-tuki pi-pedžu-pha-ji*
INT+NCL:HOLLOW dish-DIM 2sg-like-INT-REL
'What dish is the one you like best?'

- (21) *kažapi ma-dana:pi (ma-dana-api)*
plate NEG-paint; write-NCL:HOLLOW
'an unpainted plate'

Some of the noun class markers (e. g., NCL 12—14; see Appendix: A (G)) contain a special adjectivizing morpheme *-y*. The generic noun class marker also used as the agreement marker for animate non-feminine nouns and their attributes (NCL 1), *-da-ji*, is derived from the corresponding generic classifier, *-da*, with the help of non-feminine adjectivizer *-ji*. The feminine agreement class marker (NCL 3) is derived from the generic classifier with the help of suffix *-žu*. The same affixes, i. e. *-ji* (and its morphonological variant *-ži*) for non-feminine, and *-žu* for feminine nouns are found in the agreement classes which refer to flying creatures (see Appendix: C: classes 20—21). These affixes are also used to mark the feminine / non-feminine opposition in derivations (see §3.3).

Agreement noun class morphemes with a quantifying meaning (see Appendix: E) sometimes also contain the adjectivizing morpheme *-ji*, to distinguish them from a corresponding classifier. (22) shows the use of classifier *ima* and noun class marker *-ima-ji*, with a quantifying meaning 'side'.

- (22) *apema nu-kapi makemaji*
apa-ima nu-kapi maka-ima-ji
one-CL:SIDE 1sg-hand big-NCL:SIDE
'side (i. e. palm) of my hand is big'

Baniwa has two plural agreement noun classes (Appendix: G). Plural noun class with the marker *-peži* includes collective nouns (23). (24) illustrates the use of *-peži* with reference to a set of objects (e. g., a bundle).

- (23) *yikule yapi-pezi*
hair long-NCL PL:COLL
'long hair'

- (24) *apa-naki lapi matfia-pezi*
one-CL:BUNDLE pencil good-NCL PL:COLL
'a bundle of beautiful pencils'

There is a distinction between 'collective plural', with *-pezi* as agreement marker, and non-collective plural marked with *-pe*. *-pe* is not a classifier, and can optionally appear both on the head noun and its modifier, as in (25). *haikuthe-pe* 'several fruit' in (25) and *haikuthe* 'fruit (as a collective noun)' in (26) illustrate the opposition between singulative plural and collective plural.

- (25) *haiku-the(-pe)* *maka-daqi(-pe)*
tree-DER AFF(-PL) big-NCL:GEN(-PL)
'several big fruit'

- (26) *haiku-the* *matfia-pezi*
tree-DER AFF good-NCL PL:COLL
'good fruit' (as a whole)

For animate nouns and their attributes, plural marker *-peni* is preferred, as shown in (27).

- (27) *azawithipa matfia-peni*
jaguar+foot good-NCL PL:AN
'beautiful «jaguar's feet»' [a name of an ornament]

Different classifiers and noun class markers can be used within the same noun phrase. One such example is (24) above. Here a quantifier-like classifier *-naki* 'bundle' is used on the numeral *apa* 'one', and a plural agreement class marker *-pezi* appears on the adjective. In (28), generic animate classifier *-ita* is used on the numeral *apa* 'one', and a classifier referring to the shape of the head noun *-ne* 'vertical' is used on the adjective (see §4 below, on semantic flexibility of classifiers and noun class markers in Baniwa).

- (28) *ne:ni q-i-nu h-ja apa-it-a*
there 3sgnf-come he one-CL:AN
iñaimi maka-ne
devil big-NCL;VERT
'And then came this (very) one tall devil'

This 'mismatch' in noun-modifier agreement is only found for classifiers and agreement noun class markers. Two different classifiers can never refer to one and the same head noun within one NP. Examples as

(24) and (28), where a classifier distinct from a noun class marker cooccurs with it within the same NP, confirm the independence of classifiers and agreement noun classes.

3. 'Split gender' and agreement types

3.1. Cross-referencing markers in Baniwa

As has been said above, Baniwa has the opposition of two genders in third person singular cross-referencing prefixes and enclitics and personal and demonstrative pronouns. It is useful to have a brief look at the system of pronouns and especially that of cross-referencing markers in Baniwa, to understand how the agreement works.

3.2. Cross-referencing prefixes

Baniwa has cross-referencing prefixes which are used to mark (a) subject of a transitive verb (A); (b) subject of an active intransitive verb (S_A); (c) possessor in genitive NPs; (d) argument of adpositions. It also has cross-referencing enclitics which mark (a) subject of a stative intransitive verb (S_0) and (b) direct object of a transitive verb (O)³ [Dixon 1994]. Independent pronouns are mainly used to mark topicalized or emphasized constituents in core roles. Third person pronouns can be used in the function of near demonstratives and definite articles (12). Morphologically independent personal pronouns are derived from cross-referencing prefixes with the help of a demonstrative formative *ha*, and subsequent metathesis of a glottal fricative on a morphemic boundary, as exemplified below:

<i>nu-</i>	+	<i>-ha</i>	>	<i>hnua</i>
1sg		DEM	>	I
<i>pi-</i>	+	<i>-ha</i>	>	<i>phia</i>
2sg		DEM	>	you (2sg)

Cross-referencing prefixes, enclitics and independent pronouns show gender distinction in third person singular. Cross-referencing prefixes are given in Table 1, and cross-referencing enclitics are shown in Table 2. For further problems concerning person marking in Baniwa, i. e. the meaning and functions of impersonal, or 'fourth' person, and unspecified, or indefinite person marking, see [Aikhenvvald 1995].

Table 1. Cross-referencing prefixes in Baniwa

	sg	pl
1p	<i>nu-</i>	<i>wa-</i>
2p	<i>pi-</i>	<i>i-</i>
3pnf	<i>zi-</i>	
3pf	<i>zu-</i>	<i>na-</i>

Table 2. Cross-referencing enclitics and independent pronouns in Baniwa

enclitics		independent pronouns		
	sg	pl	sg	pl
1p	<i>-hnua</i>	<i>-hwa</i>	<i>hnua</i>	<i>hwa</i>
2p	<i>-phia</i>	<i>-ihia</i>	<i>phia</i>	<i>ihia</i>
3pnf	<i>-ni</i>		<i>hjia</i>	<i>hna</i>
3pf	<i>-nu</i>		<i>sua</i>	<i>-hna</i>

Examples of gender agreement in predicate-argument constructions, genitive noun phrases, and pre/postpositional phrases are given below.

(29) *pida zi-aku ifida*

PART 3sgnf-speak turtle
'So spoke the turtle'

(30) *na-de-pida zi-siu pana-phe*

3pl-bring-PART 3sgnf-to leaf-CL:LEAF. LIKE
'They brought leaves for him'

(31) *hnete-pida zi-kantu-ni*

then-PART 3sgnf-song-POSS
'Here is his (turtle's) song'

(32) *zu-dia zu-pana-ziku sua phifi*

3sgf-return 3sgf-house-LOC she agouti
'She (the woman) returned from the house of the agouti'

3.2. Gender agreement in noun-modifier constructions

In noun-modifier constructions the gender agreement is obligatory for demonstratives and third person singular personal pronouns used as modifiers. The third person pronouns as modifiers are used either as near demonstratives or similarly to definite articles, e. g. (32), (33).

- (33) *hjia panji na-deni-ni-dapana-tsa*
he house 3pl-make-PASS-CL:HOUSE-EMPH
nu kefini yaka zi-ema
1sg-friend far 3sgnf-lie
'The house that was built by my friend(s) is far away'

Third person pronouns are shown in Table 2. Distant demonstratives are shown in Table 3.

Table 3. Distant demonstrative pronouns

3sgnf	3sgf
<i>hjatahā</i>	<i>suatahā</i>

3.3 Gender marking in derivations

Gender opposition is also marked in a number of derived nouns and nominalizations. The most frequent gender-marking affixes are:

-zi 'non-feminine', *-zu* 'feminine' (see §2.3, on the use of these as parts of agreement noun class markers), e. g. *nu-phe-zi*⁴ (1sg-elder sibling-non feminine) 'my elder brother', *nu-phe-zu* 'my elder sister';

-zi 'non-feminine', *-dua* 'feminine', e. g. *nu-dake-zi* 'my grandson', *nu dake-dua* 'my granddaughter';

Ø 'non-feminine', *-dua* 'feminine', e. g. *nu-kitsini* 'my friend, cousin', *nu-kitsin(i)-dua* 'my female friend, cousin'.

Suffixes *-zi* 'non-feminine', *-zu* 'feminine' are also used to mark the agreement between the predicate of a relative clause and its subject, as in (34) (underlined).

(34) *atse inua-zi-hā i-kahne-ka-nai*

here IND+kill-REL:nf-EMPH 2pl-REL+know-DECL-PL
'Here is the one (non-feminine) who killed your acquaintances'

4. Semantics of classifiers

Semantic flexibility of both noun classes and classifiers is one of the basic characteristics of Baniwa. A noun can be associated with more than one classifier or noun class, in accordance with the semantic aspect of the referent the speaker wants to stress or the semantics of a modifier.

(35)–(38) illustrate the possibilities of 'reclassification' of *-ñapi* 'bone'. In (35) 'bone' is considered as a part of human body. In (36) it is viewed as an object in general. In (37) the vertical position of a (leg) bone is em-

phasized, and in (38) it is the length of a bone which is stressed, since it is this property of the bone which makes it suitable for making a flute.

- (35) *apa-itə i-ñapi*
one-CL:AN IND-bone
'a bone (seen as an attribute of human body)'

- (36) *apa-da i-ñapi*
one-CL:ROUND IND-bone
'a bone (seen as an object)'

- (37) *apa-na i-ñapi maka-ne*
one-CL:VERT IND-bone big-NCL:VERT
'a big bone' (considered as a long vertical object, i. e. a 'leg bone')

- (38) *apa-pi i-ñapi maka-pi*
one-CL:LONG IND-bone big-NCL:LONG
'one long bone (e. g. the bone a turtle used to make a flute)'

In (39) the fact that the road is just big is stressed, and in (40) the curved shape of the road is in focus.

- (39) *hinipu maka-peki*
road big-NCL:EXTENSIVE
'a big road' (big and large)

- (40) *inipu maka-khay*
road big-NCL:CURV
'a big road (big and twisted)'

The generic agreement class and the generic unmarked classifier (CL 7), which is also used for 'round' objects, is preferred in neutral contexts for all nouns with a non-human referent; more specific classifiers are used when a special aspect of the head noun has to be stressed. In (41), the generic classifier also used for 'round' objects is employed with reference to any 'one day'. In (42) the classifier *-waŋi* 'time cycle' is used, with reference to what happened during the whole three days (while the witch had been waiting for the children to come to her house).

- (41) *apa-da hekwapi apa-itə tʃiŋi*
one-CL:ROUND day one-CL:AN man
ʒi-a ʒi-uma ʒi-tuŋuka-wa
3sgnf-go 3sgnf-want 3sgnf-hunt-PURP
'One day (there was) a man. He went to hunt'.

- (42) *madaŋi-waŋi hekwapi-na nu-wapa-ka-hia*
three-CL:CYCLE day-LOC? 1sg-wait-DECL-2pl
'I was waiting for you during whole three days'

Very often, the classifier to be used is prompted by the semantic characteristics of the adjective. For example, adjective *hwuiwi* 'tasty' can only refer to substances, and so it takes the agreement noun class affix *-pezi* 'collective' when referring to *uni* 'water' — see (43). Dimension adjective *maka* 'big' will normally take a marker of a noun class with reference to shape or form; see (44).

- (43) *uni hwuiwi-pezi* 'tasty water'
water tasty-NCL PL:COLL

- (44) *uni maka-peki* 'big river'
water big-NCL:EXTENSIVE

Colour adjectives tend to be used with generic noun class markers (animate, inanimate, or the class of round objects, or collective plural). Dimension adjectives tend to be used with class markers which refer to form or shape of the head noun. Consider the following examples:

- (45) *ižiňa-da* *hipuqe-daŋi*
rope-CL:ROUND; GENERIC green-NCL:ROUND GENERIC
'a green (knot) of rope'

- (46) *wadzuŋi ita-ite* 'black vulture'
vulture black-NCL:AN

- (47) *ižiňa-da* *maka-khay* 'a long rope'
rope-CL:ROUND, GENERIC big-NCL:CURV

- (48) *wadzuŋi maka:paŋi (maka-apaqi)* 'big vulture'
vulture big-NCL:FLYING

The way native speakers choose classifiers and noun class markers is more like the choice of a synonym for a lexical item, than that of an application of a strict grammatical rule of agreement. The following examples taken from the same story told by two informants (a niece and an uncle) in 1991 and 1994 respectively illustrate the different use of noun class markers for the same referent — the big eyelids of a witch. These examples also illustrate the optional character of classifiers as derivational affixes.

- (49) *zu-thi maka-ya*
3sgf-eye big-NCL:SKIN
'Her eyelid is big'

- (50) *zu-thi-maka* *maka-phay*
3sgf-eye-CL: PIECE OF CLOTH big-NCL:FLAT
'Her eyelid is big'

Another property of noun classes and the classifier system that brings them closer to the lexicon than to grammar is the fact that even within the same dialect, and sometimes within the same family, the infor-

definants claimed not to use the same set of classifiers. Some of them definitely showed more predisposition to use generic classifiers than others.

Thus, it appears that classifiers and agreement noun classes in Baniwa, in spite of a closed character of the system itself, are rather 'loose' semantically; hence the numerous possibilities of reclassification of every item, depending on the semantics of a modifier and the intention of a speaker. Here lies the basic difference between noun classes in Baniwa and 'prototypical' noun classes as closed grammatical systems of agreement (as in West African languages, as characterized in [Craig forthcoming]). Noun classes in Baniwa are semantically much closer to prototypical classifiers.

5. Conclusions

The following properties characterize the system of classifiers, agreement noun classes and gender in Baniwa.

I. Baniwa has a system of 44 classifier morphemes (listed in Appendix), and 44 agreement classes. There are two numeral classifiers par excellence (which are used only with expressions of quantity). Both classifiers and agreement classes are shown to be semantically pliable; thus, numerous possibilities of 'reclassification' of nouns have been attested.

II. Classifiers are used as numeral, genitive and verb-incorporated classifiers. They are also widely used as derivational affixes, and anaphoric and discourse-pragmatic devices.

III. Agreement noun classes are obligatory in noun-adjective agreement. The class markers can also be used anaphorically if the head noun is omitted.

IV. Classifiers and agreement noun classes are similar, but not identical in their semantics and formal marking. There is also a generic unmarked noun class and a corresponding generic classifier (Number 7, Appendix: B). The possibility of using a different classifier and a different agreement class marker within the same noun phrase confirms the separate character of the two systems.

V. Agreement in classifier is obligatory in numeral and genitive constructions. The use of verb-incorporated classifiers depends on the discourse properties of the referent.

VI. Baniwa also has a split gender agreement system. The gender opposition: feminine vs. non-feminine is restricted to cross-reference markers, personal pronouns and demonstratives as modifiers. It also appears in a number of nominalizing derivations.

VII. Gender, noun class and classifier agreement differ as to the domain of agreement and strictness of agreement. Gender, noun class and classifier agreement is obligatory in noun-modifier constructions of the type *Attribute + Noun*.

VIII. Another basic difference between noun classes and classifiers, on the one hand, and gender system, on the other hand, is that the former is highly semantically oriented and pliable, and the latter constitutes a stricter grammatical system.

IX. Noun class markers and classifiers in Baniwa have the same origin. In the majority of cases, the basic difference between noun class markers and classifiers (if any at all) is the presence of an *adjectivizing* morpheme on the former. In contrast, gender agreement markers have a different origin.

Thus, Baniwa has a split agreement system with a distinction between gender agreement, restricted to verb-argument and a few cases of noun-modifier agreements (e. g. demonstrative pronouns and third person pronouns used as articles) and noun class agreement with other kinds of modifiers.

Another typologically unusual property of this language is the existence of noun class vs. classifier agreement, and several types of verb-argument agreement. The two systems differ as to their domain and strictness of agreement, and also as to their status as closed grammatical systems.

The high degree of semantic motivation and semantic flexibility of classifiers and noun classes in Baniwa makes the system of this language strikingly different from 'conventional', highly grammaticalized Bantu type agreement noun class systems, bringing it closer to a system like classifiers in Thai.

NOTES

¹ Baniwa of Içana is a North Arawak language spoken on the river Içana (tributary of the Upper Rio Negro), in Brazil and Colombia, by approximately 3000 people. Baniwa has at least twenty dialectal varieties, all mutually intelligible and close to each other. The dialect described here is Hohôdene from the Aiari river (a variety with the most speakers). Baniwa has never been thoroughly described. Here I shall follow the phonological system of Baniwa roughly established in [Taylor 1991] (a preliminary introduction to the language). This system is also currently used as practical orthography of the language by native teachers.

This paper is based on the data collected during fieldwork in 1991 and 1994. I am greatly indebted to all my teachers of Hohôdene — especially to Marcília Fontes Rodrigues, Afonso Fontes and João Fontes — an unfatigable story-teller and singer, and

also to Camilo, Laureano and Cecília da Silva. I am also grateful to R. M. W. Dixon, for helpful comments and suggestions. All errors and misinterpretations are, of course, mine.

The following abbreviations are used throughout this paper:

AN — animate	CAUS — causative	CL — classifier
COLL — collective	CURV — curvilinear	DECL — declarative
DEM — demonstrative	DER AFF — derivational affix	DIM — diminutive
DIR — directional	EMPH — emphatic	f — feminine
FUT — future	GEN — generic	IMP — impersonal
IND — indefinite	INT — interrogative	LIM SPACE — limited space
LOC — locative	NCL — noun class marker	NEG — negative
nf — non-feminine p	— person	PART — particle
PASS — passive	PL — plural	POSS — possessive
PROB — probability	PURP — purposive	REFL — reflexive
REL — relative	sg — singular	VERT — vertical.

² The indefinite person marking in Baniwa is used to emphasize the A/S_a constituent; for details see [Aikhenvald 1995].

³ Baniwa displays a split-ergative pattern of the marking of grammatical relations, depending on the semantics of predicate and partly the degree of control of the subject over the activity expressed with the help of the verb [Aikhenvald 1995].

⁴ In Baniwa, the phonological opposition between *ɛ* and *ɔ* is neutralized between two front vowels (i. e. only *ɔ* can appear between two front vowels). It is maintained elsewhere.

REFERENCES

- Aikhenvald 1994 — Aikhenvald A. Y. Classifiers in Tariana // Anthropological Linguistics. — 1994. — V. 36. — P. 407—465.
- Aikhenvald 1995 — Aikhenvald A. Y. Person marking and discourse in North Arawak languages // Studia Linguistica. — 1995. — V. 49(2). — P. 152—195.
- Aikhenvald 1996 — Aikhenvald A. Y. Classe nominal e gênero nas línguas Aruák // Boletim do Museu Paraense Emílio Goeldi. — 1994. — V. 10 (2). — P. 137—259.
- Aikhenvald mss — Aikhenvald A. Y. Noun Phrase Structure in Paumari: an interaction of gender and noun class.
- Aikhenvald in prep. — Aikhenvald A. Y. A Grammar of Baniwa of Içana.

- Allan 1977 — Allan K. Classifiers // Language. — 1977. — V. 53. — P. 284—310.
- Alpher 1987 — Alpher B. Feminine as the Unmarked Grammatical Gender: Buffalo Girls Are No Fools. // Australian Journal of Linguistics. — 1987. — V. 7. — P. 169—187.
- Anderson 1992 — Anderson S. R. A-Morphous Morphology. — Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Barrow, Ferguson 1988 — Barrow M., Ferguson C. A., eds. Agreement in Natural Language. — Stanford: CSLI. — 1988.
- Barnes 1990 — Barnes J. Classifiers in Tuyuca // Amazonian Linguistics. Studies in Lowland South American Indian Languages / Payne D. L. ed. — Austin: University of Texas Press, 1990. — P. 273—292.
- Barz, Diller 1985 — Barz R. K., Diller A. V. N. Classifiers and Standardization: Some South and South-East Asian Comparisons // Papers in South-East Asian Linguistics № 9: Language policy, language planning and sociolinguistics in South-East Asia / D. Bradley ed. — 1985. — P. 155—184. Pacific Linguistics, A-67, Canberra.
- Bisang 1993 — Bisang W. Classifiers, Quantifiers and Class Nouns in Hmong // Studies in Language. — V. 17-1. — P. 1—51. — 1993.
- Brüzzii 1967 — Brüzzii A. da Silva A. Observações gramaticais da língua Daxseyé ou Tukano // Centro de Pesquisas de Iauarete. — Iauarete. — 1967.
- Carlson, Payne 1989 — Carlson R., Payne D. Genitive classifiers // Proceedings of the 4th Annual Pacific Linguistics Conference. — Eugene: University of Oregon, 1989.
- Chapman, Derbyshire 1991 — Chapman S., Derbyshire D. Paumari // Handbook of Amazonian Languages. V. 3 / Derbyshire D. C. and Pullum G. K. eds. — Berlin: Mouton de Gruyter, 1991.
- Corbett 1991 — Corbett G. Gender. — Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- Craig 1986a — Craig C. ed. Noun Classes and Categorization // Typological Studies in Language. V. 7. — Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 1986.
- Craig 1986b — Craig C. Jacalteco noun classifiers: A study in Language and Culture // [Craig 1986a: 263—294].
- Craig 1990 — Craig C. Chibchan nominal classification. — Paper presented at AAA. — 1990.

- Craig 1992** — Craig C. Classifiers in a Functional Perspective // Layered Structure and Reference in a Functional Perspective / Fortescue M. et al. ed. — Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 1992. — P. 277—301.
- Craig forthcoming** — Craig C. Classifiers / Lehmann C. ed. — Handbuch der Morphologie.
- Denny 1976** — Denny J. P. What are Noun Classifiers good for? — Chicago Linguistic Society. — 1976. — V. 12. — P. 122—132.
- DeLancey 1986** — DeLancey S. Towards a history of Thai classifier system. / [Craig 1986a: 437—452].
- Derbyshire, Payne 1990** — Derbyshire D., Payne Doris L. Noun classification systems of Amazonian languages // Amazonian Linguistics. Studies in Lowland South American Indian Languages / Payne Doris L. ed. — Austin: University of Texas Press, 1990. — P. 243—272.
- Dixon 1982** — Dixon R. M. W. Where Have All the Adjectives Gone? and other essays in semantics and syntax. — The Hague: Mouton, 1982.
- Dixon 1986** — Dixon R. M. W. Noun classes and noun classification in typological perspective / [Craig 1986a: 105—112].
- Dixon 1988** — Dixon R. M. W. A Grammar of Boumaa Fijian. — Chicago, London: The University of Chicago Press, 1988.
- Dixon 1994** — Dixon R. M. W. Ergativity. — Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Foley 1986** — Foley W. A. The Papuan Languages of New Guinea // Cambridge Language Surveys. — Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Foley 1991** — Foley W. A. The Yimas Language of New Guinea. — Stanford: Stanford University Press, 1991.
- Gonçalves 1987** — Gonçalves C. H. R. C. Concordância em Mundurukú. — Campinas: Editora da Unicamp, 1987.
- Green, Green 1972** — Green D., Green H. Surface Grammar of Palikur. — SIL: Brasília, 1972.
- Harvey 1987** — Harvey M. The Waray Language from Adelaide River // MA Thesis. — ANU. — Canberra, 1987.
- Holmquist 1991** — Holmquist J. C. Semantic Features and Gender Dynamics in Cantabrian Spanish // Anthropological Linguistics. — 1991. — V. 33, 1. — P. 57—81.

- Hurd 1977** — Hurd C. Nasioi projectives // Oceanic Linguistics. — 1977. — V. 16. — P. 111—178.
- Lakoff 1986** — Lakoff G. Classifiers as a Reflection of Mind // [Craig 1986: 13—52].
- Lichtenberk 1983** — Lichtenberk F. Relational Classifiers // Lingua — 1983. — V. 60. — P. 147—176.
- Payne 1991** — Payne David L. A Classification of Maipuran (Arawakan) Languages Based on Shared Lexical Retentions // Handbook of Amazonian Languages. V. 3 // Derbyshire D. C. and Pullum G. K. eds. — Berlin: Mouton de Gruyter, 1991.
- Payne 1987** — Payne Doris L. Noun Classification in the Western Amazon // Linguistic Sciences (special issue): Comparative linguistics of South American Indian Languages / Key Mary Ritchie ed. — 1987. — V. 9. — P. 21—44.
- Payne 1990** — Payne Doris L. The Pragmatics of Word Order. Typological Dimensions of Verb Initial Languages. — Berlin: Mouton de Gruyter, 1990.
- Mithun 1984** — Mithun M. The Evolution of Noun Incorporation. — Language. — 1984. — V. 60. — P. 847—94.
- Mithun 1986** — Mithun M. The Convergence of Noun Classification systems // [Craig 1986: 379—398].
- Sands 1995** — Sands A. K. Noun Classification in Australia // Anthropological Linguistics. — 1995. — V. 37. — P. 247—346.
- Taylor 1991** — Taylor G. Introdução a língua Baniwa do Içana // Campinas: Editora da Unicamp, 1991.
- Wilson 1992** — Wilson P. J. Gramática del Achagua (Arawak). — Bogotá: Instituto Lingüístico de Verano, 1992.
- Worsley 1954** — Worsley P. M. Noun-classification in Australian and Bantu: Formal or Semantic? // Oceania. — 1954. — V. XXIV, № 4. — P. 275—288.
- Zubin, Köpcke 1986** — Zubin D., Köpcke K. M. Gender and Folk Taxonomy: The Indexical Relation Between Grammatical and Lexical Categorization / [Craig 1986: 139—180].

Appendix. Classifiers and noun classes in Baniwa

A. Animate, feminine vs. non-feminine

	classifier	noun class marker	gloss	examples
1.	-ita	-ite < -ita-y, -da-zi	non feminine animate; human attributes	<i>pitsana</i> 'cat', <i>nukapi</i> 'my hand', <i>fiāzi</i> 'man', <i>bulasa</i> 'biscuit'
2.	-hipa	the same as cl.1	non-feminine animate human	<i>fiāzi</i> 'man', <i>waži-paži</i> 'young man'
3.	-ma	-da-žu	feminine animate	<i>inazu</i> 'woman', <i>haddua</i> 'mother'

B. Form and shape

	classifier	noun class marker	gloss	examples
4.	-api	-api	hollow objects with big cavities	<i>tipaža:pi</i> 'pan', <i>ma:wip</i> 'blowing gun', <i>pažatu</i> 'plate'
5.	-aphi	-aphi	limited space	<i>kiniki</i> 'garden'
6.	-apu	-apu	long thinnish stick-like object	<i>haikwapi</i> 'stick', <i>dzawithyapi</i> 'bow'
7.	-da	-da-zi	round object; generic	<i>dzeka-da</i> 'plastic bag', <i>idza</i> 'rain', <i>hnuwi-da</i> 'my head'
8.	-hiku	-hiku	pointed, long	<i>ži-api</i> 'bone', <i>garafa</i> 'bottle'
9.	-hiwi	-hiwi	thin, sharp objects	<i>tikuže</i> 'a hair', <i>nukapida</i> 'my finger', <i>itsa</i> 'a fishing hook'
10.	-ifi	-ifi	small seed-like objects	<i>pipefi</i> 'seed of a palm tree fruit'
11.	-ku	-ku, -ki	pieces of cloth hammock-like	<i>piete</i> 'hammock', <i>eni-</i> <i>kažya</i> 'cob-web'
12.	-kwa	-kwe < kwa-y	flat, round, extended	<i>medza</i> 'table', <i>kanaži</i> 'looking glass', <i>kaida</i> 'beach'

13		-kha	-khay < -kha-y	curvilinear objects	<i>a:pi</i> 'snake', <i>umawaji</i> 'species of snake', <i>da:pi</i> 'palm fibre'
14		-na	-ne, -nay < -na-y	vertical objects	<i>haiku</i> 'tree', <i>dzawi</i> 'jaguar', <i>nukawa</i> 'my leg'
15		-pi	-pi	long thinnish ob- jects	<i>tēužipi</i> 'manioc squeezer', <i>keži</i> 'month'
16		-phe	-phe, -phay < phe-y?	thin flat foldable objects	<i>yamakati</i> 'cloth', <i>pa-</i> <i>peza</i> 'paper', <i>dzeka-</i> <i>phay</i> 'plastic table cloth', <i>ainidzumaka</i> 'mosquito-net'
17		-wa	-wa	smaller holes	<i>nu-numa</i> 'mouth'
18		-Ø	-yaži	hollow smallish objects	<i>a:ta</i> 'cup', <i>kureya</i> 'spoon'
19		yawa	-yawa	holes, open spaces	<i>panžinuma</i> 'door', <i>haža-</i> <i>yawa</i> 'hole', <i>nunuma</i> 'my mouth(hole)'

C. Functional properties

	classifier	noun class marker	gloss	examples
20	-apa	-apa-zi	non-feminine flying animate beings; semi-oval objects	<i>pitizi</i> 'bat', <i>kepizeni</i> 'bird', <i>ainidzu</i> 'mosquito', <i>wadžuži</i> 'vulture', <i>pažana</i> 'banana'
21	-apa	-apa-žu	feminine flying animate beings	<i>kažaka</i> 'hen'
22	maka	-make < -maka-y	piece of cloth	<i>tsaia</i> 'skirt', <i>dzawiya</i> 'jaguar's skin' (NOT ITA CTC!)
23	peku, -peki	-peku, -peki	extensive, road- like long stretches	<i>hinipu</i> 'road', <i>u:ni</i> 'river', <i>kažita</i> 'lake'

Appendix. Classifiers and noun classes in Baniwa

A. Animate, feminine vs. non-feminine

	classifier	noun class marker	gloss	examples
1.	-ita	-ite < -ita-y, -da-zi	non feminine animate; human attributes	<i>pitsana</i> 'cat', <i>nukapi</i> 'my hand', <i>fiāzi</i> 'man', <i>bulasa</i> 'biscuit'
2.	-hipa	the same as cl. 1	non-feminine animate human	<i>fiāzi</i> 'man', <i>waži-paži</i> 'young man'
3.	-ma	-da-žu	feminine animate	<i>inazu</i> 'woman', <i>haddua</i> 'mother'

B. Form and shape

	classifier	noun class marker	gloss	examples
4.	-api	-api	hollow objects with big cavities	<i>tipaža:pi</i> 'pan', <i>ma:wip</i> 'blowing gun', <i>pažatu</i> 'plate'
5.	-aphi	-aphi	limited space	<i>kiniki</i> 'garden'
6.	-apu	-apu	long thinnish stick-like object	<i>haikwapi</i> 'stick', <i>dzawithyapi</i> 'bow'
7.	-da	-da-zi	round object; generic	<i>dzeka-da</i> 'plastic bag', <i>idza</i> 'rain', <i>hnuwi-da</i> 'my head'
8.	-hiku	-hiku	pointed, long	<i>ži-api</i> 'bone', <i>garafa</i> 'bottle'
9.	-hiwi	-hiwi	thin, sharp objects	<i>tikuže</i> 'a hair', <i>nukapida</i> 'my finger', <i>itsa</i> 'a fishing hook'
10.	-ifi	-ifi	small seed-like objects	<i>pipefi</i> 'seed of a palm tree fruit'
11.	-ku	-ku, -ki	pieces of cloth hammock-like	<i>piete</i> 'hammock', <i>eni-</i> <i>kažya</i> 'cob-web'
12.	-kwa	-kwe < kwa-y	flat, round, extended	<i>medza</i> 'table', <i>kanaži</i> 'looking glass', <i>kaida</i> 'beach'

13		-kha	-khay < -kha-y	curvilinear objects	<i>a:pi</i> 'snake', <i>umawaji</i> 'species of snake', <i>da:pi</i> 'palm fibre'
14		-na	-ne, -nay < -na-y	vertical objects	<i>haiku</i> 'tree', <i>dzawi</i> 'jaguar', <i>nukawa</i> 'my leg'
15		-pi	-pi	long thinnish ob- jects	<i>tēužipi</i> 'manioc squeezer', <i>keži</i> 'month'
16		-phe	-phe, -phay < phe-y?	thin flat foldable objects	<i>yamakati</i> 'cloth', <i>pa-</i> <i>peza</i> 'paper', <i>dzeka-</i> <i>phay</i> 'plastic table cloth', <i>ainidzumaka</i> 'mosquito-net'
17		-wa	-wa	smaller holes	<i>nu-numa</i> 'mouth'
18		-Ø	-yaži	hollow smallish objects	<i>a:ta</i> 'cup', <i>kureya</i> 'spoon'
19		yawa	-yawa	holes, open spaces	<i>panžinuma</i> 'door', <i>haža-</i> <i>yawa</i> 'hole', <i>nunuma</i> 'my mouth(hole)'

C. Functional properties

	classifier	noun class marker	gloss	examples
20	-apa	-apa-zi	non-feminine flying animate beings; semi-oval objects	<i>pitizi</i> 'bat', <i>kepizeni</i> 'bird', <i>ainidzu</i> 'mosquito', <i>wadžuži</i> 'vulture', <i>pažana</i> 'banana'
21	-apa	-apa-žu	feminine flying animate beings	<i>kažaka</i> 'hen'
22	maka	-make < -maka-y	piece of cloth	<i>tsaia</i> 'skirt', <i>dzawiya</i> 'jaguar's skin' (NOT ITA CTC!)
23	peku, -peki	-peku, -peki	extensive, road- like long stretches	<i>hinipu</i> 'road', <i>u:ni</i> 'river', <i>kažita</i> 'lake'

D. Structure

	classifier	noun class marker	gloss	examples
24.	-ahna	-ahna-y	liquids	<i>u:ni</i> 'water', <i>kutfiaka</i> 'a drink of manioc flour'

E. Quantifiers

	classifier	noun class marker	gloss	examples
25.	-hipada	-hipada	piece, half	<i>paɬahnepada</i> 'big piece of banana'
26.	-ida	-ida	half	<i>apa-ida</i> 'half (of a pineapple)'
27.	-ima	-ima-qi	side	<i>makemazi</i> 'one side (of a hand)'
28.	-naku, -naki	-naku, -naki	bundle of thin long objects	<i>lapi</i> 'bundle of pencils' <i>flor</i> 'bunch of flowers'
29.	-pa	-pa-qi	bundle, box, parcel	<i>apa-pa</i> 'a box (of fishing hooks)'
30.	puku, puki	-puku, -puki	bundle of long objects; recipient for these objects	<i>su-puki waɬaya</i> 'small basket', <i>apa-puki paɬana</i> 'a bundle of banana'
31.	-tawahqe	-tawahqe	joint	<i>apa-tawahqe nukaphiwida</i> 'a joint of my finger'
32.	-waqi	-waqi	time cycle	<i>hamuqi</i> 'year', <i>hekwapiqi</i> 'day'
33.	-wana	-wane <-wana-y	thin slice	<i>apa-wana kuphe maka-wane</i> 'a big thin slice of fish'
34.	-wata	-wate <-wata-y	bundle ready for carrying	<i>paɬana maka-wate</i> 'a bundle of banana'

F. Specific classes

	classifier	noun class marker	gloss	examples
35.	Ø	-a, -aqi	canoe	<i>i:ta</i> 'canoe'
36.	dapana	-dapana	house	<i>panqi</i> 'house'
37.	-ihwe	-ihwe	egg, stone (of a fruit)	<i>kaɬakehwe</i> 'hen's egg'
38.	-hipani	-hipani	waterfall	<i>hipa</i> 'waterfall'
39.	-pawa	-pawani	big river	<i>u:ni</i> 'river'
40.	-fa	-fa-qi	excrement	<i>ifa</i> 'excrement'
41.	tuhwyā	-tuhwyā	room	<i>tuwhya</i> 'room'
42.	-ya	-ya, -yazi	skin	<i>dzawi-ya</i> 'jaguar's skin'

G. Plural agreement classes (with no corresponding classifiers)

	agreement marker	gloss	examples
1.	-pezi	inanimate; collectives	<i>yikuqe yapi-pezi</i> 'long hair'
2.	-peni	animate nouns; their attributes	<i>dzawithipa mafia-peni</i> 'beautiful footsteps of a jaguar (an ornament)'

H. Quantifiers (used only as classifiers)

	agreement marker	gloss	example
1.	-i	bundle	<i>ape pipizi</i> 'a bundle of pu-punha (palm tree fruit)'
2.	-ifia	bundle of small fruit	<i>apetfia manakhe</i> 'a bundle of açai fruit'

В. М. Алпатов

ЕЩЕ РАЗ О ФЛЕКСИИ, АГГЛЮТИНАЦИИ И ИЗОЛЯЦИИ

V. M. ALPATOV

ONCE MORE ABOUT FLEXION, AGGLUTINATION
AND ISOLATION

О каждом из трех понятий, вынесенных в заголовок статьи, написаны горы литературы. С тех пор как братья Шлегели и В. Гумбольдт в начале XIX в. разделили все известные языки мира на флексивные, агглютинативные и изолирующие (первоначально именовавшиеся аморфными)¹, данная проблематика стала одной из «вечных тем» лингвистики. Вся суть стадиальной концепции давно стала достоянием истории, любое понимание флексии, агглютинации и изоляции подвергается критике, не раз говорили о нечеткости и неясности самих этих понятий, тем не менее, эти понятия и соответствующие им классы языков пережили не одну смену научных парадигм и продолжают жить. Видимо, все же основатели типологии интуитивно нащупали нечто существенное и важное, хотя и не смогли дать ему адекватное объяснение.

Существует много разных определений флексии (или фузии), агглютинации и изоляции; о различных пониманиях этих терминов см., например, [Реформатский 1967: 270—271; Скаличка 1967: 188; Успенский 1965; Солицены 1965; Булыгина, Крылов 1990 а, б]; писал об этом и автор данной статьи [Alpatov 1993]. Прежде чем предложить еще один возможный, на наш взгляд, подход к разграничению этих понятий, отметим два не всегда четко осознаваемых свойства многих типологических классификаций, основанных на понятиях флексии, агглютинации и изоляции.

Первый пункт — не эталонные признаки, а эталонные естественные языки. Этalonными флексивными языками были древнегреческий, латинский, позднее также санскрит, а для лингвистов России и СССР в первую очередь русский. Этalonным агглютинативным языком чаще всего бывал турецкий, но мог быть и монгольский, татарский, венгерский и т. д. Изолирующими эталоном всегда был китайский; впрочем, и здесь учитывались фактически два языка, не вполне совпадающих по свойствам: классический (вэньянь) и новый («мандаринский»). Обычно исследователь уже заранее знает некоторые свойства этих языков (реальные или несколько утрированные), после этих свойств обобщаются, очищаются от неизбежных исключений и непоследовательностей, затем полученный результат может распространяться на другие языки.

По воспоминаниям П. С. Кузнецова, в начале 30-х гг. невежественный аспирант московского НИИ языкоznания, читая студентам пробную лекцию на тему «Морфологическая классификация языков», на вопрос, что такое агглютинация, ответил: «Это монгольское слово». Ответ не столь анекдотичен, как это может показаться. Аспирант, не зная латинское происхождение термина, верно уловил сущ. его употребления. Можно по-разному понимать агглютинацию, входить из какого-либо одного признака или множества признаков, но всегда это будут признаки, которые свойственны монгольскому и близким к нему алтайским языкам (и отчасти уральским). И в наши дни в число признаков агглютинативных языков включают и явно неязыковые признаки этих языков вроде сингармонизма, см., например, неподписанную статью «Агглютинация» в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» 1990 г. То же в целом можно сказать и про изолирующие языки. Отметим и любопытные данные книги [КТЯА 1982]. В ней вводится среди прочих «индекс агглютинаности», связанный с соединением морфем без изменений на стыках (традиционно — один из основных признаков агглютинаности). Подсчет этого индекса для разных языков² дает нетрадиционные результаты: наиболее «агглютинативными» оказываются как раз изолирующие языки (96—100), индекс же для традиционно агглютинативных языков ниже, колеблясь от 80 до 97 и не достигая 100 ни для одного из них. Вероятно, агглютинация в данном смысле в первую очередь ощущалась для языков типа турецкого (индекс агглютинации, по [КТЯА 1982]: 93), тогда как для языков типа китайского (индекс агглютинации, по [КТЯА 1982]: 100) она не замечалась из-за существования более «экзотических» для европейского наблюдателя свойств.

Итак, некорректно определять флексивные (агглютинативные, изолирующие) языки как языки, для которых характерна флексия (агглютинация, изоляция). Реально имеется в виду обратное: флексией (агглютинацией, изоляцией) в том или ином смысле именуется явление, типологически существенное для эталонных флексивных (агглютинативных, изолирующих) языков³.

Во-вторых, в большинстве классификаций, использующих идею о разграничении флексивных, агглютинативных и изолирующих языков, эти языки располагаются в определенном порядке. Так было и в стадиальных классификациях, где изолирующие языки рассматривались как низшая стадия, агглютинативные — как средняя и флексивные — как высшая стадия⁴. Экстраграмматические соображения не мешали считать китайский язык совершеннее монгольского, но чисто лингвистические свойства языков не давали возможности ставить изолирующие языки в середину схемы. И после отказа от стадиальности сохранилось представление о трех типах как о некоторой шкале, где агглютинативные языки занимают среднее положение. Вышеуказанные данные об индексе агглютинации вполне соответствуют этому представлению (для флексивных языков индекс закономерно дает низшие цифры от 50 для арабского языка до 14 в одном из санскритских текстов).

Таким образом, целесообразно выяснить некоторые существенные признаки, различающие три класса языков. В каждом классе имеется некоторый центр, представленный указанными выше языками, и периферия. Флексивные и изолирующие языки — некоторые полярные классы, агглютинативные находятся посередине. Мы предложим еще одну попытку подойти к этому вопросу, не претендуя, разумеется, на окончательное его решение.

Одним из кардинальных противопоставлений в лингвистике является противопоставление двух типов лингвистических описаний: словаря и грамматики. Это различие проявляется в самых не-похожих друг на друга лингвистических традициях и отражает, по-видимому, фундаментальное противопоставление двух компонентов психолингвистического механизма человека: набора хранимых в памяти единиц и множества операций с ними. Существование таких двух компонентов показывает изучение афазий. См. описанный в книге А. Р. Лурии вид афазии, когда словарь языка сохраняется, а участок мозга, ведающий грамматическими операциями, оказывается пораженным. Речь такого больного состоит из отдельных не связанных между собой слов, обычно в исходных формах. См., например, попытку рассказать содержание кинофильма: *Одесса! Жулик! Туда... учиться... море... во... во-до-лаз! Арме-*

... па-роход... пошло... ох! Батуми! барышня... Эх! Ми-ли-ци-пер... Ох!.. Знаю!.. Кас-са! Денег. Эх!.. Папирсы... Знаю... Пап-ренъ... Усы... Эх... Денег... [Лурия 1947: 81]. Такие больные не могут и изменять формы слов, например, просклонять или про-приять слова. Существуют и расстройства обратного типа. Тогда речь остается связной, но словарь крайне обеднен.

Из двух способов описания основным, несомненно, является словарь. В принципе любая грамматическая информация, кроме того что информации о правилах порядка элементов, может целиком быть включена в словарь. Первичность словаря и подчиненный характер грамматики выявляется и в связи с исследованиями по прикладной лингвистике [Шаляпина 1991]. Часто грамматические правила представляют собой сокращение и «вынесение за скобку» информации, которая в словаре многократно бы повторялась. Такое сокращение может, во-первых, служить целям экономии описаний, во-вторых, моделировать реальные психолингвистические процессы. Реальные грамматические правила, существование которых подтверждается данными афазий, дают возможность сочетать хранимые в мозгу единицы между собой и в то же время минимизировать количество этих единиц. Если в языке имеется словоизменение, то достаточно хранить в мозгу лишь исходные единицы (формы именительного падежа единственного числа, инфинитива, основы и пр.), а все остальное получать из них применением грамматических правил. Моделирующие такой механизм античные схемы склонения и спряжения более психологичны искривлены, чем позже появившееся описание в терминах «корень + аффикс» — см. [Головастиков 1980].

Границы между грамматикой и словарем достаточно подвижны, они могут проводиться лишь из соображений практического удобства или просто по традиции (ничем иным нельзя объяснить, например, принятное включение в грамматики числительных первого десятка). Бывают пограничные явления: служебные слова обычно минимизируют и в словарях, и в грамматиках. Очень часто, иногда в унитарной последовательности, в словари включают все, что не является регулярным, например, отдельные словоформы неправильных глаголов. Противопоставление словарного грамматическому как не-регулярному регулярному обосновал Л. В. Щерба [Щерба 1958: 16]. Такая точка зрения, вероятно, тоже имеет психолингвистические основания: нерегулярные формы могут храниться особо.

Тезису о первичности словаря не противоречит тот факт, что в привычной для нас европейской лингвистической традиции жанр Грамматики сложился раньше, чем жанр словаря, а также распро-

страненное в науке большей части XX в. и не вполне исчезнувшее представление о словаре как о более периферийном типе описания. Грамматические правила требуют коррекции, которая в развитых обществах осуществляется в школе; особенно это важно для флексивных языков. Знакомство же со словарем обычно происходит стихийно, через речевое общение или знакомство с текстами. Словари более нужны там, где язык культуры недостаточно понятен, поэтому в Европе поначалу словари существовали в виде глосс, где толковались линь непонятные слова. Бурное развитие новых методов в лингвистике XX в. раньше проявилось в грамматике, чем в лексикографии, поскольку грамматические правила стандартнее и схематичнее. Такой разрыв мог приводить к представлениям о словаре как о чисто практическом по своим задачам способе описания, не поддающемся строгим научным методам. Но в последние два десятилетия именно проблемы лексической семантики оказались в центре внимания теоретической лингвистики.

Однако соотношение грамматики и словаря — не постоянная величина для любого языка, оно зависит от его строя. И здесь, как нам кажется, и проявляется различие флексивных, агглютинативных и изолирующих языков.

Возьмем русский как эталонно флексивный язык. Для него важнейшее значение имеет грамматика, прежде всего морфология. Морфологические (в широком смысле слова) правила здесь достаточно разнообразны: это и правила словоизменения, и правила словосложения, и правила словообразования. Слово русского языка, как правило, — сложное по структуре целое, а операции со словами далеко не сводятся к простому их соположению. Описывать все эти операции в словаре явно незакономно, сюда можно включать лишь уникальные операции вроде супплетивизма, типовые же операции закономерно выносятся в грамматику. Такие языки максимально грамматичны, а в грамматическом описании значительное место занимает парадигматика. Именно по этому пути шли те лингвистические традиции, которые формировались на основе наблюдений над языками подобного типа: европейская во всех ее вариантах, арабская, индийская.

Противоположный полюс составляют изолирующие языки типа китайского. Их грамматика может быть сведена к синтаксису в широком понимании этого термина: все правила сводятся к правилам порядка и правилам формальной и семантической сочетаемости элементов. Каждый из значимых элементов, в основном соответствующих слогоморфам⁵, обладает четкой выделимостью и самостоятельностью, а комбинаторных изменений на стыках не происхо-

дит или почти не происходит. Большинство правил сочетаемости (кроме акцентуационных) — это правила (чаще связанные с семантикой), ограничивающие сочетаемость конкретных элементов, часто даже не формулируемые в терминах грамматических классов (частей речи). Ограничения, конечно, есть в любом языке, но показательны полуанекдотические рассказы о том, как студенты предлагали хорошо владевшим вэньянем профессорам произвольные последовательности иероглифов, а те давали этим последовательностям синтаксическую и семантическую интерпретацию. Для вэньяня, впрочем, такое сделать легче, чем для современного китайского языка, где сравнительно легко выделяются типовые правила синтагматики словоформ, см. [Семенас 1992]. Однако эти правила прежде всего семантичны: типовую сочетаемость имеют единицы не с определенной формальной структурой или грамматической характеристикой, а с определенным обобщенным значением. Многие из таких правил сохраняют силу независимо от того, как интерпретируются сочетания слогоморфем — как сложные слова или как словосочетания. Вопрос о границах слова, как известно, постоянно дискутируется в китаистике, а для его решения неприменимы критерии вроде цельнооформленности, решающие для языков типа русского.

Все правила сочетаемости для китайского и сходных с ним языков могут быть представлены как словарные. Семантические ограничения естественно включаются в толкование, а более формальные ограничения сочетаемости (например, у служебных элементов, именовавшихся в китайской традиции «пустыми словами») индивидуальны для каждой конкретной единицы и оять-таки могут записываться в словаре. Разные понимания границ слова в этих языках мало влияют на лексикографию: самые ярые сторонники многоморфности китайского слова заносят в словари и слогоморфемы, кроме совсем уж опрошенных, а отождествление слова со слогоморфемой не мешает включению в словарь их устойчивых сочетаний, пусть на правах фразеологизмов. В то же время введение синтаксических правил, кроме правил порядка на разных уровнях, не является столь уж необходимым. Описание же парадигм, составляющее для флексивных языков едва ли не основную часть грамматик, для языков типа китайского оказывается ненужным⁶.

Изолирующие языки словарны. И не удивительно, что китайская традиция самостоятельно не выработала грамматику как способ описания. Хотя там и существовало понятие «пустого слова», более или менее соответствующее служебному слову, но описано

сывались эти «пустые слова» словарно, были даже их специальные словари. Первая грамматика в Китае появилась в 1898 г. уже под европейским влиянием.

Агглютинативные языки типа алтайских оказываются промежуточными между максимально словарными и максимально грамматическими. В одной из недавних статей традиционное описание агглютинативной словоформы уподобляется «паровозу с вагончиками» [Вахтин 1994]⁷. В таких языках к корню (как правило с одной стороны) примыкает некоторое множество грамматических и/или полузнаменательных элементов, причем грань между чисто грамматическими (словоизменительными) и словообразовательными менее ясна, чем во флексивных языках. В то же время синтагматические границы элементов сравнительно очевидны и проводятся более или менее однозначно. В одном отношении крайности сходятся: и во флексивных, и в изолирующих языках число грамматических элементов (будь то аффиксы или служебные слова) относительно невелико. Редко в какой флексивной словоформе можно встретить более трех-четырех аффиксов, много «пустых слов» подряд тем более невозможно. Но в агглютинативных языках количество грамматических элементов максимально как в парадигматическом, так и в синтагматическом плане: единиц, именуемых в грамматике аффиксами, послелогами, частицами много, а к корню может присоединяться до десятка таких «вагончиков», что невозможно ни во флексивных, ни в изолирующих языках.

Как трактовать такие языки в отношении разграничения между грамматикой и словарем? Возможны по крайней мере три подхода.

Наиболее распространенный способ описания связан с тем, что агглютинативные языки описываются по образцу флексивных, т. е. максимально грамматических. Основная часть грамматических элементов трактуется как аффиксы, грамматика сводится прежде всего к парадигмам, обычно в виде привычных таблиц склонения и спряжения. Подобное описание не столь явно неадекватно, как это бывает при попытках выделения парадигм в изолирующих языках. Для алтайских языков аргументом в пользу такого подхода является сингармонизм, дающий сравнительно четкий критерий для выделения словоформ.

Отметим, однако, два момента. Во-первых, подобный способ описания не может до конца следовать флексивной модели. В последней явно преобладание парадигматической морфологии над син-

тагматической. Если для санскрита внутрисловная синтагматика описывается детально из-за многочисленных сандхи, то для русского языка о ней могут вообще не упоминать ввиду ее тривиальности. Однако для агглютинативных языков в любой грамматике (кроме самых традиционных, типа миссионерских) большое место занимает синтагматика. См. экспликацию синтагматических правил в «грамматике порядков» [Ревзин, Юлдашева 1969], основанной на выдвинутых в 40-е гг. идеях Н. Ф. Яковлева. Для таких языков вполне достаточно перечислить служебные элементы и правила их порядка и сочетаемости. Стремление же дать для этих языков полную таблицу всех возможных словоформ, очень важное для грамматистов прошлого века, теперь отшло на второй план: это и сложно и во многом избыточно.

Во-вторых, вызывает сомнение психологическая адекватность такой модели (в отличие от флексивных языков). Уже величина парадигм препятствует этому. Например, в арчинском языке (не принадлежащем к числу эталонных, но типологически близком) «общее число форм, которые можно получить от одного глагольного корня, равняется 1.502.839, т. е. более полутора миллионов» [Кибрик 1977: 36]. Построить такую парадигму в виде таблицы с перечислением всех форм затруднительно. Тем более трудно представить, что носители таких языков строят все эти формы видоизменением одной исходной. Естественнее считать, что такие последовательности получаются соположением отдельно осознаваемых элементов. С этим естественно сочетается и еще одно часто выделяемое отличие флексивных и агглютинативных языков: в агглютинативных языках основа слова обычно может выступать как целая словоформа, т. е. обладает четкой выделимостью, чего часто не бывает во флексивных языках. Но такой процесс «присоединения вагончиков к паровозу» в традиционной европейской модели имеет место, например, при описании сочетания целого слова с предлогом и артиклем, но не при описании словоизменения. Тем самым понятие аффикса для флексивных и агглютинативных языков объективно оказывается различным.

Другой возможный способ описания агглютинативных языков — чисто словарный (квазикитайский). Такой способ существовал в Японии в первые века после освоения китайской лингвистики. Однако уже к XVIII в. от него отказались, по крайней мере, при описании глагола. Для японского языка возникает необходимость введения регулярных правил сочетаемости грамматических элемен-

⁵ Возможны, конечно, исключения вроде многосложных заимствований, в современном языке их больше, чем в китайском. Но наличие исключений указывает лишь на сдвиг того или иного языка по шкале.

⁶ Попытки описывать китайский по образцу русского с выделением парадигм, одновременно распространенные в советской науке (см. [Конрад 1952]), сейчас уже оставлены как явно неадекватные.

⁷ Н. Б. Вахтин спорит с таким описанием, но скорее его возражения сводятся к тому, что в реальных языках ситуация может быть сложнее и возможны сдвиги по шкале в сторону флексивности.

⁸ Иные агглютинативные языки так и не стали основой самостоятельных традиций: вначале тюркские языки описывались по арабскому, а монгольские — по тибетскому эталону, позднее исследования таких языков, выполненные их носителями, следовали и следуют прежде всего русскому варианту европейской традиции.

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов 1979 — Алпатов В. М. Структура грамматических единиц в современном японском языке. — М.: Наука, 1979.
- Алпатов 1991 — Алпатов В. М. К вопросу о типологии оформления морфемных стыков // Морфема и проблемы типологии. — М.: Наука, 1991.
- Булыгина, Крылов 1990а — Булыгина Т. В., Крылов С. А. Флексия // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Сов. энцикл., 1990. — С. 551.
- Булыгина, Крылов 1990б — Булыгина Т. В., Крылов С. А. Флексивность. // Там же. — с. 552.
- Вахтин 1994 — Вахтин Н. Б. Словоизменительная морфема и грамматическая категория: эскимосские формы с двойным временем // Изв. РАН, сер. ли-т. и яз. — 1994. — Т. 53. — № 4. — С. 28—33.
- Головастиков 1980 — Головастиков А. Н. К проблеме психологической адекватности моделей русского словоизменения // Тезисы рабочего совещания по морфеме (ноябрь 1980). — М., 1980.
- Кибрик 1977 — Кибрик А. Е. Опыт структурного описания арчинского языка. — М.: Изд-во МГУ, 1977. — Т. 3.
- Конрад 1952 — Конрад Н. И. О китайском языке // Вопросы языкоznания. — 1952. — № 3.
- КТЯА 1982 — Квантитативная типология языков Азии и Африки. — Л., 1982.

- Лурия 1947 — Лурия А. Р. Травматическая афазия. — М., 1947.
- Никольский, Яковлев 1949 — Никольский В. К., Яковлев Н. Ф. Основные положения материалистического учения Н. Я. Марра о языке // Вопросы философии. — 1949. — № 1.
- Ревзин, Юлдашева 1969 — Ревзин И. И., Юлдашева Г. Д. Грамматика порядков и ее использование // Вопросы языкоznания. — 1969. — № 1.
- Реформатский 1967 — Реформатский А. А. Введение в языковедение. — М.: Просвещение, 1967.
- Семенас 1992 — Семенас А. Л. Лексикология современного китайского языка. — М., 1992.
- Скаличка 1967 — Скаличка В. О грамматике венгерского языка // Пражский лингвистический кружок. — М., 1967.
- Солницевы 1965 — Солницева Н. В., Солницев В. М. Анализ и аналитизм // Аналитические конструкции в языках различных типов. — М., 1965.
- Соссюр 1977 — Соссюр Ф. де. Труды по языкоznанию. — М.: Прогресс, 1977.
- Успенский 1965 — Успенский Б. А. Структурная типология языков. — М., 1965.
- Шаляпина 1991 — Шаляпина З. М. Грамматика и ее соотношение со словарем при словоцентрическом подходе к языку (на опыте формализованного лингвистического описания) // Вопросы языкоznания. — 1991. — № 5.
- Щерба 1958 — Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. — М., 1958.
- Alpatov 1993 — Alpatov V. M. Are the Altaic languages agglutinative? // Proceedings of the XXXIII PIAC. — Budapest, 1993.

считать верным для Автора «Слова». Из этого решения следует, что *ны* в первом предложении я буду трактовать как инклюзивное ‘мы’. При ответе на вопрос о том, сочиняет ли Автор текст спонтанно в процессе исполнения или заранее, воспроизводит ли он при повторном исполнении текст точно по памяти, или вновь спонтанно с использованием удачных наработок первого (предыдущего) исполнения, следует, видимо, обратить внимание на глагол *творити* в предложении *Бояти бо вѣщій, аще кому хотяще пѣснъ творити...* Используемый ниже глагол *пѣти* для обозначения исполнительской части створения песни указывает на то, что глагол *творити* выбран Автором не случайно. На это же указывает и подробное описание творческого процесса у Бояна. Перейдем теперь к анализу текстовых связей между первыми тремя фразами «Слова».

Первое предложение представляет собой вопрос. Для его понимания следует очевидно решить, какую прагматическую цель он преследует. Совершенно ясно, что Автор задал его не с целью получить на него ответ: этого не допускает сам жанр песни. Вопрос, таким образом, риторичен. Однако среди риторических вопросов можно выделить, по крайней мере, два класса: те, содержание которых предсказывает ответ и на которые, по правилам ведения диалога, не нужно отвечать ни адресанту, ни адресату, и те, ответ на которые необходим, но, по правилам построения данного типа текстов, на них должен отвечать сам говорящий. В данном случае мы имеем дело с псевдодиалогической конструкцией текста: как уже было сказано, жанр песни не допускает вмешательства слушателей в построение текста. Кроме того, вопрос здесь не предсказывает ответа: из общих соображений не очень понятно, почему бы и не *начати* эту песнь *старыми словесы*. Следовательно, мы должны искать в тексте ответ, который дает сам Автор. Естественно предположить, что второе предложение и является этим ответом. Следующее же за вторым третье предложение призвано объяснить, почему на поставленный в первом предложении вопрос следует отвечать так, как это сделано во втором предложении. На это указывает в третьем предложении частица *бо* ‘ибо, поскольку, ведь’. Так выглядит сентенциональный синтаксис этого фрагмента. Теперь обратимся к внутренней структуре предложения и его семантике.

В первом предложении мы имеем дело с дизъюнктивным вопросом, ответом на который может быть либо да, либо нет. Трудность состоит в том, чтобы распознать, на какую синтаксическую подструктуру распространяется сфера действия вопросительного оператора, так называемый дезидератум вопроса (см. по этому поводу [Хинтикка 1974]). Другими словами нужно понять, к какой

синтаксической подструктуре вопросительного предложения следует применить операцию подтверждения или отрицания. Сферой действия дизъюнктивного вопроса может быть: 1) сама возможность или невозможность события (ср. *Отец пришел?* — Да (Нет); для оценочного предложения, каковым является наше, это невозможно); 2) вершинный глагол (в этом случае на поставленный выше вопрос ответом было бы — *Приехал*; в нашем случае вспомогательный глагол *бяшеть* мало подходит для подобного понимания); 3) непосредственно зависимая от глагола подструктура, в нашем случае это: а) *Не лѣно*, или б) *Не лѣпо ли ны*, или в) *Не лѣпо ли ны начати*, или г) *Не лѣпо ли ны начати старыми словесы*, или д) *Не лѣпо ли ны начати старыми словесы трудныхъ повѣстій о нылку Игоревѣ*. Присутствие рядом с *Не лѣпо* частицы *ли* отмечает первый вариант. Ответ *Не лѣно!* или, наоборот, *Лѣно!* не проясняет для вопрошающего ничего. Напротив, ответы *Лѣпо начати!* или *Лѣпо начати... старыми словесы!* утверждают выбор, который вполне мог бы удовлетворить его. Выбрать тот или иной вариант перевода можно только после анализа семантических связей между лексемами и их конструкциями в первом и втором предложении. Как я уже говорил, второму предложению естественно отвести роль ответа на вопрос, поставленный в первом. Тот факт, что и вопрос, и ответ проектировал здесь один и тот же человек, предопределяет структурные связи между ними, хотя структурное тождество здесь и не обязательно. Посмотрим теперь, какие связи между предложениями обнаружили переводчики.

Все три переводчика истолковали эти два предложения по-разному. Жуковский и Заболоцкий выбрали вариант Зв). Из этого решения следует, что они понимают коммуникативное намерение Автора «Слова» как просьбу к почтенной публике разрешить ему начать песнь, иными словами, как традиционный зацин (*не лѣно ли... начати*). Инструментальное дополнение *старыми словесы* в этой трактовке должно будет восприниматься как компонент пресуппозиции: что *старыми словесы* — само собой разумеется. Из этого следует и то, что *старыми словесы* — это хорошо, нормально. Жуковский так и понимает указанное словосочетание и даже усиливает положительную оценку старых словес, преобразуя их в благородное «древним складом». Запомним, однако, что положительные коннотации указанного словосочетания — это всего лишь следствие определенной трактовки: само *старыми словесы* этих коннотаций не содержит. Тех же позиций при переводе первого предложения придерживается и Заболоцкий, который перевел *старыми словесы* как «старинной речью». Почему два этих замечательных переводчика настаивают на

старинной речи? Зачем бы могло понадобиться Автору рассказывать своим современникам о недавних событиях «древним складом»? У современников и Жуковского, и Заболоцкого этот «древний склад» должен был вызвать двойные ассоциации: с высоким стилем (ср. с нашими старославянизмами) и древностью самого произведения. Как мне кажется, добиться этих эффектов входило в намерения обоих переводчиков. Напротив, в намерения Автора «Слова», по крайней мере, вторая задача не входила и входить не могла. Первую же, как мне кажется, он перед собойставил, но решал ее совсем по-другому, нежели это делали наши переводчики. Основными средствами повышения «стиля» для Автора «Слова» были, на мой взгляд, погружение мира описываемых в нем событий в уже контрастный для христианской Руси, но все еще живой, мир древних верований русичей — в политеистический мир славянской мифологии (трудно найти другое объяснение появлению славянской мифологической терминологии в христианском по настрою художественном произведении, кончающемуся традиционным «каминь») — и сравнение подвигов современных авторам князей с подвигами их прославленных предков (а в других традициях и мифологических системах еще и с подвигами богов, к которым часто возводили свой род князья). В те времена с помощью одних только языковых средств в литературном древнерусском языке добиться эффекта возвышенного слога, на мой взгляд, было трудно: относительно недавно принятый в качестве культового старославянский язык не был тогда еще даже новоиспеченным литературным языком Древней Руси, не то что языком, вышедшим из употребления. Он здесь, следовательно, помочь не мог. Исконные же лексические средства, имевшие статус торжественных терминов, действовали только локально, выделяя как возвышенный лишь данный эпизод или объект. В. А. Дыбо обратил мое внимание на то, что такие же средства повышения «стиля» действуют, например, в «Старшей Эдде». Она была также создана во времена, когда христианство уже завоевало свои позиции в Скандинавии, но мир, в котором действуют ее герои, погружен в древнее мифологическое пространство. Возможно, что сходство это не случайно, особенно если учесть скандинавское происхождение наших князей.

Из этого рассуждения становится ясным, что переводить *старыми словесы* так, как это сделали Жуковский («древним складом») и Заболоцкий («старинной речью») нельзя. Не подходят по той же причине и «старинными выражениями» — вариант перевода предложенный в объяснительном переводе Д. С. Лихачевым. «Старыми словами», впрочем, еще хуже: что это значит, понять вообще нельзя.

Указанная выше трактовка первого предложения, данная Жуковским и Заболоцким, определяет и способ соотнесения первого предложения со вторым. По их трактовке, ответ на вопрос, заданный в первом предложении (*Начати!* или что-нибудь в этом роде), в исходной конструкции нашего фрагмента элиминирован. Следующее предложение является по идее наших переводчиков продолжением этого элиминированного ответа: *Начати жс ся тъй пѣсни* и т. д. Такое построение текста вполне оправдано, хотя в этой интерпретации он и оказывается не достаточно связным. Серьезной претензией к переводу в этом случае остается сомнительное истолкование именной группы *старыми словесы*.

Теперь рассмотрим второй возможный способ построения синтаксической структуры глагольной группы, со сферой действия, распространяющейся на *старыми словесы*. В этом случае под дезидератум вопроса подпадает выбор языковых средств для построения произведения: *старыми словесы* или по-другому, т. е. *новыми словесы*. Такой способ понимания первого предложения был предложен А. С. Пушкиным. «По мнению переводчиков, — писал Александр Сергеевич, — поэт говорит: Не воспеть ли нам об Игоре по-старому? Начнем же песнь по былинам сего времени (то есть по-новому) — а не по замыслению Боянову (то есть не по-новому). Явное противоречие!» [Пушкин 1976: 374]. Важным наблюдением здесь является возможность противопоставить *старыми словесы* именной группе *по былинам сего времени* и тем самым сделать его эквивалентным словосочетанию *по замыслению Бояню*. Постараюсь развить эту мысль, тем более, что в литературе по «Слову» она не пользуется особой популярностью.

Обратимся к синтаксической конструкции второго предложения. *Начати жс ся тъй пѣсни по былинам сего времени*. Конструкция Инфинитив + Датив обозначает то же, что и повелительное наклонение, только в третьем лице. И должна быть переведена здесь как ‘пусть же начнется (будет сложена) эта песнь по событиям (и по их истолкованию) нашего времени (а не по замыслению Бояна)’. Особенno важна здесь для понимания частица *жс*. Эта частица обозначает противопоставленность некоего фрагмента смысла предложения, в которое она входит, определенному фрагменту смысла предыдущего предложения: X в противоположность Y (ср. я *пойду налево*, ты же *иди направо*). *Же* здесь сигнализирует о том, что в данном и в предыдущем предложении есть противопоставленные компоненты. Мы нашли их. Словоформы *словесы* и *былины*, с одной стороны, и *повѣстій* и *пѣсни*, с другой оказываются здесь референтно эквивалентными. Словоформы же *стары-*

ми и сего времни, как верно заметил Александр Сергеевич, противопоставляют эти референтно эквивалентные словоформы друг другу (интересно, что формально же во втором предложении приымкает к глаголу, который идентичен синтаксической вершине первого члена оппозиции). Обратимся теперь к толкованию выражения *старыми словесы*. В свете сказанного выше можно истолковать эту именную группу только без положительных коннотаций. В данном контексте она может значить либо 'в (композиционной) манере старых песен', либо 'используя уже сложенные (Бояном) песни'. Если принять гипотезу о том, что певец творил песнь, то правдоподобнее выглядит первая трактовка. *Замышлсніс я буду* понимать как «композиционный стиль».

Заключая свой анализ первых двух предложений «Слова», Пушкин объясняет позицию Автора следующим образом: «Стихотоворцы никогда не любили упрека в подражании, и неизвестный творец «Слова о полку Игореве» не преминул объявить в начале своей поэмы, что он будет петь по-своему, по-новому, а не тащиться по следам старого Бояна» ([Пушкин 1976: 374]). С последней частью рассуждения, где говорится о том, что Автор не собирается «тащиться», я совершенно согласен, однако, считаю все же, что причина тому не юношеская перипендикулярность Автора Бояну, а то, что он намерен не воспевать поход Игоря, а рассказать о нем правду, оценить его объективно, без личного упрека Игорю, но с сожалением и о том, что русичи проиграли сражение, и о том, что это имело печальные последствия, и о том, что Игорь мог бы предвидеть, какие беды он может навлечь на русскую землю в случае поражения, но увидеть это ему помешало его неумеренное честолюбие. Автор, таким образом, противопоставляет свою позицию, позицию искателя и поэтического жреца истины, позиции Бояна, жреца своей дружины, певца, который пел славу этой дружине и тогда, когда поход был **неправедным или неудачным**. Именно этим противопоставлением позиций древнерусских поэтов объясняется, на мой взгляд, фрагмент «Слова», в котором Автор вначале иронически изображает, как бы ущекоталь полки Игоря Боян, а затем говорит, как должен был бы поступить ясновидящий вещий кудесник — жрец Истины: *Пѣти было пѣсь Игорсви, того внуку: Не буря соколы занесе чресъ поля широкая галици стады бѣжать къ Дону Великому*. Сарказмом следовало бы певцу удержать Игоря от похода. Отмечу, кстати, что если принять такую трактовку приведенного выше текста, то следует отказаться от версии, по которой Автор принимал участие в походе Игоря. Вряд ли сочетается этот пассаж и с придворным по отношению к Игорю положением Автора.

Итак, для Автора упоминание о Бояне — это способ сразу же объявить о своей позиции жреца истины, понимаемой с позиций пользы для общерусского государства³, позиции далеко не общепринятой.

Ближе всех к изложенной выше трактовке перевод Д. С. Лихачева: «Не пристало ли нам, братья, начать старыми словами печальные повести о походе Игоревом, Игоря Святославича? Пусть начнется же песнь эта по былинам нашего времени, а не по замышлению Бояна». Объяснительный перевод: «Не пристало ли нам, братья, начать старинными выражениями горестное повествование о походе Игоревом, Игоря Святославича? — (Нет,) начать эту песню надо, следуя за действительными событиями нашего времени, а не по (старинному) замышлению (способу, плану, приему) Бояна». Следует отметить, однако, что, хотя из объяснительного перевода хорошо видно, что Д. С. Лихачев принял трактовку А. С. Пушкина, на тексте перевода это практически не сказалось: понять из него тот факт, что Автор «Слова» противопоставляет себя Бояну, можно, но традиционная установка на то, что «Слово» написано старинными выражениями, по непонятной причине остается.

Я бы предложил следующий перевод этих двух фраз: 'Пристало ли нам, братия, начинать печальное повествование о полку Игореве, Игоря Святославича, перепевами старых песен? Наша песнь пусть начнется по рассказам нашего времени, а не по замыслу Боянову'.

Теперь попытаемся разобраться в буквальном смысле следующего предложения. *Боянъ бо вѣщий, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, сизымъ орломъ подъ облакы*. Вновь обратимся к переводам названных выше трех авторов. В. А. Жуковский: «Вещий Боян, // Если песнь кому сотворить хотел, // Растекался мыслию по древу, // Серым волком по земле, // Сизым орлом под облаками». Д. С. Лихачев: «Ибо Боян, вещий, если хотел кому песнь сложить, то (вместо того, чтобы следовать «былинам сего времени») растекался мыслию по (воображаемому) дереву, серым волком по земле, сизым орлом под облаками». Д. С. Лихачев, литературный перевод: «Боян же вещий, // если хотел кому песнь воспеть, // то растекался мыслию по древу, // серым волком по земле, // сизым орлом под облаками». Н. А. Заболоцкий: «Тот Боян, исполнен дивных сил, // Приступая к вещему напеву, // Серым волком по полю кружил, // Как орел под облаком парил, // Растекался мыслию по древу». Рассмотрим эти переводы подробнее.

Прежде всего, бросается в глаза, что во всех трех переводах фраза эта остается совершенно непонятной для читателя, из чего можно сделать вывод о том, что не вполне понятной она была и для переводчиков. В качестве спасительного приема все они используют одно и то же: перевод в самом темном месте почти повторяет оригинал. Переводчик делает вид, что оригинал понятен и без прояснения. Самым темным местом здесь является *растекался мыслию по древу*.

2. Проведем вначале лингвистический анализ фрагмента *Боянъ бо вѣцій.. растѣкашется мыслію по дрсу, сѣрым вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы*. Предложение представляет собой сочинительную конструкцию, в которой однородными членами являются существительные в творительном падеже, подчиненные глаголу *растѣкашется*. Из этого следует, что при переводе нужно учесть, что глагол должен быть мысленно повторен с каждым из однородных членов: **Боянъ растѣкашется мыслію по древу, растѣкашется сѣрым вѣлкомъ по земле, растѣкашется шизымъ орломъ подъ облаками*. В переводах это должно выглядеть так: **Боян растекался мыслию по древу, растекался серым волком по земле, растекался сизым орлом под облаками*. Это прояснение показывает, как неестественно выглядит в переводе глагол *РАСТЕКАТЬСЯ*. В современном русском языке основным его значением является 'распространяться по поверхности (о жидкости)'. Если мысль еще можно себе представить в виде жидкости (ср. *мысли мои текли вяло...*), то уж волка и орла — вряд ли.

Корень *{ТЕК}/{ТѢК}* довольно часто встречается в подлиннике и в большинстве контекстов имеет значение 'быстро перемещаться в пространстве'. Примеры: *Тогда пущашеть і соколовъ на стадо лебедѣй, который дотечашъ, та преди пѣсь пояше...* Перевод: 'Тогда выпускал (он) десять соколов на стадо лебедей. Та (лебедь), которую он (сокол) догонял, первой пела песнь...'. ... и потече (*Игорь*) къ лугу Донца... *Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влууръ влькомъ потече...*

В последующем тексте «Слова» есть предложение, которое позволяет подтвердить наши предположения относительно корня *{ТЕК}/{ТѢК}*: *О Бояне, соловію старого времни! Абы ты сѧ пльки ущскоталь, скача, славію по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы*. Употребление в этом предложении лексемы *ДРЕВО* (ср. *растѣкашется мыслію по древу* и *скача по мыслену древу*) и сходство образов с теми, которые использовались в нашей фразе (ср. *растѣкашется шизымъ орломъ подъ облакы* и *летая умомъ подъ облакы*), позволяет предположить, что дерево здесь имеется в

виду то же, что и в исследуемой фразе. Если принять эту гипотезу, становится очевидным, что часть этой фразы практически повторяет именно самое темное место в рассматриваемой фразе, но соответствующие элементы смысла в нем выражены другими лексическими средствами. В качестве аналога глагольного корня *{ТЕК}/{ТѢК}* в этой фразе выступают корни *{СКАК}(АТЬ)* и *{ЛЕТ}(ЕТЬ)*. Их ясное и для современного носителя русского языка значение подтверждает гипотезу об истинном значении корня *{ТЕК}/{ТѢК}* в *растѣкашется*: это гипероним к *ЛЕТЬ, БЕЖАТЬ, СКАКАТЬ* и т. д. Префикс *{РАЗ}* добавляет к смыслу 'быстро перемещаться в пространстве' свой дополнительный компонент. При этом из многочисленных значений этого префикса с корнями, обозначающими перемещение в пространстве, может сочетаться, видимо, лишь значение 'в разные стороны', как в *РАСХОДИТЬСЯ, РАСПОЛЗАТЬСЯ, РАЗЪЕЗЖАТЬСЯ*, или значение 'достичь в процессе перемещения большой скорости', как в *РАССКАКАТЬСЯ, РАЗЛЕТЕТЬСЯ, РАЗОГНАТЬСЯ* и т. д. Отметим, что в русском языке у глагола *РАСТЕКАТЬСЯ* подобных значений не имеется! Абсолютно неоправданым поэтому выглядит передача этим глаголом древнерусского *растѣкашется*. Наиболее подходящим для передачи его смысла в современном русском является, видимо, *РАЗОГНАТЬСЯ*.

Обратимся теперь к *древу*. Словосочетание *мыслено древо* в приведенной фразе указывает на то, что описываемые анализируемой фразой события происходят во внутреннем мире Бояна. При этом *древо* скорее всего, имеет отношение к терминам славянской мифологии. Если гипотеза эта справедлива, то речь идет либо о *мировом древе*, либо о *древе (по)знания*. В первом случае *мыслено дрсу* является моделью мирового дерева, а мировое дерево моделью мифологического мира. Вот по этому-то миру и *растѣкашется* Боян мыслью. Древесная модель мифологического мира отображает во времени определенный этап его развития — переход от хаоса к порядку — и вводит различные его параметры. По вертикали древо противопоставляет в мире горнюю (крона), срединную (ствол) и нижнюю (корни) части. Каждая из этих частей по различным параметрическим шкалам вводит свою характеристику: в пространственной сфере противопоставляются небо, земля и подземная часть; в сфере богов — небесные боги (например, Перун), подземные боги (например, Велес), во времени им соответствуют будущее (крона), настоящее (ствол) и прошедшее (корни); в родовой сфере — потомки (крона), современники (ствол) и предки (корни); в сфере стихий — огонь и воздух (крона), земля (ствол) и вода (корни); в сфере живых существ — птицы (крона), четвероногие животные и человек (ствол)

и пресмыкающиеся и земноводные (корни). Таким образом, древо в этой модели задает структуру мирового пространства и связывает его структурными отношениями с наполняющими это пространство элементами. Каждая часть дерева задает замкнутое подпространство со своей внутренней организацией и наполняющими его элементами. Элементы, объединяемые отношениями соотнесенности с одной и той же частью мирового дерева, образуют ряды однородных объектов, несовместимых в одной и той же интерпретации. Однако каждый из них способен сигнализировать о том, какая часть мирового дерева в данный момент имеется в виду. В интересующей нас фразе **ДРЕВО синcretично обозначает и структуру и внутреннее пространство модели**: с одной стороны, по нему Боян разгоняется мыслью, с другой стороны, преобразование мысли в некое живое существо в зависимости от того, в какой части пространства она оказывается, указывает на упорядочение частей этого самого пространства и связывает их с множествами однородных объектов определенных в данной части модели. Серый волк на земле сигнализирует о том, что Боян охватывает срединную часть дерева — все, что творится и творилось на земле; орел же под облаками сигнализирует о том, что Боян охватывает и горнюю часть дерева и мысленно перебирает все, что происходило и происходит в божественной горней части. Это рассуждение позволяет увидеть, что нижнюю часть дерева Боян не затрагивает. И происходит это потому, видимо, что Боян — дружинный певец, песни свои он складывает о дружине, и события, которые он описывает, происходят в срединной части мира (именно здесь выясняются отношения между воинами) и в горней части мира: там живут божественный покровитель князя и дружины — Перун. Именно там решаются судьбы людей и событий срединного мира. Божества горного мира общаются с обитателями срединного мира с помощью особой символической системы — знамений (затмения солнца, погода, непогода и т. д.). Кроме того, в качестве коммуникативной системы Горние Боги ⇒ Человек используется поведение животных, посланцев богов. Орел и волк — слуги и посланцы Перуна (ср. Уже бо бѣды его (Игоря — А. Б.) пасетъ птицъ подобью; вльци грозу всрожатъ по яругам; орли клектомъ на кости звѣря зовут...). Нижним миром правит Велес, крадущий у Перуна скот, людей и даже жену Перуна. Велес ведет себя по отношению к Перуну коварно, и время от времени между Перуном и Велесом начинаются сражения. Перун мечет громы и молнии. Велес прячется под деревом или камнем, обращается в коня, корову, человека. В конце концов, побеждает всегда Перун, и тогда на землю обрушивается дождь (ср. *Быти грому великому, итти дождю*

стрилами съ Дону Великаго). Скотий бог, как называют Велеса, покровительствует ведунам-музыкантам, певцам, сказителям, следователям, и Бояну, тем не менее, поющему славу подопечным Перуна князю и его дружине.

Вторая интерпретация предполагает, что дерево — модель знаний, модель памяти. В этом случае оно представляет структуру знаний. Знания могут состоять, с одной стороны, из моделей событий, фактов, с другой же, что особенно важно в случае с Бояном, — из текстов, в том числе и из песней. Как мы увидим дальше, выбор из этих двух типов знания также представляет проблему.

Обратимся теперь к лексеме **мысль**. Она может иметь два омонимичных значения: 'мысль' и 'белка'. О возможности иметь здесь второе значение мы поговорим чуть позже. Вначале же рассмотрим возможные ипостаси первого значения. Эти ипостаси выглядят следующим образом: 'фрагмент знания' (ср., например: эта мысль была мне уже известна), 'новый фрагмент знания' (ср., например: у меня есть одна мысль!), 'инструмент для поиска нужного фрагмента знания' (например: мысль моя достигала самых удаленных уголков сознания). Если **мысль** здесь рассматривать в этом значении, то следует иметь в виду его третью ипостась.

Теперь рассмотрим отношения между актантами глагола **растѣкашется**. Обратимся к тому, как связаны **БОЯНЪ**, **мысль**, **влъкъ** и **ОРЕЛЬ**.

Три последних существительных, как уже было сказано, синтаксически связаны сочинительной связью, стоят в творительном падеже. Падеж обозначает роль, которую исполняет объект в действии (состоянии, факте), обозначаемом в нашем случае глаголом **растѣкашется**. **Мысль** выполняет в ситуации роль инструментального агента, т. е. роль деятеля, действующего по чужой воле. При этом, поскольку **растѣкашется** можно истолковать как 'разбегался', 'разлетался', 'разгонялся', мысль можно трактовать как объект с характеристиками собирательного множества: улетал Боян мыслью, как уже стало понятно из предыдущего, в разные пределы; множественность мысли, облеченный в форму собирательности, согласуется здесь и с семантикой префикса {РАЗ} — 'в разные стороны'.

Если теперь говорить о связи референта имени собственного **БОЯНЪ** с референтами трех существительных **мысль**, **влъкъ** и **ОРЕЛЬ**, то напрямую, как источник сознательного волевого акта, он связан лишь с мыслью. Это доказывается возможной синонимической трансформацией (в смысле З. Хэрриса, а не в смысле Н. Хомского): **БОЯНЪ растѣкашется мыслю по дрсу.** ⇒ **Мысль Боянова растѣкашется по (мыслену) дрву.** И невозможностью сходных

трансформаций: *влькъ бояновъ растѣкается по (мыслену) древу или *орель бояновъ растѣкается по древу. Трансформации эти невозможны, в частности, потому, что ВЛЪКЪ и ОРЕЛЬ не могут обозначать собирательного, множественного объекта и, следовательно, семантически не согласуются с *растѣкается* и потому, что и ВЛЪКЪ и ОРЕЛЬ связаны с *Бояномъ* через *МЫСЛЬ*: референты и того, и другого — ипостаси разных мыслей, согласующиеся с той сферой мыслена древа, в которую мыслью «потечет» Боян. Волк — ипостась той мысли, которая была послана Бояном в срединные сферы древа. Орел — ипостась мысли, которая была послана в горные сферы древа к облаку, атрибутируемому Перуну. Из всего этого следует, что, несмотря на однородную конструкцию, творительный падеж здесь обозначает разные вещи: при *МЫСЛИ* — инструментальный агент, при *ВОЛКЕ*, *ОРЛЕ* — трансформатив (ср. *полететь кукушкой*, *обернуться лягушкой*). Боян не кореферентен мысли (т. е. не обозначает тот же объект, что и мысль), *МЫСЛЬ* же кореферентна *ВЛЪКУ* и *ОРЛУ* (вместе взятым). Возможность все же поставить *МЫСЛЬ*, *ВЛЪКЪ*, *ОРЕЛЬ* в сочинительную конструкцию обеспечивается тем, что опосредованно волк и орел — также исполнители чужой воли. В семантике творительного падежа этих словоформ, следовательно, необходимо усмотреть синкритизм двух различных значений творительного падежа. Он здесь как бы двуфокусный. Этот факт вызывает большие сложности при понимании и переводе этой фразы.

Верность моей мысли по поводу синкритизма, двуфокусности смысла творительного падежа лексем *ВЛЪКЪ* и *ОРЕЛЬ* и однофокусности ее в *МЫСЛИ* косвенно подтверждает разнобой в переводах этой и соседних фраз у таких, например, первоклассных переводчиков, как В. А. Жуковский и Н. А. Заболоцкий. Первый сохраняет всю структуру фразы и в русском переводе: «Вещий Боян, // Если песнь кому сотворить хотел, // Растекался мыслию по древу, // серым волком по земли, сизым орлом под облаками». Из этого отрывка еще нельзя понять, как трактует Жуковский *ДРЕВО*, соотнесенность с ним и друг с другом мысли, волка и орла. Но из следующей фразы видно, что он не видит в этом предложении ничего, кроме штампа: «Вам памятно, как пели о бранях первых времен...». Получается, что следующий фрагмент никак не связан с предыдущим. Другим свидетельством того, что Жуковский не вполне понял соотнесенность между тремя героями ситуации, обозначенной рассматриваемой фразой, является творительный падеж лексемы *ОБЛАКО* в его переводе. Этот же, казалось бы, незначительный, штрих указывает еще и на то, что Жуковский не совсем понимает и смысл словоформы *растѣкается*. Дело в том, что словоформа *облакы*, несомненно,

должна трактоваться как творительный падеж мн. ч., если считать, что лексема, к которой она относится, среднего рода. Если же заподозрить, что она мужского рода (а основания для таких подозрений есть: средний род был характерен для этой лексемы в восточных диалектах древнерусского языка, в западных она выглядела как *ОБЛАКЪ* — эту информацию любезно предоставила мне проф. А. В. Дыбо), то ту же словоформу можно трактовать и как творительный, и как винительный падеж мн. ч. В «Слове» эта лексема встречается еще в одном контексте: [Осмомысль] полтеръ горы Угорскыи <...> затворивъ Дунаю ворота, меча времены чрезъ облакы. *Облакы* управляет здесь предлогом *ЧРЕЗЪ*, требующим при себе не творительного, а винительного падежа. Ср. ...рища въ тропу троянию чресъ поля на горы. *ПОЛЕ* здесь стоит в винительном падеже, причем эта лексема — среднего рода, и окончание у нее в винительном падеже множественного числа — *-я*, из этого следует, что у *ОБЛАКО*, если бы оно было среднего рода, окончание здесь было бы *-а*. Тот факт, что в этой форме соответствующая лексема заканчивается на *-ы*, означает, что она мужского рода, по крайней мере в том диалекте, на котором говорил Автор. Из этого же факта вытекает, что *НОДЬ* в интересующей нас фразе может управлять и винительным падежом. Более того, эта трактовка, несомненно, более предпочтительна: ведь передвижение орла здесь должно быть не параллельно земле (в этом случае орел мог бы парить под *облаками*), Боян *носит* его к воображаемым облакам с воображаемой земли, следовательно, орел летит, хоть и во внутреннем мире Бояна, но от Бояна (мысленно ведь и сам Боян присутствует в своем внутреннем мире), находящегося на земле, *под облаками*, а не *под облаками*.

В переводе Заболоцкого сразу можно увидеть, что он понял сложность соотнесенности мысли, волка и орла. Но решил вопрос по-своему. Он сделал упор на различии значений творительного падежа и представил смысл целого как эллиптическую конструкцию, в которой для волка и орла нужно «додумывать» глаголы: «Тот Боян [исполнен дивных сил], приступая к вещему напеву, серым волком по полю *кружил*, как орел под облаком *парил*, растекался мыслию по древу». Из одного события сделано три. Получилась очень странная мысль: невозможно понять, ни где происходит описываемое фразой действие, ни с какой целью оно совершается. *ОБЛАКО* здесь так же, как и у Жуковского, в творительном падеже со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Возвращаясь теперь к лексеме *МЫСЛЬ*, мы уже можем твердо сказать, что она здесь должна пониматься в значении именно 'мысль', а не 'белка', как предлагается некоторыми исследователя-

ми (и то и другое значение у этой лексемы в древнерусском языке было, см. [Словарь 1982]; в соответствующей статье этого словаря приводится значение лексемы *мысль* 'белка-летяга'; в качестве примера на это значение приводится наша фраза из «Слова» — стр. 334). Во-первых, поскольку, как мы выяснили, животные и птицы в этой фразе нужны для того, чтобы сигнализировать о том, в какую часть мира посыпает Боян свою мысль (кстати, прием превращения героя или его мысли в животное или птицу, соответствующую среде, в которой он в данный момент передвигается, используется в «Слове» не раз (ср. *А Игорь князь поскочи горностаемъ къ тростю и бѣлы мъголемъ на воду или И потече (Игорь) къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мыглами...*). Белка может быть отнесена либо к горнему миру (что сомнительно), либо к срединному. Но для символизации и того и другого уже названы волк и орел. Белка оказывается лишней в этой схеме. Во-вторых, в приведенной выше фразе *Абы ты сіа пльки ущекоталь, скача, славію, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы...* Словоформам *мыслью* и *орломъ* в нашей фразе соответствует словоформа *умомъ* в только что приведенной (ср. *растѣкатется мыслю по древу, <...> шизымъ орломъ подъ облакы* vs. *летая умомъ подъ облакы*; напомню, что мы уже выяснили, что морфема {*ТѢК*} — гипероним к морфеме {*ЛЕТ*}). В-третьих, дополнительным аргументом в пользу толкования лексемы *мысль* как 'мысль', а не как 'белка' является тот факт, что в тексте «Слова» есть лексема с этим последним значением, но означающее у нее другое: ... *а ногани сами побѣдами нарыщуще на Русскую землю, емляху дань по бѣль отъ двора.* И, наконец, последним аргументом в пользу приведенной трактовки лексемы *мысль* является тот факт, что эта лексема в значении 'белка-летяга' в западных диалектах древнерусского языка не использовалась.

Вернемся теперь опять к загадочному древу в связи с упомянутыми орнитологическими и анималистическими атрибутами горного и срединного мира. Установление соответствий между однородными объектами, относящимися к разным сферам, но одной и той же части древа, сопровождается в «Слове» при определенных условиях наследованием атрибутов, относящихся к объектам одной сферы, соответствующими объектами другой сферы. Орел и сокол, например, будучи в божественной горней сфере атрибутами Перуна, в «горней» социальной сфере, где роли Перуна соответствует князь, переходят от покровителя к его протеже. Хотя следует отметить, что орел в этой роли встречается гораздо реже. В тексте «Слова» орел не атрибутируется ни одному князю. Всем князьям дается в качестве постоянного атрибута только сокол. Простые

дружинники в горнюю сферу, видимо, не допускаются. Ср. противопоставление *Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ плькомъ потече...* Четко противопоставляются в этой сфере атрибуты своих и чужих князей и их воинов. Ср. *Дремлетъ въ полѣ Ольгово хоробре гнѣздо. Далече залетѣло! Не был(о) онъ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чрѣній воронъ, ноганій половчине!* В последнем предложении противопоставляются сокол и кречет, с одной стороны, и ворон — с другой. Причем указано, кто подразумевается под вороном. Под соколом же и кречетом, очевидно, имеются в виду свои же русские князья. В срединной части в социальной сфере действует *влькъ*. При этом в качестве оптета он может относиться как к рядовым воинам, так и к князьям, и даже к врагам. Ср. *Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влькомъ, или А мои ти куряни... сами скачуть, аки сѣрыи вльци въ полѣ..., или Вѣвръжеся (Игорь — А. Б.) на брѣзъ комонъ и скочи съ него босымъ влькомъ и потече къ лугу Донца...* Очевидно волк играет здесь роль символа агрессивного сильного воина. В битве воины не сопоставляются с волком, действие переходит в горние сферы.

В связи со сказанным обращает на себя внимание тот факт, что Бояну атрибутируются и волк, и орел, и сокол. Факт этот, несомненно, требует осмысления, ведь Боян не князь, ему покровительствует не Перун, в тексте недвусмысленно указывается на то, что он «*ислесовъ внукъ*», внук скотьего бога. В приведенной уже выше фразе он, как и положено, уподобляется соловью (*О Бояне, соловію старого времени! Абы ты сіа пльки ущекоталь, скача, славію, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы*), и уподобляется не только потому, что он красиво поет, но еще и потому, что, по верному замечанию В. Н. Топорова и Вяч. Вс. Иванова, соловей связан анатоматической связью с Волосом (ср. *Волос — солов*). Сопоставление этой фразы с анализируемой выявляет, на мой взгляд, еще одно замечательное противопоставление — противопоставление внутреннего и внешнего по отношению к Бояну мира. В двух этих мирах Боян выступает и в социальной и в космогонической иерархии в противоположных ролях: в событиях внешнего мира, каковым является событие, обозначаемое фразой, приведенной чуть выше, Боян — поэт, музыкант, человек низкого звания, его покровитель — скотий бог; в событиях внутреннего мира он — верховный бог, князь этого мира. Мысли-фрагменты знания — его подчиненные, они — обитатели своего рода срединного мира, и он, как князь, повелевает ими. У него есть и другого рода мысли — мысли-гонцы, объявляющие первым волю князя. Именно поэтому Бояну, как князю и верховному божеству, атрибутируются царственные, княжеские птицы орел и

сокол. Тем самым, отвергая идеологию Бояна как дружинного певца, готового петь славу князьям и их дружинам независимо от того, действительно ли славные дела они творят, Автор «Слова» утверждает за ним, однако, право полной свободы в творческом порыве, утверждает за ним право быть равным князю и даже богу в своем воображении, во внутреннем мире. Единственная мысль, которая способна в этом плане заронить сомнение в величии деяний Бояна, великого мастера своего дела, замечательного знатока русской истории, словесья «старого времени», состоит в том, что свободным в результате полета своей мысли он становится и от фактов внешнего мира: он ищет вдохновения в своем воображении, в прошлом, в то время как песнь его относится к действительным действиям князей, а они в свою очередь имеют непосредственное отношение к общей судьбе «даждьбожа внука» — русского народа, идущего вместе с ними по тропе трояновой, идущего под их водительством. Думается, что именно эта последняя идея и объясняет появление после первых двух фраз замысловатого описания творческого процесса великого певца древности, описания, кстати, рассчитанного на высокий интеллектуальный уровень слушателей песни. Переходим теперь к следующему фрагменту текста и посмотрим, соответствует ли его смысл предложенной выше трактовке предыдущих фраз.

*Помняшеть бо речь пъвыхъ временъ усобицъ, тогда пущашеть
соколовъ на стадо лебедѣй, который дотечаше, та преди пѣсь поя-
ше старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю
предъ пылки касожскими, красному Романови Святославичю.
Боянь же, братие, не токмо соколовъ на стадо лебедѣй пущаше, нь своя
вѣща прсты на живая струны вѣскладаше, они же сами княземъ
славу рокотаху.*

Переводы.

В. А. Жуковский: «Вам памятно, как пели о бранях первых времен: // Тогда пускались десять соколов на стадо лебедей; // Чей сокол долетал — того и песнь прежде пелась: // Старому ли Ярославу, храброму ли Мстиславу, // Сразившему Редедю перед полками касожскими, // Красному ли Роману Святославичу».

Н. А. Заболоцкий: «Жил он в громе дедовских побед, // Знал немало подвигов и схваток, // И на стадо лебедей чуть свет // Выпускал он соколов десяток. // И, встречая в воздухе врага, // Начинали соколы расправу, // И взлетала лебедь в облака, // И трубила славу Ярославу. // Пела древний киевский престол, // Поединок славила старинный, // Где Мстислав Редедю заколол // Перед всей касожскою дружиной, // И Роману Красному хвалу // Пела лебедь, падая во мглу».

Д. С. Лихачев (литературный перевод): «Помнил он, как говорил, // первых времен усобицы. // Тогда напускал десять соколов на стадо лебедей: // какую лебедь настигали, // та первой и пела песнь — // старому Ярославу, // храброму Мстиславу; // что зарезал Редедю перед полками касожскими, // красному Роману Святославичу.

Д. С. Лихачев (объяснительный перевод): «Помнил он, как говорил, первоначальных времен войны (и) тогда напускал десять соколов (пальцев) на стадо лебедей (струн): который (из соколов) догонял какую (лебедь), та первая (и) пела песнь («славу») старому Ярославу (Мудрому), храброму Мстиславу (Владимировичу), который зарезал Редедю (касожского князя) перед полками касожскими (в Тмуторокани), прекрасному Роману Святославичу (сыну Святослава Ярославича, князя Тмутороканского)».

Из приведенных переводов видно, что разногласия в понимании первого предложения (*Помняшеть бо речь пъвыхъ временъ усобицъ, тогда...*) касаются прежде всего толкования а) глагола *помняшеть*, б) времени и вида глагола, в) словоформы *речь* и ее роли в предложении. В. А. Жуковского посетило заблуждение относительно формы глагола *помняшеть*: он считал, что это второе лицо мн. ч. (*помняшсте*). Строго говоря, формально он имел право на такую трактовку, поскольку описание и непониманий при переписке в тексте «Слова» было достаточно много, однако предложенная им трактовка натыкается на множество трудностей с толкованиями прочих словоформ этого предложения, равно как и с толкованием, например, имперфекта, в котором стоит глагол, да и всего предложения в целом. Чтобы понять это предложение так, как это сделал В. А. Жуковский, нужно, например, истолковать *речь* как существительное в винительном падеже, прямое дополнение к глаголу *помняшете*. При этом значить здесь это слово должно 'песнь'. Синтаксически такая трактовка не проходит потому, что в этом случае словоформа *усобицъ* должна толковаться как форма родительного падежа, хотя на самом деле это форма именительного или винительного падежа, по синтаксической роли — винительного. С семантической точки зрения толкование Жуковского маловероятно по многим причинам: и потому, что у лексемы *РЕЧЬ* не зафиксировано значение 'песнь', и потому, что совершенно неясным при этом остается, при чем здесь *бо*, и потому, что сама мысль о том, что соревнование между *поэтами-певцами* основывалось не на том, кто лучше слагает песни, а на том, кто *лучший в соколиной охоте*, выглядит довольно странно.

Перевод первой фразы у Заболоцкого показывает, что он истолковал глагольную словоформу *помнящеть* как 'помнил' или 'вспоминал', т. е. так или почти так, как ее понял Лихачев, поэтому я обращусь сразу к переводу последнего. Д. С. Лихачев, на мой взгляд, совершенно правильно понял приведенную выше глагольную словоформу как форму 3-го лица ед. ч., стоящую в имперфекте. Ориентируясь на каноническое значение имперфекта 'длительное действие в прошлом', он переводит эту форму как 'помнил'. Словоформу *речь* Д. С. Лихачев понял как форму аориста третьего лица ед. ч., т. е. как *речс*, где последняя гласная, по предположению Д. С. Лихачева, была ошибочно заменена одним из переписчиков на *ь*. Так толковали эту форму многие исследователи. И я присоединяюсь к их мнению. Глагол, к которому относится эта словоформа, встречается в «Слове» 14 раз. Из них в форме *рече* — 9 раз. Причем в этой форме, которая, кстати, может означать и 2 л. ед. ч., данный глагол 8 раз был использован в значении 'сказал (3 л. ед. ч.)' перед прямой речью или в середине прямой речи. Один раз он был использован в значении 'например, скажем': *Не тако ли, рече, рѣка Стугна: худу струю имѣя, пожрыши чужи ручъи и стругы ростре на кусту, уношу князю Ростиславу затвори Днѣпръ темнѣ березѣ.* Примеры с таким значением для *речс* приводятся и в словаре древнерусского языка И. И. Срезневского. Д. С. Лихачев заполняет свободную первую валентность и словоформы *помнящеть* и словоформы *рече* референтом имени *Боянъ*. Это верно при истолковании последнего как 'сказал', и неверно при истолковании его как 'например, скажем' или при широко принятом истолковании этой формы как 'говорят'. Лихачев же выбрал формально явно неудачный перевод 'говорил': если уж говорить о прямом, неидиоматическом значении этой формы, то так можно было бы перевести форму имперфекта, но вряд ли можно так перевести форму в аористе. Аористный же перевод *рече* — 'сказал' — здесь невозможен потому, что нарушится согласование времен, и потому, что этот перевод не подходит по смыслу: 'сказал' значило бы, что сказал он это Автору «Слова», что по общепризнанному мнению невозможно, поскольку Боян, по наиболее распространенной версии, жил столетием раньше, чем Автор «Слова». Однако самыми важными аргументами против того способа перевода, который избрал Д. С. Лихачев, являются, как всегда, аргументы структурного характера.

Частица *бо*, как и в предыдущем предложении, связывает предшествующее предложение с анализируемым. Так же, как и в предыдущем случае, его смысл — отношение уточнения, пояснения, которое связывает предыдущую и последующую мысли: 'я буду сла-

гать свою песнь не по вымыслу, а по рассказам очевидцев, не так, как это делал Боян, *а он (конкретно) делал так*'; 'Боян разлетался мыслью по всему миру, *а конкретно он делал так*, вспомнит, например, междуусобицы ранних времен, тогда...'. Выделенные жирным курсивом компоненты толкования выражаются частицей *бо*; она, как это видно из сокращенного приблизительного перевода, связывает супрасинтаксическими отношениями второе и третье и четвертое предложения и указывает, каким именно предикатом эти предложения связываются. Это наблюдение позволяет с большей определенностью судить и о том, какое значение выбрать для *речс*. Если увязывать предшествующие предложения с анализируемым, то, несомненно, больше здесь подходит 'например, скажем'. Не противоречит и выбранный мной для перевода афористический тип временного значения идею имперфекта. Точечный тип афористического значения времени позволяет согласовать его с начинаящим второе предложение *тогда*. У Лихачева это согласование отсутствует. Можно возразить, что у *ТОГДА* несколько значений: (i) 'точка на временной оси, расположенная на ней раньше момента говорения', (ii) 'временной интервал, весь расположенный на временной оси раньше момента говорения', а также соответствующие анафорические значения: (iii) 'точка на временной оси, обозначенная антецедентом', и (iv) 'временной интервал, обозначенный антецедентом'. Указательное *ТОГДА* предполагает, что адресат и адресант обсуждают некоторый промежуток времени, который им обоим известен, но о нем не было речи в предшествующем тексте. То же можно сказать и о втором указательном значении. Единственным способом толкования *ТОГДА*, который делает текст связанным, является (iii): в этом случае устанавливается кореферентность между *тогда* и глагольной группой предыдущего предложения. Предыдущее же предложение описывает действие, подготовленное действиями, описанными в третьем предложении текста: Боян разлетался мыслью по миру своего воображения для того, чтобы что-нибудь там найти, и вот он находит, вспоминает междуусобицы ранних времен.

Теперь обратимся к самому загадочному фрагменту рассматриваемого абзаца: ...*тогда пущашть і соколовъ на стадо лебедѣй, который дотечаше, та преди иѣсь пояше...* Интерпретации здесь требуют новые персонажи — СОКОЛЫ и ЛЕБЕДИ. От того, как и в каком мире мы их интерпретируем, зависит и то, как мы будем трактовать события, в которых они участвуют. В. А. Жуковский, как уже было сказано выше, понял эти слова как обозначающие реальные объекты, предположил, что в древней Руси бывали подобные соревнования между певцами-поэтами, и здесь мы имеем дело с описанием

соревнований, в которых принимал участие Боян. Н. А. Заболоцкий откровенно оставляет это место темным. Д. С. Лихачев, опираясь на совпадение 10 соколов и 10 пальцев, упоминаемых в следующем предложении, и соколов уподобляет пальцам, трактуя использование названий птиц как красивое сравнение. Эта последняя мысль вызывает у меня большие сомнения в связи с тем, что последнее предложение в цитированном абзаце — *Боянь же, братис, не і соколовъ на стадо лсбѣдѣй пущашс, нъ своя вѣща прѣсты на живая струны вѣскладаше, они же сами князмъ славу рокотаху* — описывает свое событие как отдельное от предыдущего и противопоставляет то, что оно обозначает, референту предыдущего предложения отрицанием предыдущих персонажей (ср. первые две подчеркнутые именные группы) и утверждением новых (ср. вторые две именные группы), противопоставляя их методом параллельных конструкций (по А. Н. Веселовскому). Кроме того, по мысли Д. С. Лихачева получается, что каждая из песен Бояна исполнялась на одной струне, песен у него, соответственно, было столько же сколько струн. Все эти идеи, как будто специально для Дмитрия Сергеевича, опровергаются в следующем предложении. Это соображение заставляет ис-
кать для пернатых персонажей новую интерпретацию.

Как уже не раз отмечалось, одним из главных критерии качества перевода является его связность, к этой характеристике я вновь здесь и обращусь. Действие, которое предшествовало тому, что было обозначено в предложениях ...тогда пущашет г̄ соколовъ на стадо лсбѣдѣй, который дотчаше, та преди пѣсь поящс... было посвящено воспоминанию некоторого события. Следовательно, происходит оно все в том же мире воображения Бояна, в котором происходило и предшествующее ему действие. Первое, что приходит в голову, в связи с этими утверждениями, — что событие, описанное в смежном (т. е. нашем) предложении тоже происходит во внутреннем мире Бояна. Основными персонажами этого мира, как мы уже выяснили, являются **мысли-гонцы**, которые посылаются за **мыслями-фрагментами знания**. Однако эти последние на сцене еще не появились. Понятно лишь, что они уже выделены как отдельные персонажи и что за ними послано. Предложение *Помняшеть бо рече първыхъ времень усобиѣ* меняет точку зрения повествователя (по Б. А. Успенскому — см. его «Поэтику композиции» в [Успенский 1995]): на одно предложение он вылетает из внутреннего мира Бояна и показывает его со стороны внешнего наблюдателя: Боян вспоминает. Это слегка сбивает с толку. Но событие, описанное с точки зрения стороннего наблюдателя, все же не выходят за пределы внутреннего мира Бояна. Кроме того, событие это трудно опи-

сать, продолжая находиться в рамках внутреннего мира Бояна. Язык для описания невидимых для внешнего наблюдателя объектов и событий внутреннего мира строится на ходу, он не задан заранее, он составлен из сложных знаков, в следующем предложении построение ментальной конструкции именно с его помощью продолжится: в нем (т. е. в анализируемом) предложении вновь появляются хищные пернатые, правда теперь уже не орлы, а соколы, но роль, которую играл в предыдущем предложении орел, остается за соколами. В контексте этих уточнений одномоментное переключение точки зрения во внешний мир и обратно выглядит как сброс сложности метафорических построений перед новым важным витком дальнейшего усложнения. Образы хищных птиц уже были использованы для обозначения мыслей-гонцов, поэтому появление соколов в этой роли не должно вызвать у слушателей недоумения. Отдельного понимания требует только то, что теперь всё действие переносится в горные сферы. Это, на мой взгляд, объясняется, во-первых, тем, что в событиях, к которым обращается далее Боян, главную роль опять-таки играют князья, их дружина, а их мифическая сфера — корона. Ср. описание действий Игоря у самого Автора «Слова»: *О, далече кнѧзе соколь, птицъ бъя, — к морю*. Во-вторых, как видно из анализируемого предложения, действия слуг Бояновых, мыслей-гонцов уподобляются (естественно, если я выбрал правильную трактовку) действиям соколов на соколиной охоте. Это еще раз подчеркивает его княжеское положение во внутреннем мире.

Теперь обратимся к образу лебеди. Как следует, например, из предложения *Въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, въсплескала лсбѣдѣнными крылы на синѣмъ морѣ у Дону...* лебедь ассоциируется в тексте «Слова» с женским образом, а женщина — с пассивным началом, в противоположность мужскому — активно-агрессивному началу. Именно эти отношения активной (а следовательно и агрессивной) роли мыслей-гонцов и пассивной роли мыслей-фрагментов знания, в качестве которых в данном случае выступают то ли «сыре» для песни (знания о делах «давно минувших дней, преданьях старины глубокой»), то ли сама песнь, и моделируются образом сокола, атрибутом князя-воина, символа мужественности, и женским образом лебеди, символом пассивного начала. Если же учесть, что фрагментом знания здесь, как уже было сказано, является то ли будущая, то ли уже сочиненная песнь, становится понятным, что в русском сознании, она, конечно же ассоциируется не с соколом, а с лебедью (полетела песня, как лебедушка...).

Единственное, что теперь следует объяснить в последнем предложении исследуемого отрывка, — это неожиданное противопоставление Бояна и Бояна же: Боян разлетался по воображаемому миру, Боян вспоминал о давних усобицах, Боян выпускал 10 соколов на стаю лебедей и *Боянъ же, братие, не г соколовъ на стадо лебедѣй пущаше, нъ своя вѣщіа прѣсты на живая струны вѣсклаша*, они же сами князь славу рокотаху. В заблуждение здесь вводит опять-таки частица же. При анализе первого предложения уже указывалось на то, что же может обозначать противопоставленность именной группы, которую она оформляет, соответствующей именной группе предыдущего предложения. Вторым значением этой частицы является указание на кореферентность данной именной группы с соответствующей именной группой предыдущего предложения при презумпции их некореферентности или противопоставленности некоторых действий одного и того же лица (ср. *Сидоров вверг вдову Синедубскую в море бед, но Сидоров же и спас ее от бесчестья*). Именно эту роль и выполняет здесь, на мой взгляд, указанная частица. Тот же самый Боян, который указанным образом творил *лесь*, растекаясь по роскошной короне своего мыслена древа, выступает в новой ипостаси, в новой функции: ее исполнителя, и какого! В этом предложении Автор вновь и теперь уже безвозвратно для дальнейшего развития текста меняет точку зрения автора-наблюдателя и переходит из внутреннего мира Бояна во внешний мир слушателей Бояна. Этот переход и отмечается частицей же. Переход этот подготовлен тем, что число гонцов совпадает у него с числом пальцев на руках.

В заключение хотелось бы отметить, что основную идею трактовки лексемы ДРЕВО высказал еще А. Н. Майков, однако мысль его слабо отразилась на переводах последующих поколений переводчиков, затерявшись среди огромного моря необоснованных других его толкований. Хочется надеяться, что это мое исследование, наряду с исследованиями Д. М. Шарыпкина и Е. Л. Мороз, в какой-то мере будет способствовать утверждению, на мой взгляд, единственной разумной точки зрения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Текст даётся по книге [Энциклопедия 1995], т. 1, стр. 9—14.

² Переводы даются по книге [Слово 1987].

³ Ср. в [Топоров 1995]: «В общем виде можно сказать, что идейным итогом работы русского самосознания в Киеве, начиная с 40-х гг. XI в. и до начала XII в.,

было формированиес трех, в конечном счете связанных друг с другом, идей-концепций, ставших вместе с тем и нравственными императивами русской жизни этого времени, так или иначе продолженными в последующем развитии русского самосознания и, в частности, социально-религиозной мысли. Эти три идеи могли бы быть при первом приближении сформулированы следующим образом: 1) единство в пространстве и сфере власти (ср. «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве» как наиболее представительные выражители той идеи); 2) единство во времени и в духе, т. е. идея духовного преемства («Слово о законе и благодати»); 3) святость как высший нравственный идеал поведения, жизненной позиции, точнее — особый вид святости, понимаемой как жертвенность, как упование на иной мир, на ценности, которые *не от мира сего* (ср. тексты борисоглебского цикла)» (стр. 265).

¹ См. [Мифы 1980, т. 2: 460]

ЛИТЕРАТУРА

- Мифы 1980 — Мифы народов мира. — Т. 1—2. — М., 1980.
- Пушкин 1976 — А. С. Пушкин. Собр. соч. в 10 т. — Т. 6. — М., 1976.
- Словарь 1982 — Словарь русского языка XI—XVII в. — Т. 9. — М., 1982.
- Слово 1987 — Слово о полку Игореве. — М.: Художественная литература. — 1987.
- Топоров 1995 — В. Н. Топоров. Святость и русские святыни в русской духовной культуре. — М.: Гнозис, Школа «Языки русской культуры». — 1995.
- Успенский 1995 — Б. А. Успенский. Семиотика искусства. — М.: Школа «Языки русской культуры». — 1995.
- Хинтикка 1974 — И. Хинтикка. Вопрос о вопросах // Философия в современном мире. — М.: Наука. — 1974. — С. 303—362.
- Энциклопедия 1995 — Энциклопедия «Слова о полку Игореве». — С.-П., 1995. — Т. 1—5.
- Якобсон 1960 — Р. О. Якобсон. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». — М.: Прогресс. — 1975. С. 193—230. (R. Jakobson. — Linguistics and poetics // Style and language / ed. by Th. A. Sebeok. — Cambridge, Massachusetts Institute of Technology, 1960).

Е. П. БУТОРИНА, Н. И. САЙТАНОВА
**ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ КОМПЬЮТЕРНЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ В КОНТРАСТИВНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ И ОБУЧЕНИИ ЯЗЫКУ**

E. P. BUTORINA, N. I. SAYANOVA
**ON THE USE OF COMPUTER TECHNOLOGIES IN
CONTRASTIVE RESEARCH AND LANGUAGE
INSTRUCTION**

**Проблема усвоения интонации при изучении
иностранных языков.**

Одной из самых сложных и, к сожалению, наименее разработанных проблем обучения языку можно считать обучение интонации живой разговорной речи.

Традиционно обучение строится таким образом, чтобы помочь учащемуся овладеть сначала элементарными нормами общения. Для этого существует стандартный набор фраз для знакомства с людьми и выяснения названий и свойств предметов, выражения согласия, вопроса или отрицания, таких как *Что это?, Кто это?, Спасибо, Здравствуйте!* и т. д. Фразам, входящим в базовый концентрический круг, соответствует и наиболее употребительный комплекс интонационных контуров, представленный, например, в известной работе Е. А. Брызгуновой [Брызгунова 1977]. Достоинства такого подхода несомненны; недаром его используют практически все, особенно на начальном этапе обучения.

Использование понятия интонационного контура (ИК) позволяет быстро обучить нормативным и наиболее часто встречающимся интонациям. Возможность графического изображения ИК ускоряет этот процесс.

Тем не менее, результатом традиционного обучения зачастую является звучащая речь, практически имитирующая интонацию чте-

ния написанного текста, да и то не всякого. Например, интонации чтения художественных текстов и диалогов не всегда соответствуют нормативным разговорным. И определить задаваемое исключительно интонацией различие в смыслах элементарных фраз, входящих в базовый концентрический круг, часто повторяемых и слышимых при активном использовании языка, без специальной тренировки иностранным учащимся бывает чрезвычайно сложно.

Поэтому следует указать на необходимость специального обучения выражению эмоций, оценки, согласия / несогласия, осуществляющемуся теми способами, которые являются конвенциональными для русского языка и, следовательно, входят в языковую систему. Обучение этой крайне важной для коммуникации подсистемы любого языка, как правило, либо переносится на конец курса, когда неправильные интонации уже прочи усвоены и закреплены, либо учащийся вынужден самостоятельно выстраивать эту систему, исходя из собственной языковой практики, и выстроенная система может значительно отличаться от той, которая объективно существует в изучаемом языке. Таким образом, формируется феномен, именуемый в литературе «интеръязыком» или «аппроксимативной системой» [McLaughlin 1987, Хельбиг 1989, Bilinguality 1989], т. е. система, промежуточная для двух языков, не входящая полностью ни в один из них.

В современной специальной литературе методике преподавания интонационной и тембральной характеристик разговорной речи уделяется много внимания. Сторонники коммуникативных методов преподавания иностранных языков подробно рассматривают эту проблему, предлагая интересные методы и приемы для практического использования, обосновывая свои идеи теоретически [см. Пассов 1989; Китайгородская и др. 1993].

**Описание эксперимента с использованием
компьютерной программы Gri-fon.**

Обзор современных программ Multimedia, удобных как для практического обучения языку, так и для его лингвистического изучения, здесь не приводится, поскольку дан в отдельной работе одно из авторов настоящей статьи [Сайтанова 1994]. Среди других программ такого рода рассматривались и программы, разработанные автором совместно с инженерами и программистами научно-исследовательского центра «Нейроинформатика».

Программа Gri-fon, с помощью которой проводился изложенный ниже эксперимент, является модифицированным вариантом

подробно описанной в статье Н. И. Сайтановой программы Ni-fon. Последняя была создана вместе с собственно звуковой платой типа Sound Blaster (хотя может работать и со стандартной) специально для анализа звуковой волны и сопоставления звуковых волн. Эта система проста в использовании, русифицирована, работает в DOS на базе любого IBM-совместимого PC, даже 286 AT.

В настоящее время существует много разнообразных звуковых плат и программ к ним, позволяющим визуализировать характеристики звучащей речи. Но чаще всего они не дают возможности сопоставления характеристик звуковой волны при произнесении одного текста разными дикторами, так как рассчитаны на фонетистов-исследователей. К тому же все они требуют наличия достаточно сложных и дорогих программных средств, которыми не располагает большинство учебных заведений в нашей стране. Разумеется, если в распоряжении есть компьютерный класс с машинами типа IBM-486 или Pentium, работа над обучением и исследованием фонетики будет еще более продуктивной.

В частности, среди отечественных программ особенно интересными в этом отношении представляются «Look and Say» и «Edison», созданные в фонетической лаборатории филологического факультета МГУ для обучения русскому языку иностранцев, и обучающая английскому языку программа «Доктор Хиггинс» фирмы Истра-Софт. В рамках данной статьи, к сожалению, невозможен обзор множества интереснейших работ такого рода, поэтому мы ограничимся тем набором программно-аппаратных средств, которыми пользовались сами и который мы можем предложить студентам и преподавателям как наиболее доступный.

Мы старались выработать некоторый научно-методический подход, полезный и тем, кто имеет пока не самую качественную технику и чье знакомство с применением компьютерного анализа речи для обучения, например, безакцентному произношению только начинается. В понятие безакцентного произношения мы включаем и произношение с нормативной с точки зрения данного языка интонацией.

Именно поэтому нами использовалась система Gri-fon. Она позволяет выводить на экран два окна: одно с изображением звуковой волны — эталона, другое с изображением волны, возникающей при произнесении учащимся того же текста. На экране можно получить изображение интоационного контура, спектральные характеристики, их цифровые аналоги и ряд других данных.

С проблемой правильной постановки интонации как одного из существенных элементов коммуникативного поведения, принятого в данной этно- и социокультурной среде, преподаватель любого ино-

странных языка постоянно сталкивается на практике. Данные практических наблюдений подтверждаются результатами проведенного нами компьютерного тестирования. Оно заключалось в следующем. Группе студентов-филологов из франкоязычных и англоязычных стран (5 человек) было предложено прослушать 7 фраз, произнесенных специалистами-дикторами с 8 различными интонациями (т. е. всего 56 предъявлений), и расклассифицировать услышанные фразы (каждая фраза выступала под порядковым номером предъявления) в соответствии с представленным им до начала прослушивания списком эмоций.

Для эксперимента были взяты фразы, которые обычно даются в самом начале обучения: *Что это?, Кто это?, Что это такое?, Спасибо, Да, конечно, Да ну, Ну да*. Их многозначность (см. об этом [РПР 1983: 33]) давала возможность расширить спектр подтекстовых значений интонаций, предъявляемых испытуемым.

Каждая фраза произносилась с нарастающей экспрессией. Были выбраны следующие интонации: нейтральная, подтверждение внимания, вопрос, раздражение, обида, протест, возмущение, восхищение, угроза. Рисунки 1 и 2 изображают четыре произнесения фразы *Как это называется?*, звучащей в произнесении русским диктором-мужчиной с различными интонациями (от простого вопроса до пронзительного возмущения).

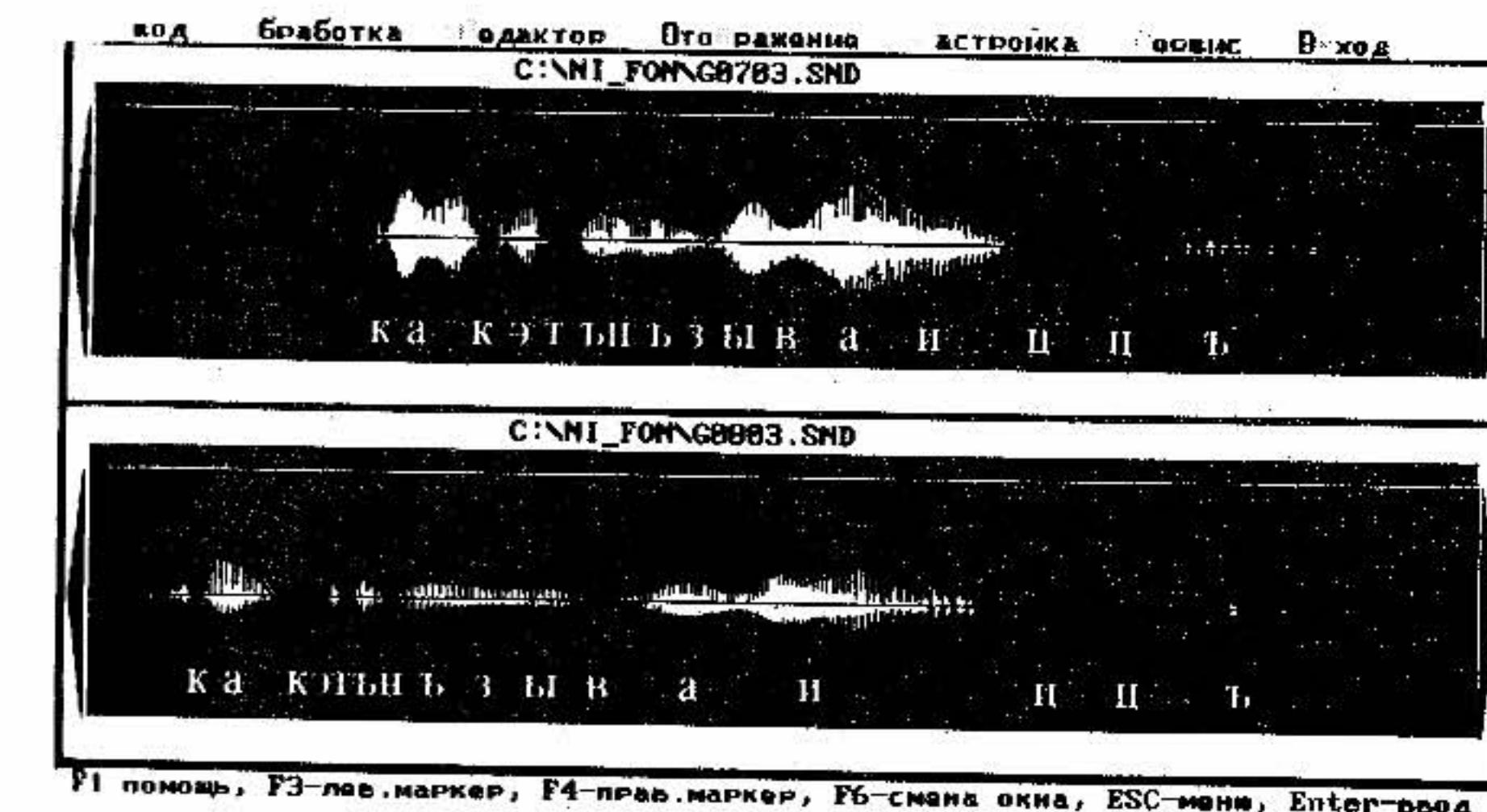

Рис. 1

Произнесение фразы *Как это называется?* с недовольной интонацией (вверху) и недоуменно-обиженной интонацией (внизу)

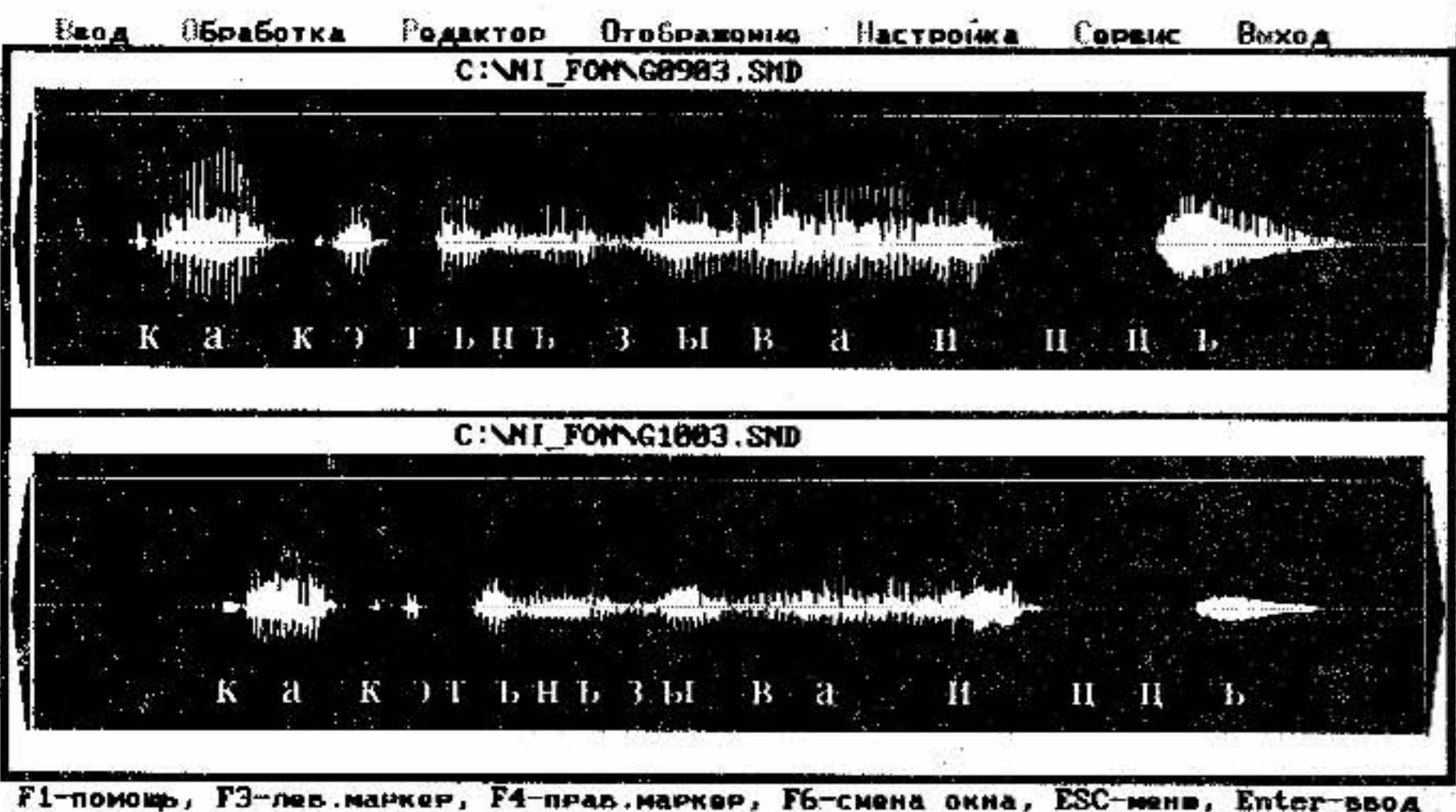

Рис. 2

Произнесение фразы *Как это называется* с интонацией угрозы и раздражения (вверху) и переспроса (внизу)

Рисунок звуковой волны показывает значительные изменения долготы, интенсивности и других фонетических параметров у одного и того же диктора в одной и той же фразе. При сравнении с другими профессиональными дикторами Российского радио наблюдаются аналогичные изменения при различной экспрессивной окраске фразы.

Для проведения эксперимента использовалась упомянутая выше компьютерная звуковая программа Gri-fon, позволяющая не только услышать произнесенную фразу в записи, но и получить на экране или в распечатке ее визуализированные акустические характеристики: рисунок звуковой волны, интенсивность, спектр, мелодию.

Фразы были прослушаны русскими аудиторами и вполне адекватно опознаны интонационно. Восприятие тех же фраз иностранцами испытуемыми резко отличалось от восприятия носителей языка. Диапазон неадекватно воспринятых фраз из-за неверного понимания интонации у разных испытуемых колебался от 10 до 50%.

Так, студентка из Швейцарии (родной язык — французский), 5 лет изучавшая русский язык и прожившая в России 1 год, воспринимала нейтральные вопросы *Что это?* и *Что это такое?* как возмущенные и даже угрожающие. Ее собственное произнесение, например, вопроса *Что это?* показало гораздо большую гладкость интонации по сравнению с русскими дикторами. На экране компью-

тера можно видеть, что интонационная граница между [о] и [э] размыта, практически отсутствует редукция последнего слога и увеличивается его длина относительно первых двух. Акцент сказывается и на рисунке согласных.

Вообще, предъявление одних и тех же фраз с различными оттенками интонации, придающими речевым отрезкам иную коммуникативную нагрузку, а порой и просто иной функциональный статус (например, *Что это?* с раздраженной или возмущенной интонацией вопросом уже не является), показало огромные трудности, с которыми сталкивается иностранец в процессе реальной коммуникации. Причем иностранец-филолог, прекрасно владеющий другими подсистемами русского языка.

Отсутствие редукции, иные принципы формирования фразового ударения в родном языке накладывают искажающий отпечаток на русское произношение. Нарушение ритма, характерного для русских дикторов, иные тембрально и интонационно выделенные слова не только искажают собственную речь учащихся, но и мешают им правильно понимать намерения и мнения окружающих.

Например, студентка из США, 4 года изучающая русский язык, воспринимала интонацию угрозы, с которой произносилось слово *Спасибо*, как восхищение. Интонацию восхищения часто путали с возмущением или вопросом. Вопрос воспринимался как протест или наоборот. В ходе эксперимента, когда испытуемый лишены визуальной парalingвистической информации, достраивающей ряд функционально значимых компонентов ситуации, и опирается только на собственный слух, многие совершенно нейтральные для носителя русского языка интонации иностранцами нередко воспринимаются как угрожающие или раздраженные. Ситуация эксперимента не является искусственной, это реальная ситуация телефонного разговора, с которой человек, говорящий на неродном языке, сталкивается довольно часто. Даже в том случае, когда говорящий на иностранном языке имеет возможность наблюдать реакции собеседника (мимику и жестикуляцию), необходимо иметь в виду, что эти способы коммуникативного поведения зачастую тоже конвенциональны и имеют свои особенности в каждой культуре.

С помощью системы Gri-fon получены интересные экспериментальные данные, позволяющие говорить о постановке проблемы изучения роли редукции и тембра в формировании смысла сообщения методом компьютерного анализа. Так, согласно одному наблюдению¹, по мере нарастания редукции во фразе *Да, конечно* она перестает восприниматься как утвердительная и становится иронической, выражающей отрицание. Лексические и грамматические ха-

рактеристики фразы при этом остаются неизменными. Статистически более представительный эксперимент с использованием компьютерного анализа позволит определить, при каких значениях акустических характеристик происходит переключение понимания фразы как утверждения на понимание ее же как отрицания.

Если учесть отсутствие явления редукции во многих языках, то становится понятной и причина, по которой так трудно достичь хорошего уровня обучения смыслоразличительным оттенкам интонации. Различное место образования фонем в русском и других языках также влияет на этот фактор обучения.

Использование системы Gri-fon и ее аналогов в обучении.

Все упомянутые выше акустические характеристики — высота тона, интенсивность и спектр, видимые на экране компьютера, — чрезвычайно трудно выделить, а тем более осознать при работе с обычным магнитофоном.

Обучающийся слышит привычные интонации и соответственно их интерпретирует, разумеется, перенося на русский язык специфику произношения эмоционально окрашенной фразы в родном языке. Исправить ошибки удается только при осознанном анализе такого рода различий.

Вслед за рядом авторов [Никель 1989, Хельбиг 1989] представляется целесообразным различать:

- Ошибки, являющиеся следствием интерференции различных языковых систем (неразличение конвенциональных признаков, о наличии каковых свидетельствует совпадение определенных акустических параметров фразы у различных дикторов-носителей языка — эти параметры еще предстоит выделить и описать). Ошибки, вызванные интерференцией, различны при восприятии или произнесении одной и той же фразы у носителей разных языков, причем эти различия носят характер устойчивой тенденции.

- Ошибки, связанные с собственно коммуникативными особенностями обучаемых. Ср. в этой связи реплики испытуемых: «Возмущение? Мне трудно так произнести — я никогда не возмущаюсь».

В связи с этим могут быть предложены некоторые практические приемы, дополняющие и совершенствующие процесс обучения оттенкам интонации.

В самом начале обучения можно уже давать учащимся понятие о возможной смысловой и функциональной вариативности изу-

ческой лексики и грамматических конструкций в зависимости от интонации, с которой фраза произносится.

При тренировке произносительных навыков можно записывать и прослушивать диалоги на персональном компьютере, используя его как магнитофон. Давая свою речевую реакцию, студент может записать ее и сравнить с имеющимся в памяти машины нормативным вариантом. Преимуществом компьютерной тренировки является возможность не только услышать, но и увидеть акустическую картину сказанного, сопоставить варианты, изучить их оттенки. Представляется, что аналога этой возможности нет в традиционной системе обучения. Компьютерная тренировка достаточно важна для тех учащихся, ведущим каналом восприятия и коррекции которых является визуальный. Для людей с дефектами слуха это просто единственная возможность работать над своим произношением.

Преподаватель может сравнить распечатки звуковых файлов, записанных учащимися, увидеть, насколько они совпадают с эталоном или отличаются от него, и дать рекомендации по отработке конкретных произносительных параметров.

Для студентов-филологов такая работа представляется достаточно важным этапом обучения. Фонетический анализ языка, основанный во многом на субъективных ощущениях, не может дать того понимания специфики интонации, произношения, которое необходимо, чтобы обучать произносительным нормам, анализировать специфическую речь, словом, работать с языком профессионально.

Создание различных пособий со зрительной поддержкой может и должно включать в себя комплексные программы обучения при помощи видеофильмов, поддержанных компьютерными тренировочными и тестирующими пособиями по языку.

Очевидно, что перспективы использования этой и подобных технологий работы со звучащей речью не ограничиваются только прикладными задачами преподавания иностранных языков. Подобного рода программы тренинга могут быть использованы при подготовке ряда специалистов, работающих со звучащей речью не только на иностранном языке: актеров, журналистов, разработчиков рекламы, дикторов, политиков и др.² Подобного рода объективный анализ эмоциональной окраски звучащей речи может быть использован в комплексных программах психотерапии для постановки диагноза и ликвидации проявления некоторых психологических проблем языковой личности.³

Перспективы использования описанного подхода для контрастивных исследований.

Помимо использования для решения прикладных задач подобная технология аудиовизуального тестирования может послужить инструментом для выделения коммуникативно значимых компонентов консультации путем постановки экспериментов с варьированием используемых элементов: какие элементы передаются при помощи слов, какие — при помощи интонации, какие — при помощи жестов и мимики и т. д., каковы их функции и синтаксика. Описания двух или нескольких языков, выполненные при помощи системы аудиовизуального тестирования, представляют удобный материал для контрастивных исследований.

На базе подобных исследований, несомненно представляющих самостоятельный семиотический интерес, возможно создание обучающей системы типа MULTIMEDIA, включающей сознательно отобранные разработчиками компоненты ситуации, наиболее важные для достижения коммуникативного успеха. Это позволит сократить время обучения, сделать обучение более интересным и эффективным, дополнить и расширить существующие подходы к преподаванию языков.

Авторы выражают благодарность инженеру фирмы «Нейроинформатика» Е. А. Зеленому, разработавшему систему Gri-fon и привлекшему активное участие в организации экспериментов и обработке результатов, а также Т. Л. Фридман, студентке факультета теоретической и прикладной лингвистики РГГУ, участвовавшей в обработке результатов эксперимента.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Наблюдение описано в курсовой работе Т. Л. Фридман, выполненной под руководством Н. И. Сайтановой.

² Например, в книге М. Люшера показана корреляция между манерой речи и ролевым поведением [Люшер 1993]. Очевидно, что возможности работы над созданием и корректировкой имиджа в этом случае практически не имеют ограничений.

Например, сдерживание дыхания, отсутствие в речи эмоциональных обертонов — это свидетельствует о подавленных эмоциях, что не является нормальным и соответственно воспринимается окружающими. Терапевту же, работающему с пациентом, использующем классических методов, трудно объяснить это пациенту, а следовательно, и исправить такого рода склонности.

ЛИТЕРАТУРА

- Буторина 1977 — Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. — М.: Русский язык, 1977.
- Буторина, Бородская и др. 1993 — Китайгородская Г. А., Гольдштейн Я. В., Смородская Т. Э. Мосты доверия. Интенсивный курс русского языка. — М.: Русский язык, 1993.
- Люшер 1993 — Люшер М. Сигналы личности. — Воронеж: НПО Модок, 1993.
- Никель 1989 — Никель Г. Контрастиальная лингвистика и обучение иностранным языкам // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 25. — М.: Прогресс, 1989. — С. 350–365.
- Нассов 1989 — Нассов Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. — М.: Русский язык, 1989.
- РГГУ 1983 — Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. — М.: Наука, 1983.
- Сайтанова 1994 — Сайтанова Н. И. Новейшие технологии в преподавании русского языка // Болгарская русистика. — София, 1994. — Вып. 2. — С. 43–47.
- Хельбиг 1989 — Хельбиг Г. Языкоизучение — соотставление — преподавание иностранных языков // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 25. — М.: Прогресс, 1989. — С. 307–326.
- Bilingualism 1989 — Bilingualism and Bilingualism / Hamers Josiane E., Michel H. A. Blank (eds.). — Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1989.
- McLaughlin 1987 — McLaughlin B. Theories of Second-Language Learning. — London: Edward Arnold, 1987.

THE RANGE OF BIBLICAL METAPHORS IN SMIKHUT

L. V. KNORINA

Л. В. КНОРИНА

ДИАПАЗОН БИБЛЕЙСКИХ МЕТАФОР В СМИХУТЕ

Abstract

The mechanism of metaphorical interpretation in smikhut (construct state) constructions is studied and compared with the «normal» (non-metaphorical) interpretation of the construction in Biblical Hebrew. We distinguish three models of metaphorical transfer that correspond to three basic types of standard smikhut patterns. It is shown that the metaphorical interpretation is limited by the possible identification of the construction members with the semantic types of constituents of the standard construction.

Introduction

The phenomenon of image making is known to occur in different syntactic surroundings; that is why metaphors are usually studied independently of their syntactic realizations.

Nevertheless the mechanism of metaphorical interpretation cannot be satisfactorily understood without comparing it with «normal» (non-metaphorical) interpretations of the same constructions¹.

In the interpretation of biblical metaphors in smikhut specific problems arise. Even non-metaphorical (normal) interpretations of the construction are extraordinarily varied. As to certain relationships between the constituents of metaphorical combinations — and first of all the «equivalence» relationship (e. g., בְּנֵי נַקְםָ — *clothes of revenge* — Jes 59:17) — it appears that they differ substantially from the normal ones.

Our study is an attempt to find rules that govern the metaphorical interpretation of biblical smikhut constructions on the basis of the whole system of ordinary (normal) smikhut interpretation in Biblical Hebrew².

We argue that the biblical metaphor models in smikhut are based on the standard semantic patterns of smikhut and are limited by the possible identifications of the construction constituents with the semantic types represented in normal smikhut constructions.

The metaphorical model includes image (vehicle) position, the type of corresponding metaphorizing predicate, and the way it is transferred to the object (tenor) of the metaphor.

The transition to metaphoric interpretation implies the identification of one of the constituents with the predicate³ (or its indicator) which occupies the same position (HEAD or MODifier) in the standard pattern (almost any denotandum⁴ of a thing may be identified with different predicates). The identified constituent is recognized as an image with the features of the corresponding predicate strengthened (the latter acting as a metaphorizing predicate).

Identification with a predicate appears evident if one of the constituents (or its synonym) is used in the normal smikhut construction, occupying the predicate position in it, but in many cases the «predicativity» of the constituent becomes evident only in its metaphorization.

Predicate features can be actualized in any constituent, and the conflicts among possible interpretations of the metaphorizing predicate, as well as the possible conflicts between standard interpretations and metaphorical ones, often make the construction ambiguous, and sometimes this ambiguity cannot be resolved even by widening the context. Nevertheless the identification of an image obeys certain rules which are discussed in the description of the metaphorical models.

The transfer of the image (recognized in one of the constituents in some way) to the object of the metaphor implies that the other constituent is included into the domain on which the recognized predicate is defined (the metaphorization of the predicate is an extension of its domain).

It is shown that biblical smikhut metaphors follow three basic models corresponding to three basic types of standard smikhut patterns.

Semantic smikhut patterns are labelled according to the roles played by their constituents (HEAD and MOD) in the interpretation. Semantic features of words capable of playing a given role are discussed within the corresponding pattern description.

Metaphor models

Model (1). The image in the MOD is transferred as a metaphorizing property to the HEAD, which is the object of the metaphor: — **לב האבן** — *heart of stone* (Ez 11:19).

The underlying standard pattern is **thing — property**: cf. — **לוחות האבן** — *tablets of stone* (Ex. 24:12).

Model (2). The image in the HEAD is transferred through a metaphorizing predicate (usually an action or relationship not named explicitly but recognizable in the HEAD) to the object of the metaphor outlined with the help of MOD or denoted by it: — **שערי הנהרות** — *gates of rivers* (Nah 2:7).

The underlying pattern is **function — argument** usually implying a relationship (indicated by the role played in it by HEAD) between HEAD and MOD: cf. — **שערי החצר** — *gates of the yard* (Ez 44:17) — in this example the relationship «part — whole» is implied).

Model (3). The image in the HEAD is transferred as a metaphorizing property to the MOD, which is the object of metaphor: — **גביה רוח** — *height (haughtiness) of spirit* (Pr. 16:18).

The underlying pattern is **property — thing**: cf. — **כנבת ארזים** — *as height of cedars* (Am. 2:9).

All metaphors in the examples above are based on words (or their synonyms) recognized as predicates (or their indicators) in normal smikhut constructions. In order to perceive these words as images, the corresponding predicates must be extended. Their domains are extended under metaphorical transfer (so that the object of the metaphor could be included into the domain). Denotanda of things indicating «hidden» predicates demand additional actualization of predicate features.

The additional recognition of predicate features may also produce images from denotanda not indicating specific predicates in normal smikhut constructions: e. g. *clothes* — indicating the relationship of functional equivalence in the metaphor *clothes of revenge* — is not normally used in this way.

Additional predicate actualization and especially recognition of predicate features in denotanda that do not indicate specific predicates in the normal constructions make metaphor perception more difficult. The identification of a metaphorizing predicate may be rather arbitrary: MOD-thing may be perceived as the embodiment of a property (1); HEAD-thing may be perceived as the indicator of a function (2) or as the embodiment of a property (3).

Denotanda of things may induce connotations to different sorts of predicates. Metaphors based on denotanda of things may consequently invoke various predicate characteristics. Nevertheless no new special models of metaphor interpretation need to be added.

In model (1), the metaphorizing predicate is a property recognized in the MOD. A property recognized in the HEAD is perceived likewise in model (3). In model (2) the predicate is not usually denoted explicitly, but its features are recognized in the HEAD.

A more detailed description is given in the sections dealing with each model (after the corresponding pattern). Before each one of the metaphor models its normal (non metaphorical) prototype is described⁵.

Model (1): thing — property

Metaphor possibilities

The pattern is quite widespread in ordinary smikhut constructions. The metaphorical effect may be achieved when the property (MOD) is combined with some «extraordinary» thing (HEAD), i. e. a thing which does not characterize this property (a thing beyond this property's domain). The effect is based on the transfer of the property to such a thing (the property extends its domain to include the given thing). The thing is in a way compared to (is perceived as being similar to) things that are usually characterized by the property.

Abstract properties

Identification with a **property** seems natural for various MODs denoting abstract concepts: — **אמת** — *truth*, — **רמיה** — *deceit*, — **ענין** — *suffering*, — **קדש** — *holiness* and the like.

For example, — **אנשי אמת** — *men of truth* (truthful persons — Ex. 18:21).

Unusual bearers of properties denoted by abstract concepts appear rather often, but the corresponding combinations do not produce metaphorical effect.

The domains of such «properties» are usually not clearly limited, i. e., a denotandum of abstract character as a rule is not strictly connected with a definite thing. Therefore it can be applied (as MOD) to a seemingly improbable HEAD without real change in the perception of the corresponding thing (the bearer of this property). Some rather extraordinary and very expressive combinations of this kind are thus not genuinely metaphorical:

— **בקשת רמיה** — *as a bow of deceit*, i. e., a bow that fails to hit the target (Hos 7:16).

— **לחם עני** — *bread of suffering*, i. e., bread that recalls the time of suffering (Deut 16:3).

«Purpose» denotanda, usually nominalizations of actions, look like properties: — **שמן המשחה** — *the oil of anointing* (Nu. 4:16). These denotanda do not serve as images.

In combinations like *shield of your salvation* (*מַנְנִי יְשׁוּעָתךְ* — Ps. 18:36) the evident image is in HEAD — but *shield* is used as a symbol of *salvation* not only in combination with this word as its MOD (cf. its use in Gen. 15:1: *אֶنְכִּי מַנְנֵךְ לְךָ* — *I am the shield for you*). The combinations of such symbols with MODs do not evoke metaphorization but just fix the metaphorical identity of the symbols. So the ordinary relationship between a thing and its intended purpose is used for fixing **symbolic equivalence**.

On the other hand, many combinations of denotanda of things adapted for special functions with abstract concepts in MOD (e. g. *cords of suffering* — Job 36:8) can be analysed otherwise (as considered below within model (2)).

Concrete properties

A substance denotandum in MOD is usually perceived as the **material** the given thing is made of, and is apparently considered as a kind of property of the thing: *לְחֵת הַאֲבָן* — *tablets of stone* (Ex. 24:12).

In combinations with improbable bearers, materials are easily perceived as images, their connotations are actualized and transferred to unusual HEADs.

For example, in the metaphor *heart of stone* (*לְבֵב הַאֲבָן*) — Ez. 11:19) the property of being of stone is transferred to *heart* which is compared with things occupying the same (HEAD) position in normal combinations with the name of this property (with things like *tablets*, i. e. made of stone).

Property embodiments.

Although for other relatively concrete denotanda in MOD the role of the property in question is not natural, these denotanda can still be perceived as **property embodiments**. The number of combinations with such «properties» is limited, they are very expressive and apparently fixed, for example: *עֵזֶף בְּנֵךְ* — *bird of wing* (Gen. 1:21). Though no actual metaphorical transfer is achieved in them, these «properties» are not given to improbable property bearers.

Thus most concrete denotanda in MOD (excluding names of substances) are not likely to be perceived as properties.

In most combinations MOD plays a rather subordinate role determined by the predicate indicated in HEAD or recognized by default — see models (2) and (3).

Model (2): function — argument

Metaphor possibilities

The pattern is widespread because of its variety. The function in HEAD may be indicated by different kinds of words. In normal smikhut the function can often be recognized only with the support of MOD, the argument fitting to the governing predicate (which is often not denoted explicitly).

Explicit predicate denotanda are not characteristic for construct state metaphors. First of all it should be mentioned that an explicit nominal denotandum of actions is not common in Biblical Hebrew.

An explicit denotandum of action is also not very suitable for producing an image. The domains of many actions, as well as domains of abstract properties (see the previous pattern), may not be precisely delimited, and these actions can be applied to seemingly improbable arguments without real extension.

The most fruitful source of metaphors following this pattern involves denotanda of things that indicate implied relationships, often generated by the actions that these things connote (the connotation may be supported by word derivational structure).

Each relationship realized in metaphors is realized also in normal combinations, where this relationship is usually indicated in a more standard way and is supported by a MOD suitable for the implied relationship.

The specificity of the model is due to the way the image is transferred: MOD (argument) must naturally be compared with normal arguments of the given (or rather the implied!) predicate, but the real object of the metaphor is not necessarily denoted in MOD, or anywhere else, explicitly.

Actions

In normal smikhut, denotanda of action in HEAD combine with the MOD indicating the most important argument for the given action (its subject or object):

צַעַקְתָּה הַרְעִים — *cry of the shepherds* (Jer. 25:36);

חַנְכְתָה הַמִּזְבֵּחַ — *dedication of the altar* (Nu. 7:10).

As mentioned above, explicit nominal denotanda of actions are not usually used as images.

Names of processes without real participants (like *burning*) may be replaced by the corresponding «natural powers» (like *fire*).

When the HEAD position is taken by the substitute of the process, the «doubling» of the process and of its argument becomes evident. The expressiveness of such combinations is based on repetition: *אֵשׁ לְהֹבֶה* — *fire (burning) of the flame* (Hos 7:6, Lam 2:3).

Metaphoric interpretation is achieved when MOD is taken from another semantic field:

— בָּאשׁ עֲבֹרְתִי — *in the fire of my anger* (Ez 22:31);
— זֶלַעֲפָתָה רָעָב — *storms of famine* (Lam. 5:10).

«Natural» denotanda may also be perceived as sources or results (originally, of natural processes) and indicate relationships generated by actions (considered below).

Participants of actions

Performers of actions (in HEAD) are combined with objects of the corresponding action rather often. Participants of actions may be denoted by participles (ישְׁבֵּי הָאָרֶץ — *inhabitants of the land* — Gen. 36:20), and by nouns derived from action (e. g. the very common noun מלָך — *king* can also be translated as *ruler* — derived from *rule*; its arguments are objects of this verb: מלָך־מִצְרָיִם — *king of Egypt*).

Participants of actions (as well as the actions themselves) are often combined with various arguments without real extensions (cf. יְשִׁבֵּי חַשְׁךְ — *inhabitants of darkness* — Ps. 107:10).

The metaphorical effect is achieved when the denotandum of a thing acts as a performer of a concrete action in combination with an abstract concept as its argument: נְפָתָ שׂוֹא — *sieve of falseness* (Jes 30:28). The evident image is *sieve* (performer of separation). *Falseness* is compared with something undesirable that must be removed (as *chaff* is sifted from wheat). The context helps to perceive the incompatible combination as a metaphorical description of a device for the removal of falseness: *to sift the nations with the sieve of falseness*.

Relative words

The most typical indication of a predicate is expressed by so called relative words — special indicators of roles in implied binary relationships. MOD naturally denotes the other member of the same relationship, i. e. the member playing the other role in the relationship: בְּנֵינוֹנָה — *sons of Noah* (Gen. 7:13).

Metaphorization of implied relationships indicated by the relative words gives well-known periphrasis like בְּנֵי־עֲנֵי — *sons of suffering*, i. e., sufferers, people in need.

Parts

HEADs denoting «non-autonomous» things tend to indicate part-whole relationship: שַׁעֲרֵי הַחֶצֶר — *gates of the yard* (Ez 44:17).

The same denotanda become typical and easily perceived images in combination with an incompatible «whole». The function of the part is perceived in a more generalized way, and the new whole may be re-

garded as an argument of the relationship. The argument is compared to the normal «whole». The object of the metaphor is a certain «detail» not denoted explicitly but distinguished in the improbable whole as a part of it. שַׁעֲרֵי הַנֹּהֶרֶת II — *the gates of the rivers* (Nah 2:7).

The metaphor is often strengthened when the action denoted beyond the construction supports a specific image: *the gates of the rivers opened...*

Typical connotations of HEADs denoting such things as parts of the body to pieces of landscape are not likely to produce creative metaphors. Such usage — conventional or lexicalized — may reflect a mythical vision of the world (see [Barr 1967]). In any case such combinations are characteristic of lofty style: רָאשֵׁי הַהֲרִים — *the heads of the mountains* (Ez. 6:13).

Sources and results

Some denotanda (especially action derivatives) may be perceived as sources or results of certain actions and indicate the implied relationships generated by these actions (relationships with the action's product or producer).

Typical indications of this kind are denotanda of natural objects (like source (spring), lightning, fruit) representing perceived objects as sources or results of the corresponding natural actions or processes (like flowing, shining, growing).

The recognition of the implied relationship is supported in normal situations by a MOD denotandum suitable for this relationship.

קֹד — *flow* of her blood (Lev. 20:18);
מִקּוֹד דְמִיה — *source* (root קֹד — flow) of the tree (Gen. 1:29);
פְּרִיעָז — *fruit* (or product, produce) of the tree (Gen. 1:29).

In the metaphor the same HEAD denotanda (and denotanda similar to them) indicate the same functions perceived in a more abstract way and combine with arguments not relating to the original actions. Many natural denotanda of this sort are well-known lexicalized metaphors almost entirely unrelated to their original meanings. Judging by the context, emphasizing their concrete meanings, they are used in the Bible at least as revived (if not living) images:

מִים עַמְקִים דְבָרִי פִידָאֵשׁ נַחַל נַבָּע מִקּוֹד חַכְמָה — *deep waters — words of a man's mouth, flowing stream — source of wisdom* (Pr. 18:4);
וַיַּאֲכֻלוּ מִפְרִי דָרְבָם — *and they will eat from the fruit of their way* (Pr. 1:31).

In denotanda involving roads, their function of leading to a certain destination is evoked, the argument of the implied relationship is therefore the name of the destination: דָרְךָ עַז הַחַיִים — *path* (i. e. leading to, דָרְךָ — walk) of the tree of life (Gen. 3:24).

In these metaphors, the abstract concept in MOD is perceived at the destination: **בָּאַרְחַ צִדְקָה אֲהַלֵּךְ** — *along the road of justice I walk* (Pr. 8:20).

Some denotanda are used as indicators of sources only metaphorically — cf. *sun* in: **וַיַּרְחֶה לְכֶם יְרָאֵי שְׁמֵי שְׁמֵשׂ צִדְקָה** — *and shines to you fearing My Name, the sun of justice* (Mal 3:20). Since the sun may be perceived not only as a source of light, but also as pouring light itself, the roles of MOD and HEAD may appear identical, a sort of equivalence is established between them.

Results that outline the limits for the object of the action (quantifiers) are presented separately.

Quantifiers

Actions connected with storage generate specific relationships. Results (or locations) of storing, i. e. collections or containers (they are often not distinguished from each other) actually determine limits for objects of storing, i. e., for contents of these containers. The contents are perceived in «limits» outlined in HEAD, thus HEAD is a kind of quantifier.

Names of collections and containers in normal smikhut constructions indicate the described relationship only with the MOD's support, when MOD denotes «elements» (of the collection) or matter (collected or placed in a container) that suit the given quantifier: **בְּעָדר הַעֲזִים** — *like a flock of goats*; **אֲצֹרוֹת הַשְׁמַן** — *the storages of (or stores of) oil* (1 Chr. 27:28); **צָרָור הַבְּסָף** — *package of (i. e. containing) silver (or money* — Pr. 7:20).

Denotanda of collections with their «elements» (e. g. — **עַדְתַּ בְּנֵי יִשְׂרָאֵל** — *the community of the sons of Israel* — Lev. 16:5; — **עַדְתַּ יִשְׂרָאֵל** — *the community of Israel* — Ex. 12:3) are relatively few. They are quite expressive when «elements» are represented by evaluative denotanda, the status of common elements being transferred to them:

עַדְתַּ מְרֻעִים — *community of evildoers* (Ps. 22:17).

Collections related to water in combination with MODs not connected with water transfer to these MODs the idea of large amounts: e. g. *rain of voluntary gifts* — **נְשָׁם נְדִבּוֹת** (Ps. 68:10).

Containers are broadly used in metaphor: **בְּצָרוֹר הַחַיִם** — *in the package of life* (1 S. 25:29); **בָּօּס חַמְתוֹ** — *the cup of his anger* (Is. 51:17).

Things of fixed size (including containers) may indicate abstract units of quantified matter: **כַּפְ קַמָּה** — *a hand (handful) of flour* (1 K. 17:12). The corresponding meaning is apparently lexicalized, but it is metaphorical in origin (see [Sovran 1993]). In combinations of units with abstract concepts, the latter are perceived as measurable entities: **כַּפְ נַחַת** — *a hand of quietness* (Ecc. 4:6).

Quantifiers may also be used to emphasize shape, but visual images are very rare:

canals (riverbeds) of bronze — **אֲפִיקִי נָחָשָׁה** (Job 40:18 — a description of the bones of a hippopotamus).

canals of shields — **אֲפִיקִי מַגְנִים** (Job 41:7, i. e. a row of shields in the description of the scales of a hippopotamus).

Functional roles

Combinations of thing-denotanda with different abstract concepts including sensations may imply a relationship between a functional role (indicating a specific function) and a *functioner*, i. e., a concrete object fulfilling the function outlined in the HEAD.

In normal smikhut this relationship is indicated only by action derivatives, usually by *cover* denotanda. Their functioners are specific objects fulfilling the function of covering. This relationship in normal smikhut is recognized with the MOD's support (MOD denotes something «transformable» into a cover):

בְּסִתְרֵה הַהָר — *in the shelter of the mountain* (1 S. 25:20).

Here in a perfectly compatible combination the **functional equivalence** of constituents is established. More than that: HEAD is in a way perceived as a formation constituted by the functioner.

In the metaphor, covers perceived as symbolic formations adapted for covering combine with abstract concepts which consequently are compared with common covering functioners:

מְחַסָּה כּוֹב — *refuge of the lie*, i. e., the lie serving as a refuge (Jes. 28:17); **מַעֲטָה תְּהִלָּה** — *cover of praise* (Jes 61:3).

MOD, perceived as a functioner, is the object of the metaphor endowed with the function indicated in the HEAD. Compared with its common functioners, it is at the same time compared with the HEAD itself (as it formed by a possible functioner of it). Here functional equivalence is strengthened in the metaphor by equivalence of form.

Metaphoric functional equivalence and equivalence of form is established only in the juxtaposition of denotanda.

In this regard the equivalence differs from «independent» symbolic equivalence (between a thing and its intended purpose in the framework model of (1)), which is not established by word combinations but only fixed in them. Still there are cases when the difference between these two types of equivalences (between a thing and its MOD) is not so clear.

The furnace, a traditional image for exile (Egypt), is the embodiment of affliction. The combination **כּוֹר עַנִּי** (*furnace of affliction*) may be perceived as a fixation of traditional identity. Its context in Jes. 48:10 emphasizes in *furnace* the function of purification: *I have purified you not as sil-*

ver, I have tested you in the furnace of affliction. In this context affliction is viewed as means of purification.

Most functional roles combine with their functioners only in metaphors.

Action derivatives denoting means of binding (and at the same time formations for binding) and «means of stumbling» combine with abstract concepts, transferring functions of bonds or obstacles to these concepts (as if formed by them).

במסרת הברית — *in the bonds of the covenant* (Ez. 20:37);
מכשול עונם — *obstacle of* (derived from *stumble*) *their sin* (Ez. 7:19).

Grounds for establishing relationships (and equivalence) with incompatible MODs (as functioners) are usually supported by the context: **ילבדון בחבליהם** — *captured by the cords of suffering* (Job 36:8).

Names of garments — representatives of covers (having close contact with the body) — aside from their evident literal function are often recognized as a symbolic means of expressing sensations. Some special garments (like *sack*) are actually used on special occasions (like *mourning*) or/and in special social and emotional states.

Garments are actively used as images in similes, cf.:
עטה אור בשלום — *covered with light as with a dress* (Ps. 104:2).

In the HEAD position, names of garments combine with the names of emotions, establishing equivalence between constituents. The context may support both their literal function and metaphorization.

For example, the combination **בנדי נקם** — *clothes of vengeance* is surrounded in Jes. 59:17 by a context in which many explicit denotanda related to clothes appear; several names of garments in the same verse are used as images in similes: *He dressed justice as a breastplate and a helmet of salvation on His head and dressed (i. e., put on) clothes of vengeance as a garment and covered [this] with anger as with a robe.*

Tablet is used as an image of functional role for the fixation of God's will: ... is engraved on the tablet of their heart (Jer 17:1), write them on the tablet of your heart (Pr. 3:3, 7:3). In this combination (**לוח לב** — *tablet of heart*) the word *heart* fulfills the function of tablets, is used like tablets — for writing on it, for the fixation of the will of God.

Names of weapons transfer to the general function of protection or aggression:

שבט עבrho — *stick of his anger* (Pr. 22:8);
שבט מוסר — *stick of punishment* (Pr. 22:15).

The context may indicate more specific functions. For example, the combination **חץ הרעב** — *arrows of famine* (Ez. 5:16) — is used in a con-

text actualizing *arrow* as a missile: *I let loose against you my deadly arrows of famine.*

Food products (traditionally connected with benevolence) indicate the function of feeding (supported by context):

לחם דמעה — *bread of tears* (you have fed them with the bread of tears and given them tears to drink (Ps. 80:6)).

Non-specific relationships

In default of specific predicate indication, thing denotanda (HEADs) are often perceived as **possession** (or accessory), implying a non-specific relationship with their **possessor** (or location). In normal smikhut, a MOD denoting a person or location fits in this relationship: **בנדי עשו** — *Esau's clothes* (Gen. 27:15). This relationship is evidently implied also in the case when HEAD (including predicate derivatives) may indicate a more specific relationship, but MOD (denoting person or location) doesn't fit into it: **אוצרות בית המלך** — *stores of the house of the king* (1 K. 14:26).

In combination with an incompatible location, HEAD is perceived as an image. Sometimes a concrete object — a standard accessory of the MOD not mentioned explicitly — is used as the object of metaphor. E. g. *vessels* in the combination **نبלי שמי** (vessels (leather receptacles) of the sky — Job 37:38) is a visual image for clouds (objects with vessel functions situated in the sky).

Since the denotandum of a thing in HEAD is usually perceived as a functional role, the abstract concept accompanying it may be understood both as the object of the metaphor (fulfilling the function indicated in HEAD) and as a possessor (the object of the metaphor then has no explicit denotandum but is only metaphorically described by the construction as a whole).

E. g. in the combination **בחבלים השוא** (*cords of vanity* — Jes. 5:18) *vanity* may be understood as something fastening like a cord, but the context supports the interpretation in which *vanity* replaces the word *cart*, the *cord's* standard possessor (or location): *drawing sin along with the cords of vanity and, as with ropes of cart, support a transgression.*

Model (3): property — thing

Metaphor possibilities

Within this pattern we consider combinations with HEAD denoting not only evident properties but also states modified by their subject (which must consequently be regarded as the bearer of a property).

This pattern emphasizes the separation of property from its bearer. Usually such separation is characteristic of high, poetical style independ-

ently from the metaphorical effect, i. e., even non-metaphorical realizations of the pattern are marked with expressiveness:

— joy of his heart (Song 3:11);
— שמחה לבו

— as coolness of snow (Pr. 25:13);
— בצדנה שלן

An action designated outside of the construction and formally directed to the separated property (as to its actant) is in fact related to the property bearer: cf. וְאָבֹרֶת קָומַת אֶרְזִים — and I cut the height of his cedars, i. e., high cedars (Jes 37:24).

The pattern is used relatively seldom (as mentioned above, its realization must yield an expressive effect), and its metaphorical use (i. e. the metaphorical transfer of explicit properties) is not typical either.

In combinations with incompatible property bearers (MODs), a few property denotanda occur. It should be mentioned that in fact these denotanda are not used with more «natural» bearers. For example מתק (sweetness) is used in construct state twice in the Hebrew Biblical text and both times in relation to «exotic» bearers: וּמתק שפתיים — sweetness of lips (i. e., of words — Pr. 16:21) and וּמתק רעהו — sweetness of his friend (Pr. 27:9).

In such cases we may suspect the lexicalization of the changed meaning of the property. Lexicalization implies the inclusion of new bearers into the domain on which the property is defined. Consequently, combinations with seemingly improbable bearers result in no actual metaphorical transfer but support the already changed (metaphorically at least from the point of view of its origin) meaning of the property. The other possibility is the complete indifference of the property to its possible bearers, i. e., the meaning of the property from the very beginning is very broad, not implying limitations on the domain where it is defined.

Indisputable cases of metaphorical transfer of this type occur very seldom. Even the use of one and the same property denotandum in relation both to its real bearers and to improbable ones (as נבָת — height combined with cedars in Am. 2:9 and with spirit, i. e. haughtiness — in Pr. 16:18) may result from lexicalized changes in meaning or from indifference of the property (perceived in the most generalized way) to its bearers. Combinations with the word ערונותה (nakedness) can be interpreted in a similar way, cf.:

— ערונות הארץ — bareness of the land (Gen. 42:9).

— ערונות אביו — nakedness of his father (Gen. 9:22).

Implicit properties («things» indicating properties).

Names of substances may rarely be interpreted as property substitutes. Such an interpretation is possible for example in the combination of liquid honey (נפקת) with nectar (צופים) as MOD, i. e., honey emphasizes

sweetness of nectar: *sweeter than honey and liquid honey of nectar* (Ps. 19:11, about the Lord's laws).

Another possible property substitution is perceived in designations of death (and its substitutes, including holes and traps, which are associated with death in other contexts); these designations combine only with concepts from that sphere:

grave of nothingness — שחתת בָּלֵי (Jes 38:17);
grave of their net — שחתת רֶשֶׁתם (Ps 35:7).

Concluding remarks.

The most productive metaphorical model is model (2), which is based on a pattern allowing different relationships between the constituents of the construction.

The most typical images are thing denotanda located in HEAD. The most typical ground for comparison with the object is a function actualized in the perception of a thing used as an image.

Some of the images (called «functional roles» here, such as garments, food products) transfer their function directly to the MOD (as to the object of the metaphor) and establish functional equivalence with the concept denoted in it.

Most of these images are used as images also in other syntactic constructions.

Notes

¹ Context dependence and its connection to metaphor «predictability» is discussed in [Sovran 1993].

² For a similar description of metaphors in Russian genitive constructions, see [Knorina 1990].

³ It is assumed that the predicate not expressed explicitly is indicated by one of the constituents. The only exception is the non-specific relationship between possession and possessor established by default. A similar analysis based on the material of standard Russian word combinations is given in [Knorina, Borschев 1990].

⁴ We use *denotandum* (of such-and-such kinds of things) for an expression which denotes (such-and-such kinds of things).

⁵ We include constructions with compatible constituents among normal ones even if they, as a whole, are used as images (like רקב עצמות — rotting of bones, a stereotyped expression for the idea of degeneration, used as an image for jealousy in Pr. 14:30).

References

- Barr 1967** — Barr J. The semantics of Biblical language. — Oxford, 1967.
- Knorina 1990** — Knorina L. V. Semantic anomaly and metaphor in the genitive construction // Logical Analysis of Language: Contradictions and Anomalies in Discourse. — Moscow, 1990 (in Russian).
- Knorina, Borschev 1990** — Knorina L. V. and Borshchev V. B. Types of entities and their perception in language // Language of Logic and Logic of Language. — Moscow, 1990 (in Russian).
- Sovran 1993** — Sovran T. Metaphor as reconciliation: the logical-semantic basis of metaphorical juxtaposition // Poetics today. — Durham, 1993.

Note of the editor. My wife, Lidia Knorina, died before finishing her editing of this text that she wrote directly in English. I am grateful to Alexandra Aikhenvald, Raisa Rosina, and especially to Barbara Hall Partee and Alexei Sossinski, for help in editing the English style and terminology.

V. B. Borschev

Е. Г. УСТИНОВА

**О КОНСТРУКЦИЯХ С ЧИСЛИТЕЛЬНЫМИ
В НЕКОТОРЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ
(К ВОПРОСУ О ГРАММАТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ
СЛОВЕСНОГО АКЦЕНТА)***

E. G. USTINOVA

ON NUMERAL CONSTRUCTIONS IN SOME
SLAVIC LANGUAGES
(CONCERNING GRAMMATICAL FUNCTION OF WORD ACCENT)

Конструкции с количественными числительными практически во всех современных славянских языках представляют собой (в морфологическом и синтаксическом отношении) нестандартный фрагмент языковой системы.

С исторической точки зрения, эта ситуация является результатом эволюции сравнительно простого праславянского состояния, когда одни количественные числительные (1—4) вели себя подобно обычным прилагательным, согласуясь по определенным грамматическим категориям (род, падеж) с входящими в конструкцию существительными, а другие (5 и следующие) — подобно обычным существительным — управляли синтаксически связанными с ними существительными, а именно — требовали Р. падежа мн. числа соответствующего существительного при любом падеже числительного.

Разрушение исходной системы, которое наблюдается практически во всех славянских языках, естественно связывать, с одной стороны, с неоднородностью синтаксических свойств двух названных классов числительных в исходной системе, а с другой — с изменениями в большинстве славянских языков инвентаря значений

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 95-06-17394, «Типология систем словесного акцента».

грамматической категории числа, а именно — с утратой двойственного числа.

Эволюция конструкций с числительными в разных славянских языках протекала, вообще говоря, по-разному, соответственно, их современное состояние представляет довольно пеструю картину.

В данном случае мы обращаемся к конструкциям с числительными в связи с определенными особенностями склонения существительных в русском и украинском, которые до сих пор не получили в славистике удовлетворительного объяснения. Кроме того, мы кратко коснемся также особенностей конструкций с числительными в двух южнославянских языках: в сербохорватском и болгарском, данные которых представляются полезными для понимания русского и украинского материала.

Русский и украинский характеризуются в интересующем нас плане следующими чертами.

- Способы морфологического, в частности падежного, оформления членов конструкции (существительного и числительного) различны в зависимости от *падежа конструкции в целом*¹, при этом противопоставлены

— с одной стороны, конструкции, выступающие в позициях **косвенных падежей**, где имеет место согласование существительного и числительного по падежу, и для обоих членов конструкции значение категории падежа совпадает с падежом конструкции в целом: ср.

с двумя мальчиками (с мальчиками)

Т. Т. Т.

у пяти мальчиков (у мальчиков)

Р. Р. Р.

- с другой стороны, конструкции, выступающие в позиции **И. (В.) падежа**, в которых согласование по падежу, по крайней мере в традиционном представлении, отсутствует, причем числительное представлено в форме **И. (В.) падежа**, а существительное — в форме, сама грамматическая интерпретация которой представляет определенную проблему. Мы будем называть ее в рабочем порядке **количественно определенной формой**, не придавая пока этому термину статуса категориальной характеристики существительного.

- Количество определенная форма существительного варьируется в зависимости от того, какое именно числительное входит в состав конструкции, причем в некоторых из интересующих нас языков она представлена двумя вариантами:

количественно определенная форма 1 (КОФ1) — форма, выступающая в конструкциях с числительными **2–4**;

количественно определенная форма 2 (КОФ2) — форма, выступающая в конструкциях с числительными **5** и следующими; ср.

пришли два мальчика

И. КОФ1

пришли пять мальчиков

И. КОФ2

В качестве КОФ2 в интересующих нас языках представлена форма, внешне совпадающая с формой **Р. мн.**, тогда как в отношении КОФ1 между ними наблюдаются существенные различия.

Эти различия, на наш взгляд, представляют определенный интерес как для понимания направления эволюции конструкций с числительными в славянских языках в целом, так и для выбора синхронической грамматической трактовки этих синтаксических конструкций в конкретных языках.

Рассмотрим ситуацию более детально. Заметим предварительно, что для простоты изложения мы ограничимся рассмотрением конструкций с числительными в позиции подлежащего, т. е. таких конструкций, которым может быть приписан **И.** падеж. Поведение конструкций с числительными, занимающими позицию прямого дополнения (конструкций в **В.** падеже), несколько отличается от предыдущего случая. Однако, поскольку отношения между **И.** и **В.** падежами в славянских языках вообще носят особый характер (что связано с выражением категории одушевленности), эти различия можно рассматривать вне проблемы конструкций с числительными, а в связи с проблемой **В.** падежа.

Украинский

КОФ1 (форма существительного, выступающая в конструкциях с числительными *два, обідва, три, чотири* в том случае, когда падеж всей конструкции — именительный) в украинском в плане выражения характеризуется следующими особенностями.

Эта форма может внешне совпадать с одной из традиционно выделяемых форм парадигмы существительного, у существительных субстантивных типов склонения она чаще всего она совпадает с **И. мн.** и/или **Р. ед.**; у существительных адъективных типов склонения — с **Р. мн.**: (2) *знайомих*.

Вместе с тем, существует, причем довольно многочисленная и регулярная с точки зрения определенных формальных свойств (тип

склонения, схема ударения), группа существительных субстантивного (конкретно — мужского) склонения, у которых КОФ1 отличается от любой из традиционно выделяемых падежно-числовых форм.

Ситуация в субстантивных типах склонения представлена ниже, в табл. 1 (жирным шрифтом выделены КОФ1, не совпадающие внешне ни с какой другой формой парадигмы).

Таблица 1

Тип скл.	Сх. уд. ²	КОФ1	И. мн.	Р. ед.
мужск.	A	(2) <i>ráki</i>	<i>ráki</i>	<i>ráka</i>
	B	(2) <i>volý</i>	<i>volý</i>	<i>volá</i>
	C	(2) <i>bráti</i>	<i>bratí</i>	<i>bráta</i>
женск. (1)	A	(2) <i>vítki</i>	<i>vítki</i>	<i>vítki</i>
	B	(2) <i>báddí</i>	<i>báddí</i>	<i>báddí</i>
	C	(2) <i>kázki</i>	<i>kázki</i>	<i>kázki</i>
	D	(2) <i>sestrí</i>	<i>séstri</i>	<i>sestrí</i>
средн.	A	(2) <i>korýta</i>	<i>korýta</i>	<i>korýta</i>
	B	(2) <i>derевцá</i>	<i>derевцá</i>	<i>деревцá</i>
	C	(2) <i>pólya</i>	<i>pólya</i>	<i>pólya</i>
	D	(2) <i>selá</i>	<i>selá</i>	<i>selá</i>
женск. (2)	A	(2) <i>ciélí</i>	<i>ciélí</i>	<i>ciélí</i>

Ситуация, наблюдаемая в украинском, а именно, наличие среди КОФ1 форм, не омонимичных никакой другой форме парадигмы (см. *два брати*), ставит нас перед необходимостью вводить в парадигму существительного особую грамматическую форму. Эта форма в плане выражения характеризуется тем, что она, за исключением исключениями, по своему сегментному составу совпадает с формой И. мн., а по акцентному оформлению — с Р. ед. Грамматики украинского языка не определяют падежно-числовой характеристики этой формы и описывают ее как «словоформу И. мн. с ударением Р. ед.». Не пытаясь также пока решать вопрос о категориальной характеристике этой формы, обратим особое внимание на внешнее соотношение между КОФ1 и формой И. мн.: эти две формы могут быть омонимичны; в тех же случаях, когда они различаются, это различие сводится к различию в акцентуации. Таким образом, это — единственное грамматическое противопоставление в субстантивной парадигме, которое выражается исключительно акцентными средствами.

В этой связи представляют интерес также приводимые в некоторых украинских источниках КОФ2 (формы существительных, выступающие в конструкциях с числительными 5 и далее), которые совпадают по сегментному составу с формами Р. мн., но в определенных случаях отличаются от последних акцентуационно, и, таким образом, не совпадают ни с одной из традиционно выделяемых грамматических форм существительного³.

Таблица 2

Тип скл.	Сх. уд.	КОФ2	И. мн.	Р. мн.
мужск.	A	(5) <i>rákív</i>	<i>ráki</i>	<i>rákiv</i>
	B	(5) <i>volív</i>	<i>volý</i>	<i>volív</i>
	C	(5) <i>brátív</i>	<i>bratí</i>	<i>bratív</i>
женск. (1)	A	(5) <i>vítok</i>	<i>vítki</i>	<i>vítok</i>
	B	(5) <i>báddív</i>	<i>báddí</i>	<i>báddív</i>
	C	(5) <i>kázok</i>	<i>kázki</i>	<i>kázók</i>
	D	(5) <i>sestér</i>	<i>séstri</i>	<i>sestér</i>

Появление форм типа *brátív* и *kázok* можно интерпретировать как тенденцию экстраполировать формальные отношения, сложившиеся между И. мн. и КОФ1, также и на отношения между И. мн. и КОФ2, конкретно — противопоставить их акцентуационно. Базой для такой экстраполяции, по-видимому, является определенная симметрия в положении обеих количественно определенных форм по отношению к И. мн. — обе они являются как бы «заместителями» И. мн. в конструкциях с числительными.

Русский

В русском ситуация с КОФ1, на первый взгляд, существенно отличается от украинской. В русском в данной позиции существительные субстантивных типов склонения, за единичными исключениями, представлены формой, внешне совпадающей с Р. ед.; существительные адъективных типов склонения, как и в украинском, — формой совпадающей с Р. мн.: (2) *портных*. Таким образом, в русском нет столь серьезных, как в украинском, собственно морфологических оснований вводить в состав субстантивной парадигмы форму с особой грамматической характеристикой.

Вместе с тем, этот русский материал заслуживает, на наш взгляд, специального анализа именно в связи с описанными особенностями украинского. Конкретным поводом для этого является одна из-

вестная русская морфологическая инновация в области субстантивного склонения — инновация, которой в свете только что рассмотренных украинских данных можно предложить новую интерпретацию.

Речь пойдет о сегментных особенностях словоформ **И. мн.** русских существительных мужского склонения.

Как известно, в русском у существительных мужского склонения в **И. мн.** в настоящее время широко распространены два окончания: окончание **-ы(-и)**, исторически восходящее к окончанию **В. мн.** существительных, относившихся к праславянскому ***o-склонению**, и окончание **-а(-я)**.

Среди словоформ с окончанием **-а(-я)** с исторической точки зрения, можно выделить несколько разных типов:

- Словоформы типа *телята*, восходящие к словоформам **И. мн.** праславянского склонения существительных среднего рода с основой на согласную.
- Словоформы типа *братья*, восходящие к словоформам собирательных существительных, относившихся к праславянскому ***jā-склонению**.
- Словоформы типа *рога* — словоформы **И. мн.** существительных, обозначающих такие объекты, пара которых может в определенных случаях рассматриваться как единый объект. Такие словоформы восходят к словоформам **И. дв.** древнего ***o-склонения**.
- Словоформы типа *городá*. Эти словоформы, заменившие у некоторых существительных мужского склонения более ранние словоформы **И. мн.** с окончанием **-ы(-и)**, активно распространяются в русском языке начиная с XVIII века.

Говоря далее о словоформах **И. мн.** на **-а(-я)**, мы будем иметь в виду только словоформы типа *городá* — наиболее многочисленную и продуктивную из четырех перечисленных групп словоформ.

В отличие от форм типа *телята*, *братья*, *рога*, русские словоформы типа *городá* практически не имеют аналогов в других славянских языках. Эта русская морфологическая инновация является предметом длительной и до сих пор не завершенной дискуссии. Среди русистов нет единого мнения

— ни относительно происхождения форманта **-а** в этих словоформах,

— ни относительно того, почему данный формант распространяется только среди существительных, относящихся к схеме ударения **C**,

— ни относительно смысла морфологической перестройки **И. мн. города > города⁴**.

Вернемся в этой связи к рассмотренному выше украинскому материалу. В украинском, как было показано, в плане выражения

сложились совершенно особые отношения между **И. мн.** и КОФ1, замещающей **И. мн.** в некоторых конструкциях с числительными: эта грамматическая оппозиция в украинском, если маркируется вообще, то почти исключительно акцентными средствами.

Рассмотрим теперь формальные отношения между **И. мн.** и КОФ1 в русском.

У существительных, относящихся к субстантивным типам склонения, возможны следующие четыре варианта.

(1) Эти две формы могут различаться по сегментному составу, но иметь одинаковую акцентуацию — такая ситуация имеет место у существительных мужского склонения схем ударения **A, B** (см. ниже, табл. 3).

(2) Эти две формы могут различаться как сегментным составом, так и акцентуационно — мужское склонение, схема ударения **C**, при окончании **И. мн. -ы(-и)**.

Заметим, что соотношения типа (1) и (2) в украинском практически не представлены. Вместе с тем, в русском, как и в украинском, возможны также следующие ситуации.

(3) Две рассматриваемые формы могут совпадать по сегментному составу, но различаться акцентуационно — мужское склонение, схема ударения **C**, при окончании **И. мн. -а(-я)**; женское (1) и среднее склонение, схемы ударения **C, D**.

(4) Эти две формы могут полностью совпадать в плане выражения — среднее, женское (1) и женское (2) склонение, схемы ударения **A и B**.

Таблица 3

Тип скл.	Сх. уд.	КОФ 1	И. мн.	Р. ед.
мужск.	A	(2) <i>ráka</i>	<i>ráki</i>	<i>ráka</i>
	B	(2) <i>volá</i>	<i>volý</i>	<i>volá</i>
	C	(2) <i>škáfa</i> (2) <i>góroda</i>	<i>škafy</i> <i>gorodá</i>	<i>škáfa</i> <i>goroda</i>
женск. (1)	A	(2) <i>vétki</i>	<i>vétki</i>	<i>vétki</i>
	B	(2) <i>čertý</i>	<i>čertý</i>	<i>čertý</i>
	D	(2) <i>pílý</i>	<i>pílý</i>	<i>pílý</i>
средн.	A	(2) <i>korýta</i>	<i>korýta</i>	<i>korýta</i>
	B	(2) <i>sloviá</i>	<i>sloviá</i>	<i>sloviá</i>
	C	(2) <i>póľa</i>	<i>póľa</i>	<i>póľa</i>
	D	(2) <i>čísla</i>	<i>čísla</i>	<i>čísla</i>
женск. (2)	A	(2) <i>céli</i>	<i>céli</i>	<i>céli</i>

Как видно из сравнения таблиц 1 и 3, в женском (1), женском (2) и среднем склонении формальные отношения между И. мн. и КОФ1 в русском и украинском одинаковы: они либо омонимичны, либо различаются акцентуационо. Иначе обстоит дело в мужском склонении: если в украинском ситуация в этом типе склонения практически не отличается от той, которую мы наблюдаем в других типах, в русском здесь представлены варианты, которых нет в украинском, а именно, указанные словоформы могут различаться только сегментным составом, а также и сегментным составом, и акцентуацией. Вместе с тем, и в русском в мужском склонении имеется значительная (и при этом продуктивная, т. е. активно пополняющаяся новыми словами) группа слов, где И. мн. и КОФ1 различаются только акцентуацией, т. е. группа, которая в рассматриваемом отношении примыкает, с одной стороны, к русским же существительным других типов склонения, а с другой стороны, к рассмотренному фрагменту украинской системы в целом. Заслуживает особого внимания тот факт, что эту группу образуют именно существительные с И. мн. на -а(-я).

Можно, следовательно, усмотреть определенный параллелизм между данной русской морфологической инновацией (появлением⁴ форм типа *городá*) и появлением в украинском форм типа *брáти*: обе эти инновации фактически имеют своим следствием распространение на существительные мужского склонения формальных отношений между И. мн. и КОФ1, характерных для женского (1) и среднего склонения (сегментное совпадение при возможной, хотя и необязательной, акцентной противопоставленности). Причем один и тот же по существу формальный эффект достигается в русском и в украинском за счет модификации разных членов противопоставления: в русском — за счет модификации форм И. мн., в украинском — КОФ1.

Украинская грамматическая система практически полностью обобщила данный тип формальных отношений между И. мн. и КОФ1, тогда как русская лишь продвинулась в этом направлении по сравнению с исходным состоянием, и это продвижение связано с появлением форм типа *городá* (см. табл. 3).

С точки зрения гипотезы о том, что появление форм типа *городá* в русском связано с распространением формальных отношений между И. мн. и «замещающей» эту форму в контексте числительных 2—4 КОФ1, сложившихся в женском (1) и среднем склонениях, где эти формы могут различаться только акцентуацией, также на существительные мужского склонения, представляют интерес также те существительные мужского склонения, которые сохраняют в настоя-

щее время старое оформление И. мн., т. е. имеют окончание -ы(-и). Более древние формы И. мн. на -ы(-и) у существительных мужского склонения, а следовательно, и другие формальные отношения между И. мн. и КОФ1, сохраняются в русском в следующих случаях.

Во-первых, у всех существительных, относящихся к схемам ударения А и В, т. е. там, где появление форм И. мн. на -а(-я) привело бы в силу акцентуационных причин к совпадению И. мн. и КОФ1. Заметим, впрочем, что в русском у существительных женского (1), женского (2) и среднего склонения, а в украинском также и у существительных мужского склонения такая омонимия носит довольно регулярный характер.

Во-вторых, у некоторых односложных существительных схемы ударения С, например, *сады*, *круги*, *плуги* и некоторые другие (все неодносложные существительные схемы ударения С имеют форму И. мн. на -а(-я)). Примечательно, однако, что значительную часть существительных мужского склонения схемы ударения С с И. мн. на -ы(-и) составляют существительные, которые в силу тех или иных причин вообще не встречаются в конструкциях с числительными⁵ (или, по крайней мере, появление в этих конструкциях для них нетипично); иными словами, те существительные, для которых вопрос о принадлежности к принумеративным заместителям И. мн. неактуален. Не претендую на полноту, приведем в качестве иллюстрации некоторые из них.

И. мн. на -ы(-и), имеют, в частности, следующие существительные, для которых счет либо вообще невозможен, либо неестествен:

- названия веществ, материалов, продуктов и под.:
грунт, дым, жир, квас, клей, мед, пар, пот, спирт, суп, сыр, чай, флюс (добавка к руде);
- названия частей тела человека и животного:
зоб, мозг, нос, ус, чуб;
- названия пространственных понятий:
верх, зад, кон, низ, под, пол, тыл, фронт;
- названия собирательных понятий:
бор, долг, клуб (дыма), *пай, пук, рой, сад, строй, харч, хор, шрифт, штаб*;
- «редкие» слова: историзмы, церковнославянизмы, диалектизмы и под.:
глас, дар, ер (название буквы), *кус, лад* (тональность), *пал* (пожар), *пан, пир, пуд, склад* (слог), *торг* (рынок), *тын, чин, шмат, шлях, яз.*

Приведем для сравнения существительные схемы ударения С с И. мн. на -ы(-и), употребление которых в конструкциях с числительными можно считать естественным: *бой, бунт, вал, воз, дуб, круг, куб (сосуд), лом (инструмент), мыс, плуг, порт, приз, слой, таз, форт, ход, чан, шкаф*.

Следует заметить, что среди существительных с И. мн. на -а(-я) в принципе также встречаются наименования «неничисляемых» объектов (сюда можно отнести, например, *корм, лес, лог, снег, шелк, ворох, жемчуг, клевер, порох, холод*), однако значительное большинство в этой группе все же составляют «исчисляемые» существительные.

Оставив временно в стороне вопрос о формах типа украинских *брáти* и русских *городá*, обратимся к неоднократно обсуждавшемуся в русистике вопросу о синтаксической структуре конструкций с числительными.

Напомним, что предметом дискуссии являются в основном два момента:

- какой из конституирующих компонентов конструкции (числительное или существительное) является синтаксически главным;
- каков грамматический статус форм существительного, выступающего в конструкции с числительными (понятно, что речь идет прежде всего о грамматической интерпретации КОФ1).

По первому вопросу для русского предлагались следующие три основных решения.

- В конструкциях с числительными, занимающими позицию подлежащего (или прямого дополнения), вершиной является числительное, которое управляет иадежом существительного; в прочих случаях вершиной является существительное, с которым числительное согласуется в падеже и (там, где это актуально) в роде, — эта версия доминирует в отечественной грамматической традиции.
- Во всех случаях вершиной конструкции является числительное [Re-setsky 1982, Bowers 1984].
- Во всех случаях вершиной является существительное [Мельчук 1985, Устинова 1982, Babby 1987].

Следует признать, что ни одно из этих решений для синхронического описания не является идеальным в том хотя бы смысле, что ни одно из них не поддержано в полной мере другими фрагментами синтаксической системы.

Так, например, традиционное решение предполагает, во-первых, различия в синтаксических свойствах (в частности, в формальных отношениях с подчиняющей и подчиненной словоформами) форм И., В. мн., с одной стороны, и других грамматических

форм существительного, с другой, что в целом для парадигмы существительного (в отличие, скажем, от глагольной парадигмы) нехарактерно.

Что касается вопроса о грамматическом статусе формы существительного в конструкции с числительным, занимающей позицию подлежащего, то в русском форме существительных субстантивных типов склонения, выступающих в конструкциях с числительными 2–4, трактуются обычно как формы Р. ед., формы существительных альгетивных типов склонения — как формы Р. мн. Понятно, что для украинских существительных такая грамматическая интерпретация для форм, выступающих в аналогичной позиции, невозможна (из-за форм типа *брáти*, см. выше).

Были, впрочем, предложения иначе трактовать эти формы и в русском: см., в частности, о *счетной форме* существительных в работе [Зализняк 1967: 46–48], где существительным в конструкциях с числительными, занимающим позицию подлежащего, предлагается приписывать некое особое значение категории падежа (*счетная форма*). Однако реинтерпретация этой формы в рамках принятой для существительных падежно-числовой системы грамматических противопоставлений по существу не снимает ни одной из синтаксических проблем, которые возникают и при ее традиционной интерпретации (т. е. как Р. ед., см. выше).

В работе [Устинова 1982], при обсуждении некоторых особенностей русских конструкций с числительными, было рассмотрено еще одно возможное грамматическое решение (в полной мере приемлемое и для украинского), которое имело целью унифицировать правила выбора значений грамматических характеристик существительного в конструкциях с числительными во всех синтаксических позициях. Было предложено, в частности, ввести для существительных новую грамматическую категорию — категорию **количественной неопределенности / определенности**, релевантную только для форм множественного числа и принимающую три значения:

1. **Количественная неопределенность** (при отсутствии синтаксической связи с числительными).
2. **Количественная определенность 1** (в конструкциях с числительными 2–4).
3. **Количественная определенность 2** (в конструкциях с числительными 5 и след.).

Парадигма существительных в этом случае приобретает следующий вид. — см. табл. 4.

При таком решении:

1) выбор падежа существительного в конструкциях с числовыми определяется общими правилами (т. е. в зависимости от свойств синтаксического хозяина существительного — глагола, другого существительного и пр.);

2) числительное же, с одной стороны, согласуется с существительным в падеже, а с другой стороны, определяет выбор значения категории **количественной неопределенности / определенности** для входящего в конструкцию существительного⁶.

Таблица 4

Падеж	Число		
	ед.	мн.	Количество. неопредел. / определ.
	кол. неопред.	кол. опред. 1	кол. опред. 2
И.	стол	столы	(2) стола
	шаг	шаги	(2) шага, шаги
	портной	портные	(2) портных
Р.	стола	столов	(2) стола
	шага	шагов	(2) шагов
	портного	портные	(2) портных
...

Впрочем, как для русского, так и для украинского недостатки такого решения также вполне очевидны — это решение предполагает, в частности, значительное расширение парадигмы существительного, причем в основном за счет омонимичных форм. Противопоставление по категории количественной неопределенности / определенности, как в русском, так и в украинском, может быть формально выражено только при И. (для неодушевленных существительных также В.) падеже существительного — в других случаях, как видно из табл. 4, эти формы омонимичны.

Вместе с тем, косвенным аргументом в пользу такого решения может служить ситуация, наблюдаемая в некоторых южнославянских языках, в частности, в болгарском и сербохорватском.

Болгарский

Современный болгарский язык, как известно, практически утратил категорию падежа, сохранив при этом категорию числа (с двумя значениями ед. и мн.). При этом, однако, в конструкциях с числительными болгарские существительные ведут себя особым образом [Маслов 1956], а именно, некоторые из них — существительные мужск. рода, оканчивающиеся в ед. числе на согласную, — в конструкциях с простыми количественными числительными (не лично-мужскими на -ма, -мина) представлены особой формой, отличной от форм ед. и мн. числа, ср.:

ед. стол, мн. столбе, но (2) стола;

ед. офицер, мн. офицери, но (5) офицера.

Это означает фактически, что описание болгарского субстантивного словоизменения требует введения, помимо категории числа, еще одной грамматической категории, по сути аналогичной предложенной выше для русского и украинского категории количественной неопределенности / определенности, правда, с меньшим числом значений: кол. неопред. и кол. опред.

Количественно определенные формы в довольно значительном числе случаев отличны от всех других форм субстантивной парадигмы, ср.:

ед. стол ~ мн., кол. неопред. столбе ~ мн., кол. опред. (2) стола,

хотя возможна и омонимия кол. неопред. и кол. опред. форм:

ед. женя ~ мн., кол. неопред. женей ~ мн., кол. опред. (2) женей.

Ситуация, наблюдаемая в болгарском, может рассматриваться как аргумент в пользу введения дополнительной субстантивной грамматической категории (категории количественной неопределенности / определенности) и для описания поведения русских и украинских существительных в конструкциях с числительными — категории, позволяющей по сути отказаться от объяснения особенностей выбора формы существительного в таких конструкциях через грамматическую категорию падежа.

При этом важно то обстоятельство, что, как показывает история болгарского склонения, судьба категории количественной неопределенности / определенности может оказаться отличной от судьбы категории падежа: «падение» противопоставлений по падежу в болгарском не привело к «падению» противопоставления по количественной неопределенности / определенности.

Сербохорватский

В отношении конструкций с числительными сербохорватский обнаруживает довольно сложную картину [Гудков 1969: 41–42], в известном смысле промежуточную между русским и украинским, с одной стороны, и болгарским, с другой.

В сербохорватском, как в русском и украинском, форма существительного в конструкциях с числительными, занимающими позицию подлежащего, зависит, в частности, от того, какое именно числительное входит в состав конструкции:

- при числительных 2–4:

существительные мужского и среднего склонения представлены формой, совпадающей с Р. ед.:

И. ед. друг (И. мн. другови; Р. ед. друга); (2) друга

существительные женского склонения — словоформой, совпадающей с И. мн.:

И. ед. жёна (И. мн. жёне; Р. ед. жёнё); (2) жёне;

- при числительных 5 и далее существительное представлено словоформой, совпадающей с Р. мн.

(5) другова; (5) жёна

Понятно, что если не допускать в системе расчлененных правил управления, форма существительных, выступающая в конструкциях с числительными 2–4, должна интерпретироваться как особая грамматическая форма, не совпадающая по своим характеристикам ни с одной другой формой парадигмы. Таким образом, для сербохорватского, также как для русского и украинского, возможно описание выбора формы существительных в конструкциях с числительными через грамматическую категорию количественной неопределенности / определенности с тремя значениями:

И. мн., кол. неопред. — другови; жёне

И. мн., кол. опред. 1 — (2) друга; (2) жёне

И. мн., кол. опред. 2 — (5) другова; (5) жёна

При этом для сербохорватского можно констатировать наличие тенденции к утрате падежных противопоставлений в системе именного словоизменения (тенденции, которая полностью реализована в современном болгарском).

Во-первых, в процессе утраты падежных противопоставлений находятся числительные: формы косвенных падежей числительных заменяются (в некоторых случаях обязательно, в некоторых — фа-

культативно) формой, внешне совпадающей с формой И. падежа. Остатки склонения сохраняют лишь числительные 1–3, хотя и здесь возможны случаи типа

*око две (И., женск.) ватре 'вокруг двух костров',
о два (И., мужск.) брата 'о двух братьях',
отац два (И., мужск.) сина 'отец двух сыновей' и под.*

Во-вторых, в контексте числительных утрачивают падежные противопоставления также и существительные (что видно, в частности, из только что приведенных примеров) — формы косвенных падежей существительных заменяются в таких контекстах (в зависимости от типа числительного: 2–4 vs. 5 и далее) формами, которые мы предложили интерпретировать как И., мн., кол. опред. 1 и И., мн., кол. опред. 2.

В-третьих, в контексте числительных утрачивают падежные противопоставления также прилагательные, ср. *око две велике (И., мн.; при Р., мн. великих) ватре 'вокруг двух больших костров'*.

Следует отметить, что в настоящее время зоной реализации этой тенденции в сербохорватской субстантивной парадигме являются формы, характеризующиеся, в предложенных выше терминах, значениями кол. опред. 1 и кол. опред. 2 категории количественной неопределенности / определенности: падежные противопоставления полностью утрачены для словоформ, характеризующихся значением кол. опред. 2, и явно находятся в процессе разрушения в зоне кол. опред. 1. При этом само противопоставление по количественной неопределенности / определенности в сербохорватском сохраняется.

Вернемся теперь вновь к обсуждавшимся выше инновациям в русских и украинских субстантивных парадигмах, т. е. к украинским формам типа (2) брати и русским — типа города. Хотя введение в число словоизменительных грамматических категорий русских и украинских существительных категории количественной неопределенности / определенности напрямую не связано с этими двумя инновациями (в принципе для него достаточно чисто синтаксических соображений), при такой грамматической трактовке форм существительных в конструкциях с числительными получают дополнительное обоснования те особые формальные отношения между И. мн. и замещающей его в конструкциях с числительными 2–4 формой существительного, о которых шла речь выше.

В украинском, как мы видели, одно из «новых» грамматических противопоставлений — противопоставление И., мн. ~ И., мн., кол. неопред. 1 — у существительных субстантивных типов склоне-

ния может выражаться в настоящее время практически только акцентными средствами (см. табл. 1).

В русском мы имеем, по-видимому, дело с тенденцией к распространению такого рода формальных отношений между двумя этими формами в субстантивных типах склонения, причем это распространение связано с распространением именно форм типа *городá*.

Таким образом, одно из «новых» грамматических противопоставлений в парадигме существительного в русском и украинском получает особое формальное выражение, не свойственное ни одному из падежно-числовых противопоставлений, — акцентуационное выражение.

Заметим, что способность словесного акцента выступать в качестве самостоятельного грамматического средства в русском и украинском реализована довольно слабо. Вместе с тем, в типологическом плане эта ситуация отнюдь не уникальна. Приведем для сравнения материал осетинского языка [Исаев 1966: 240–241]. В осетинском языке словесный акцент, по крайней мере в исконных словах, может находиться либо на первом, либо на втором слоге словоформы; распределение — лексическое. Осетинские существительные характеризуются, в частности, категорией неопределенности / определенности, причем формально противопоставление по этой категории выражается только акцентуационно: ср., *бы́дыр* 'поле' (И., ед., неопредел.) и *бы́дыр* 'это поле' (И., ед., опред.), в том случае, если в неопределенной форме акцент находится на первом слоге, определенная и неопределенная формы омонимичны: ср. *ráдзырд* 'рассказ' (И., ед., неопредел.) и *ráдзырд* 'этот рассказ' (И., ед., опред.).

Заключение

Подводя основные итоги предшествующего обсуждения, выделим следующие основные моменты.

I. Наблюдаемую в рассмотренных славянских языках эволюцию конструкций с числительными (в морфологическом и синтаксическом плане) определяют два процесса:

A. Тенденция к унификации изначально различных синтаксических свойств числительных 2–4, с одной стороны, и 5 и далее, с другой, по модели, характеризованной в исходной системе конструкции с числительными 2–4.

B. Изменение инвентаря значений семантически наполненной грамматической категории числа: переход от тройного противопоставления (ед. ~ дв. ~ мн.) к двойному (ед. ~ мн.).

II. Данные эволюционные шаги осуществляются, предположительно, через особый (скорее всего промежуточный) этап, которому можно дать следующую грамматическую интерпретацию: первоначальное семантически мотивированное грамматическое противопоставление (дв. ~ мн.) не исчезает бесследно, но переосмысливается как противопоставление по особой, уже чисто синтаксической, грамматической категории (см. выше о категории количественной неопределенности / определенности). Эта категория релевантна только для форм мн. числа и может рассматриваться в русском, украинском и сербохорватском как категория с тремя значениями: кол. неопредел. (при отсутствии числительного) ~ кол. опред. 1 (при числительных 2–4) ~ кол. опред. 2 (при числительных 5 и далее); в болгарском — как категория с двумя значениями: кол. неопредел. (при отсутствии числительного) ~ кол. опред. (при наличии синтаксической связи с числительными 2 и далее).

III. В украинском и в русском некоторые грамматические противопоставления, связанные с категорией количественной неопределенности / определенности, а именно, противопоставление И., мн., кол. неопредел ~ И. мн., кол. опред. 1, по крайней мере в пределах субстантивных типов склонения, получают (в украинском) или обнаруживают тенденцию получить (в русском) особое формальное выражение — противопоставленность исключительно акцентными средствами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Понятие *падеж конструкции в целом* можно определить как падеж отдельного существительного, занимающего синтаксическую позицию конструкции с числительным.

В таблице учтены только продуктивные схемы ударения:

А — ударение на основе во всех формах существительного;

В — ударение на окончании во всех формах, имеющих слововое окончание;

С — ударение на основе в формах ед. числа, на окончании — в формах мн. числа;

Д — ударение на окончании в формах ед. числа; на основе — в формах мн. числа; при этом не учитывается ударение словоформ В. падежа в тех случаях, когда они омонимичны формам И. или Р. падежей.

² См., в частности, словарь [Погребний 1964].

³ Подробный обзор существующих версий содержится в работе [Unhegau 1935: 212—217].

⁵ Эта особенность словоформ И. мн. на -ы(-и) была в свое время отмечена А. А. Шахматовым [Шахматов 1957: 332]. Наблюдение Шахматова остается актуальным и для современного состояния русского языка.

⁶ Идея введения для описания формальных особенностей русских существительных в конструкциях с числительными особой словоизменительной грамматической категории существительных (*категории счетности*) была высказана также в [Мельчук 1985: 437], с той, однако, разницей, что данная категория считается релевантной только для Р. падежа, и противопоставляются Р., ед., счетн. ~ Р., ед. несчетн.

ЛИТЕРАТУРА

- Гудков 1969 — Гудков В. П. Сербохорватский язык. — М.: Изд. МГУ, 1969.
- Зализняк 1967 — Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. — М.: Наука, 1967.
- Исаев 1966 — Исаев М. И. Осетинский язык // Языки народов СССР. — Т. 1. — М.: Наука, 1966. — С. 237—256.
- Маслов 1956 — Маслов Ю. С. Очерк болгарской грамматики. — М.: Изд. лит. на иностранных языках, 1956.
- Мельчук 1985 — Мельчук И. А. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. — Wiener slawistischer Almanach, Sonderband 16. — Wien, 1985.
- Погребний 1964 — Погребний М. У. Словник наголосів української літературної мови. — Київ, 1964.
- Устинова 1982 — Устинова Е. Г. О выборе линейной позиции и формы адъективов в контексте числительных. // Формальное представление лингвистической информации. — Новосибирск: Изд. Новосибирского ВЦ СО АН СССР, 1982. — С. 84—102.
- Шахматов 1957 — Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. — М.: Учпедгиз, 1957.
- Babby 1987 — Babby L. H. Casc, Prequantifiers, and Discontinuous Agreement in Russian // Natural Language and Linguistic Theory, 1987. — № 5. — P. 91—138.
- Bowers 1984 — Bowers J. On the Autonomy of Inflectional Morphology. // Cornell Working Papers in Linguistics, IV, Dep. of Modern Languages and Linguistics / ed. W. Harbert. — Cornell Univ., Ithaca, N.-Y., 1984. — P. 23—41.
- Pesetsky 1982 — Pesetsky D. Paths and Categories. Ph.D. Dissertation. — MIT, 1982.
- Unbegaun 1935 — Unbegaun B. La langue russe au XVI siècle. I. — Paris, 1935.

Л. Л. ФЕДОРОВА

О ВИДАХ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ И РОЛИ ИНТОНАЦИИ В ИХ РАСПОЗНАВАНИИ

L. L. FEDOROVA

ON TYPES OF SPEECH EFFECT AND THE ROLE OF INTONATION IN THEIR IDENTIFICATION

1. Введение

В данной работе представлена попытка обосновать предложенную ранее типологию речевых действий (см. [Федорова 1991]) с помощью некоторых экспериментальных данных по распознаванию интонации высказывания.

Создание типологии речевых действий является одним из этапов построения грамматики диалога, разрабатываемой автором на основе теории речевой коммуникации.

Грамматика диалога — это фрагмент лингвистического описания, целью которого является выявление и описание регулярных закономерностей естественного диалога и изучение способов языкового выражения этих закономерностей.

Исходной точкой анализа является высказывание, понимаемое как речевое действие — акция или реакция, например: вопрос или подтверждение, предложение или согласие, просьба или разрешение. Речевая акция и реакция на нее образуют акт речевого взаимодействия — элементарный диалог: вопрос и подтверждение, предложение и согласие, просьба и разрешение.

Теория речевой коммуникации дает возможность рассматривать акт речевого взаимодействия в рамках определенной ситуации общения с учетом целей собеседников, их ролей и типа контакта между ними.

Основные положения теории речевой коммуникации изложены в работах А. А. Леонтьева, Е. Ф. Тарасова и других авторов (см.,

например, [Леонтьев 1974а, 1974б; Тарасов 1979; Крысин 1976]). Однако основы такого подхода к изучению языка — как процесса речевого общения — заложены давно — в трудах М. М. Бахтина и Л. П. Якубинского [Волошинов 1929; Якубинский 1923], а корнями своими уходят в глубь гердерианской и гумбольдтианской традиции.

Подчеркивая диалогическую природу высказывания, М. М. Бахтин отмечал, что оно направлено не просто на понимание собеседником, но на ответ. Будь то реплика диалога, или развернутое в монолог публичное выступление, или даже объемное художественное произведение — в каждом случае его автор ведет диалог, подразумевая активное взаимодействие, реакцию со стороны другого участника общения — собеседника, аудитории, читателя, последующих поколений.

С почти физической неотвратимостью вопрос влечет за собой ответ, а безответная реплика повисает в воздухе, создавая эмоциональную напряженность, требующую разрешения словом. Эту способность высказывания вызывать реакцию подчеркивал и Л. П. Якубинский.

2. Теория

Исходя из целенаправленности речевого общения, в грамматике диалога речевое действие можно представить состоящим, как правило, из трех элементарных составляющих: речевого воздействия, «коммуникативного» действия и речевого «самовыражения». Смысл этих названий отражает цели говорящего, осуществляемые в общении: во-первых, цель воздействовать на поведение собеседника, вызвать его ответную реакцию — речевую или неречевую; во-вторых, цель сообщения, задающую коммуникативную составляющую и относящуюся к информационному обмену, — задать вопрос или дать ответ, подтвердить или опровергнуть сказанное, высказать намерение, мнение или коинституировать факт; в-третьих, цель выражения в речи собственной позиции, линии поведения — намерен ли говорящий пошутить, похвастаться, пожаловаться или, быть может, выругаться. Общение понимается здесь как социальное взаимодействие собеседников, суть которого составляет именно речевое воздействие собеседников друг на друга (ср. у Э. Бенвениста: «Речь [discours] следует понимать <...> в самом широком смысле, как всякое высказывание, предполагающее говорящего и слушающего и намерение первого определенным образом воздействовать на второго» [Бенвенист 1974: 276]).

В модели акта речевого взаимодействия составляющие речевых действий собеседников направлены на определенный объект:

объектом речевого воздействия инициатора диалога является собеседник, объектом ответного речевого воздействия собеседника является инициатор. Кроме того, каждый из собеседников является субъектом коммуникативного действия, направленного на объект — собственно сообщение, — и субъектом речевого самовыражения, являющегося безобъектной составляющей. Структура акта речевого взаимодействия может быть представлена в виде треугольной схемы, в вершинах которой расположены основные компоненты ситуации общения — инициатор диалога («Я»), собеседник («Ты») и сообщаемое («Нечто»), связанные стрелками, соответствующими направленным составляющим речевых действий собеседников (между «Я» и «Ты» — две разнонаправленные стрелки «речевого воздействия», две другие стрелки из вершин «Я» и «Ты» — «коммуникативные действия» — направлены на предмет сообщения — «Нечто»).

Схема акта речевого взаимодействия соответствует ситуации общения. Предложенная ранее модель ситуации общения (см. [Федорова 1988]) включает в качестве основных компонентов: 1) собеседников, обменивающихся речевыми действиями в соответствии с целями общения и выступающих в определенных ролях; 2) референтную ситуацию, с которой соотносится содержание высказываний — речевых действий; 3) контакт, на основе которого осуществляется общение. Данная модель допускает различные интерпретации в зависимости от уровня анализа — социологического, психологического, коммуникативного, собственно лингвистического. Так, на социологическом уровне цели общения собеседников могут интерпретироваться в наиболее общем виде: у говорящего — как цели воздействия на поведение и образ мыслей собеседника и, соответственно, у собеседника — как цель подчинения или противодействия воле говорящего. На коммуникативном уровне цели общения могут интерпретироваться как цели передачи или получения информации; на психологическом уровне, по-видимому, как цели самовыражения. При этом на лингвистическом уровне выделенные факторы могут иметь различное языковое выражение.

Хотя речевое действие содержит, как правило, три указанные стороны — воздействие, сообщение и самовыражение, — в высказывании обычно явно выражается лишь одна из них в соответствии с речевой стратегией говорящего, а остальные представляют собой имплицитации высказывания. При этом в фокус попадает либо собеседник, на которого направлено воздействие, либо сообщаемое, либо сам говорящий.

Отчетливо проследить взаимодействие этих трех сторон речевого действия помогают примеры рекламы.

1. В фокусе — собеседник (речевое воздействие):

Попробуйте раз, и вам понравится! — рекламирует свое блюдо повар фирмы «Кнорр». Речевое воздействие этой реплики на адресата имеет форму благожелательного совета.

Импликации высказывания:

- во-первых, подразумеваемое сообщение: *Это вкусно!*;
- во-вторых, элемент самовосхваления: *Мой рецепт — отличный!*.

2. В фокусе — сообщаемое:

Я одеваюсь только в магазинах 2x2! — рекламная реплика дамы, демонстрирующей телезрителям свои наряды. Явно выражено сообщение в форме констатации факта.

Импликации высказывания:

- во-первых, самовосхваление (характерный элемент любой рекламы): *Я всегда одета изысканно*;
- во-вторых, речевое воздействие на собеседника: *Обратите внимание!, Запомните!, Запишите!* (по типу информирования: такое воздействие может не влиять непосредственно на поведение, но изменять информационную базу адресата, оставляя возможность выбора — кому-то может и не понравиться).

Для традиционного лингвистического исследования характерна абсолютизация коммуникативной стороны речевого общения — информационного обмена; при этом такие стороны общения, как речевое воздействие и самовыражение, в лучшем случае оказываются на периферии лингвистического анализа. Грамматика диалога дает возможность описать глубинную, социально-психологическую природу высказывания, а также выявить закономерности языкового выражения. Выделение трех составляющих речевых действий позволяет рассматривать заключающие их высказывания в трех аспектах: в плане социального взаимодействия — как речевое воздействие, в плане коммуникативного взаимодействия — как объект логико-пропозиционального анализа: вопрос, подтверждение, отрицание, констатацию и проч., в плане речевого самовыражения — как объект лингвистической поэтики и теории жанров: жалобу, шутку, брань (отметим, что задача описания речевых жанров была поставлена как в работах М. М. Бахтина, так и в работах современного американского социолингвиста Д. Хаймса). Грамматика диалога сосредоточивается на первом аспекте анализа высказывания — на речевом воздействии.

Первостепенной задачей при моделировании диалога представляется разработка типологии речевых действий. Существующие в рамках теории речевых актов различные классификации иллокутивных актов (см., например, [Остин 1976; Серль 1976; Bach, Harnish 1986]) не могут быть использованы в грамматике диалога, поскольку построены на других основаниях. Основой для создания типологии речевых действий может служить намеченная модель акта речевого взаимодействия, предполагающая разложение речевых действий на элементарные составляющие в соответствии с целенаправленностью общения.

Ранее для построения типологии использовался материал двух типов: словарные описания глаголов речевых действий и примеры русской разговорной речи (см. [Федорова 1991]). В настоящей работе привлекается экспериментальный материал.

Действительная значимость выделения трех составляющих речевых действий находит свое подтверждение в языке. Так, анализ словарного материала (проведенный по словарю С. И. Ожегова) показал, что семантическая структура глаголов речевого действия отражает речевую стратегию говорящего, отмечая целевые компоненты действия наличием обязательных валентных связей. Например, глаголы, обозначающие речевое воздействие, имеют два обязательных актанта, кроме субъекта, — адресат и объект действия: *обещать кому что, сулить кому что, советовать кому что, приказывать кому что, призывать кого к чему, просить кого о чем, информировать кого о чем и проч.* В отличие от них глаголы, обозначающие коммуникативные действия, имеют, кроме субъектной, только одну обязательную валентность: *утверждать что, отрицать что, подтверждать что, выяснять что, высказывать мнение, намерение и проч., выражать желание, сомнение и проч.* Наконец, глаголы речевого самовыражения вообще могут не иметь обязательных актантов, кроме субъекта: *браниться, шутить, злословить, богохульствовать, дразниться и проч.* (Нормальны в речи запретительные реплики: *Не дразнись! Не хвастайся!* Нормально спросить: *Как он хвастается? Как он дразнится?* — ср.: «Похвалялся лиса: всему свету я краса!»).

Из проведенного анализа следует, что глаголы речевого воздействия наиболее полно отражают структуру акта речевого взаимодействия. Так, семантическая структура глаголов речевого воздействия включает в качестве актантов субъект, адресат и пропозицию (ср. определение пропозиции у Е. В. Падучевой: «Пропозиция — это то, что фигурирует в речевом акте, т. е. то, что может быть подвергнуто утверждению, сомнению; то, что может быть предметом просьбы, приказания, пожелания, обещания <...>» [Падучева

1985: 36]), что соответствует основным компонентам акта речевого взаимодействия.

Однако предложенная выше структура акта речевого взаимодействия описывает лишь один тип речевого общения, при котором происходит передача информации, — так называемое общение-действие.

Следует отметить, что теория речевой деятельности, разработанная в отечественной науке, исходит из понимания речевого общения не как деятельности, а именно как действия в структуре другой деятельности. По мнению ее авторов (см. [Леонтьев 1974б: 25]), речь не имеет статуса деятельности, поскольку ее мотивы и цели лежат за ее пределами, и речь служит лишь средством (являясь операцией, действием) для достижения целей другой деятельности (например, познавательной): «Речь (речевая деятельность, речевое общение) обладает статусом действия и занимает подчиненное положение по отношению к неречевой деятельности, в структуре которой оно развивается» [Тарасов 1977: 86].

Другой тип общения — общение ради общения, общение-деятельность — рассматривается обычно на примере вырожденных случаев самоценного языкового употребления — таких как каламбуры, актерская речь, обучение второму языку. Более приемлемо для нас другое понимание, согласно которому общение-деятельность — это целый пласт использования языка в фатической функции, при котором общение имеет неинформационный характер, выступая как социальное взаимодействие, обмен социальными актами, предписанными определенной социальной ситуацией. Единственным объектом речевого действия говорящего выступает при этом собеседник.

Семантическая структура глаголов речевого действия в ситуации фатического общения, помимо главного актанта — говорящего, имеет один обязательный актант — адресат, например, *приветствовать кого, благодарить кого, просить кого* и проч. По замечанию Ю. Д. Апресяна, в условиях ситуации общения, когда адресат очевиден, и этот актант может становиться факультативным (см. [Апресян 1995: 204]). Речевое действие при этом имеет характер речевого воздействия особого типа.

Можно сравнить употребление глаголов речевого воздействия в ситуациях информативного и фатического общения:

- 1а. *Прошу вас передать мне билет.*
- 1б. *Прошу вас (= Пожалуйста).*
- 2а. *Благодарю вас за цветы.*
- 2б. *Благодарю (вас).*

С точки зрения теории речевых актов, все примеры представляют собой случаи перформативного употребления глаголов. С позиций теории речевой коммуникации, различие между примерами в парах заключается во включенности или невключенности неречевой ситуации (т. е. ситуации, о которой идет речь) в контекст ситуации общения. При этом глаголы в фатическом употреблении (примеры б) направлены на единственный объект ситуации общения — собеседника, глаголы в информативном употреблении (примеры а) связаны с двумя объектами ситуации общения — собеседником и пропозицией, референтно соотнесенной с неречевой ситуацией. Замкнутость фатического общения на собеседника придает речевому воздействию особый характер и служит поддержанию и развитию социального и психологического контакта между участниками диалога.

Таким образом, при фатическом общении речевое действие имеет особо выраженный характер социального воздействия, т. е. акта, направленного на управление поведением собеседника в соответствии с определенными социальными нормами. Такие социальные акты нередко имеют в языке свернутые клишированные выражения (типа *спасибо, пожалуйста, прошу, прошите*), а также неречевые эквиваленты в языке жестов. Подобные клишированные выражения могут быть использованы как самостоятельные реплики (примеры б), а могут оформлять информативные реплики, перемещая фокус на информативную часть, например:

- 1в. *Прошу вас, передайте мне билет!*
- 2в. *Какие чудесные цветы, спасибо.*

Говорящий выбирает форму реплики в соответствии с ситуацией и стратегией общения, либо используя готовые формулы фатического общения, либо помещая в фокус одну часть реплики и свертывая другую. Так, в примерах а свернутой оказывается пропозициональная часть высказывания: в случае 1а образ неречевой ситуации, которая должна осуществиться по желанию говорящего, выражен инфинитивной конструкцией, а в случае 2а образ имевшей место неречевой ситуации (преподнесения цветов) представлен лишь существительным — целая ситуация обозначена одним словом. В фокусе реплики оказывается само речевое воздействие. Необходимость в таком акценте может возникнуть, например, при переспросе, при объяснении своих действий, в письменной речи.

В свернутом виде могут быть выражены и другие компоненты ситуации общения. В частности, отмечаемые разными исследователями (см. [Вежбицкая 1978, Путеводитель 1993]) «дискурсивные слова» — метатекстовые элементы — замещают конкретные коммуникативные действия, например: *таким образом* = 'я делаю вывод'; *в общем* = 'я обобщаю'; *итак* = 'я подытоживаю, заключаю'.

Наконец, говорящий может выбрать скрытую форму речевого воздействия, используя чисто информативные высказывания типа *Мне нужен би-*

лем до N! (в кассе). Таким образом, получается, что между чисто фатическим и чисто информативным употреблением располагается ряд промежуточных случаев.

Следует заметить, что для фатического общения принятым является более широкое понимание (по Б. Малиновскому, введшему этот термин; см. [Бенвенист 1974: 318]), в соответствии с которым фатическим может считаться информативное в нашем понимании общение, если основной его целью является не передача информации, а поддержание определенных отношений между собеседниками. Этому могут служить не только церемониальные акты приветствия, прощания и проч., но и разговоры о погоде, о здоровье и т. д., т. е. речевые акты, имеющие конкретный предмет разговора. Их при этом можно считать подчиненными общей цели диалога, которая и позволяет определить его как фатическое общение, хотя составляющие его конкретные ходы могут иметь иной характер. Значит, следует различать анализ диалога в целом и анализ составляющих его актов речевого взаимодействия.

Разграничение двух типов речевого воздействия, относящихся к общению-действию и к общению-деятельности (информационного и фатического), учитывается при построении типологии речевого воздействия.

Речевое воздействие является воплощением социального воздействия, которое осуществляется говорящим с целью управления поведением собеседника. Управление поведением понимается здесь широко: и как непосредственное побуждение собеседника к немедленному конкретному действию, и как изменение его «информационной базы», способное в дальнейшем повлиять на его поведение (см. [Тарасов 1977: 87; 1979: 66]). Речевое воздействие на собеседника заключает в себе определенную речевоз действующую силу (по терминологии Остина), заставляющую собеседника вести себя так, а не иначе. Эта сила может быть в разной степени воплощена в высказывании: от категорического приказа (*Встать!*), не оставляющего возможности выбора, до скрытого волеизъявления, выводимого как импликация из смысла высказывания (*Здесь душно. = Откройте окно.*)

По способу воздействия на собеседника предлагается различать четыре класса речевых действий, условно названные:

- 1) конвенциональные социальные воздействия,
- 2) волеизъявления,
- 3) информирование и разъяснение,
- 4) оценочные и эмоциональные воздействия.

К первому классу относятся случаи фатического употребления речи, разобранные выше: акты приветствия, прощания, благодарности, извинения, представления, обязательства (обещания, клятвы, поручительства), обращения, законодательные акты (постановления, объявления ареста, бракосочетания и проч.). Все они отличаются конвенциональным характером и способом оформления реплики, при котором либо используются формулы фатического общения, либо в фокусе оказывается собственно речевое воздействие.

Второй, самый показательный класс речевых действий составляют волеизъявления. Волеизъявления различаются по силе и характеру воздействия, определяемым намерением говорящего, а также по роли в акте речевого взаимодействия — акции или реакции. По этим признакам могут быть выделены следующие виды акций волеизъявления: 1) приказ, 2) призыв, 3) указание, 4) убеждение, совет, 5) предложение, приглашение, 6) просьба, 7) просьба о разрешении, 8) вопрос, т. е. просьба (или требование, запрос — нейтрализованное по характеру воздействие — см. [Вежбицкая 1985: 259—262]) дать информацию, 9) пожелание. Приказ обладает наибольшей речевоздействующей силой, пожелание — наименьшей.

К реакциям волеизъявления относятся: 1) согласие, 2) несогласие, возражение, отказ, 3) разрешение, 4) запрет. Отказ и запрет являются более сильными воздействиями, чем разрешение и согласие.

Волеизъявления относятся к информативному общению, т. е. имеют коммуникативную составляющую, подразумевающую перечевую ситуацию, субъектом которой мыслится собеседник. Более детальное описание видов волеизъявлений не входит в наши задачи; к тому же семантическому толкованию их (так же как и других речевых действий) посвящен ряд интересных исследований; в первую очередь следует упомянуть работы А. Вежбицкой (см. [Wierzbicka 1980; Вежбицкая 1985]).

К третьему классу речевых действий относятся акции и реакции информирования и разъяснения. Очевидно, что это область информативного общения. Если волеизъявления направлены на выполнение, то речевые действия данного типа направлены на уяснение и не обладают большой речевоздействующей силой. Обычно в фокусе высказывания оказывается сообщаемый факт, а речевое действие остается явно не выраженным, подразумеваемым. Уточнить характер речевого действия можно, если квалифицировать его в коммуникативном аспекте по цели сообщения как констатацию, вопрос, предположение и проч., по способу действия — как изложение, рапорт, признание, объяснение и проч., по отношению к пред-

шествующему дискурсу — как подтверждение, отрицание, замечание, вывод, обобщение и проч.

В четвертый класс объединены оценочные и эмоциональные воздействия. Если волеизъявления воздействуют на поведение собеседника, информирование — на сумму знаний, то реплики этого типа воздействуют прежде всего на чувства собеседника.

Наиболее типичными оценочными воздействиями являются похвала, одобрение и осуждение, порицание. Они связаны с действующими в обществе моральными нормами.

Эмоциональные воздействия, в отличие от оценочных, связаны не с общепринятыми моральными оценками типа осуждения или одобрения, а с межличностными, субъективно-эмоциональными отношениями. К ним можно отнести угрозу, насмешку, утешение, оскорбление и проч.

Такие речевые действия обычно развиваются в структуре общения-деятельности, выражая в первую очередь отношения собеседников друг к другу. При этом речевые действия этого типа не являются конвенциональными в отличие от речевых действий первого типа. Некоторые из этих действий обладают большой речевоздействующей силой и способны вызвать антидиалогические реакции и разрыв контакта.

Предложенная классификация речевых действий отличается от принятых в теории речевых актов, поскольку строится на иных основаниях. Прежде всего, она исходит из понимания речевого действия как социального воздействия, которое в ходе дальнейшего анализа может быть уточнено в коммуникативном аспекте и в плане самовыражения — т. е. каждое речевое действие может быть охарактеризовано как бы в трех разных измерениях.

Далее, для нашей классификации характерно противопоставление двух типов общения: общения-действия и общения-деятельности. В данной модели это противопоставление представляется более существенным, чем, к примеру, «различие в направлении приспособления между словами и миром» Серля (см. [Серль 1986: 172]), поскольку связано с общезначимыми понятиями фатического и информативного общения.

С точки зрения референтной соотнесенности, информативные действия связаны как с неречевой ситуацией — с «миром», с действительностью, — образ которой присутствует в пропозициональной части реплики, так и с ситуацией общения, отличной от нее. Фатические же действия замкнуты на ситуацию общения, которая и является для них «миром», действительностью, т. е. совпадает с неречевой ситуацией или как бы оказывается вложенной в нее. Тогда фатиче-

ские действия — «слова» — могут изменять положение дел в «мире» (например, произнесение формулы ареста), но этот «мир» сосредоточен в самой ситуации общения, являющейся социальной ситуацией, и изменяется через нее.

Наконец, существенной для данной классификации является взаимосвязанность всех признаков и их иерархическая упорядоченность, так что каждое речевое действие может быть последовательно охарактеризовано в данной системе по целям общения, по типу общения, по типу речевого воздействия, по роли в структуре общения — акции или реакции, по характеру и по силе речевого воздействия.

Типология речевых воздействий, учитывающая характер возможных реакций, является основой для построения модели диалога.

3. Эксперимент

Значимость предложенной типологии может быть подтверждена на лингвистическом уровне анализа, если удастся выявить наиболее характерные языковые различия для выделенных классов речевых действий. Так, конкретные виды волеизъявлений имеют свои характерные способы выражения в лексике и в грамматике. Например, *Пойдем в кино!* — приглашение, предложение; *Не ходи туда!* — предупреждение или запрет; *Не уходи, пожалуйста!* — просьба; *Можете идти* — разрешение. Однако большинство значений волеизъявлений может быть передано грамматической формой повелительного наклонения, например: *Иди!* Произнесенное с разными интонациями, это высказывание может иметь смысл и призыва, и просьбы, и разрешения, и совета, и приглашения. (Ср. у А. Вежбицкой: «Значение императива зависит от его интонации <...> Окончательным и решающим критерием, с помощью которого мы можем отличить просьбу от призыва, совет от разрешения и т. д., является интонация» [Вежбицкая 1985: 256, 261].)

Проверке смыслоразличительных возможностей интонации и посвящена экспериментальная часть работы.

Если с помощью эксперимента удалось бы подтвердить, что различное интонационное оформление волеизъявительного высказывания служит достаточным основанием для распознавания его характера, то в принципе можно было бы построить интонационную парадигму волеизъявлений в рамках грамматики диалога (интонация понимается здесь широко, включая и так называемый интонационный тембр).

Были проведены две серии экспериментов. В первой серии в качестве контрольной волеизъявительной реплики был выбран императив *Иди!* Был подготовлен тестовый материал — описание конкретных ситуаций общения, включающих развернутую фразу определенного волеизъявительного характера, начинающуюся с контрольной реплики. Например, запретительный приказ:

«Отец прогоняет мальчишку-хулигана, напавшего на его сына:
— *Иди! Марш отсюда! И чтоб я тебя больше не видел!*».

Подобные описания ситуаций были предъявлены опытному диктору; прочтенные им с соответствующей контексту интонацией высказывания были записаны на магнитофонную ленту. Далее из этих высказываний были вырезаны контрольные реплики *Иди!*, из которых, собственно, и были составлены тесты.

Для первой серии эксперимента было составлено двенадцать контекстов ситуаций, включающих различные волеизъявления; грамматические возможности данной формы исключали просьбу о разрешении, вопрос и несогласие; запрет был представлен косвенным образом как приказ, выраженный глаголом *идти* (в смысле *идти отсюда* — в противоположность *идти сюда*). В то же время некоторые волеизъявления были представлены в двух вариантах: просьба и мольба, убеждение и совет. Этим проверялась возможность выделить дополнительные виды в парадигме волеизъявлений.

Двенадцать вырезанных контрольных реплик были случайным образом разбиты на три теста (1а, 1б и 1в), включающих каждый по четыре реплики, повторенных по три раза — всего по двенадцать контрольных произнесений в перепутанном порядке для каждого из трех тестов. В тесте 1а противопоставлялись приказ (п. 5 в табл. 1), указание (п. 6), убеждение (п. 11) и совет (п. 12); в тесте 1б — призыв-напутствие (п. 3 — призыв *идти вперед*), приглашение (п. 9), настоятельная просьба (п. 10) и просьба-мольба (п. 8); в тесте 1в — запретительный приказ (п. 1 — приказ неходить), призыв-апеллятив (п. 2 — призыв *прийти*), разрешение (п. 7) и согласие (п. 4). Тесты были предъявлены десяти опытным аудиторам вместе с полными описаниями ситуаций и фразами, из которых были вырезаны контрольные реплики. Задачей аудиторов было определить, откуда была вырезана контрольная реплика в каждом ее предъявлении.

Предполагалось, что какой-то минимум информации о характере речевого воздействия всей фразы заключен в начальной реплике *Иди!* Требовалось проверить, является ли он достаточным для различия предложенных вариантов речевого воздействия.

Статистическому анализу первой серии экспериментов были подвергнуты 360 ответов испытуемых (12 реплик × 3 предъявления × 10 аудиторов). Поскольку для каждой из предъявленных реплик ауди-

тор мог выбирать одну из четырех возможностей (в каждом из тестов 1а, 1б и 1в), то ожидаемая вероятность случайного выбора-угадывания должна была бы составить 0,25. Результаты статистической обработки позволяют предположить неслучайный характер выбора.

Процент распознавания (правильного угадывания) реплик в первой серии экспериментов указан в таблице 1.

Таблица 1

Вид речевого воздействия	Процент распознавания	Минимальный контекст	Примечания
1. Запретительный приказ	90	<i>Иди! Марш отсюда!..</i> [гневно]	
2. Призыв-апеллятив	83	<i>Иди! Сюда!..</i> [возбужденно]	
3. Призыв-напутствие	83	<i>Иди!.. Только вперед!</i> [патетически]	
4. Согласие	83	<i>Иди! Ладно уж.</i> [снисходительно]	
5. Приказ	77	<i>Иди! Открой дверь!</i> [требовательно]	
6. Указание	70	<i>Иди(!) Дойдешь до поворота... [обстоятельно]</i>	
7. Разрешение	67	<i>Иди! Я не возражаю!</i> [с напускным безразличием]	
8. Просьба-мольба	57	<i>Иди! Ну, пожалуйста...</i> [умоляюще]	В 30% случаев отождествляется с 10
9. Приглашение	50	<i>Иди!... Садись.</i> [слегка покровительственно]	
10. Настоятельная просьба	37	<i>Иди! Прошу тебя...</i> [настойчиво]	Преобладает отождествление с 8 (43%)
11. Убеждение	33	<i>Иди! Ты должен идти...</i> [наставительно]	Преобладает отождествление с 12 (52%)
12. Совет	33	<i>Иди! Тебе там будет хорошо!</i> [доброжелательно]	В 30% случаев отождествляется с 11

* Пометы в квадратных скобках не предлагались аудиторам, они указывают характер произнесения реплик диктором.

Результаты эксперимента показывают, что правильный выбор был неслучайным и, очевидно, определялся распознаванием интонации. Как видно из таблицы 1, большинство (8 из 12) видов волеизъявлений были правильно опознаны в преобладающем числе случаев. Однако различие двух вариантов просьбы — мольбы и настоятельной просьбы — оказалось для данного эксперимента проблематичным: эти варианты волеизъявлений смешиваются в ответах аудиторов. Как общая категория, противопоставленная остальным, просьба все же распознается в 80—87% случаев. Еще сильнее смешиваются убеждение и совет; очевидно, это близкие по характеру, но отличающиеся по силе воздействия волеизъявления. Следовательно, для этих вариантов волеизъявлений не удалось доказать необходимость разграничения. В то же время разделение призывов на два хорошо распознанных вида — призыв-напутствие и апеллятив — представляется оправданным, но в данном случае это разделение связано с различиями в интерпретации глагола (*идти* может значить *идти туда* и *идти сюда*) и не показательно для парадигмы волеизъявлений.

Таким образом, результаты первой серии экспериментов в целом подтвердили исходную гипотезу о смыслоразличительной роли интонации. Минимальные лексически тождественные реплики различаются по смыслу благодаря интонации. Выделенные изначально виды волеизъявлений (см. раздел 2) могут, по-видимому, рассматриваться как члены парадигмы волеизъявлений. Однако для полного ее представления, очевидно, необходимы дополнительные эксперименты.

Анализ результатов эксперимента позволяет предположительно выделить два смыслоразличительных переменных фактора, отражающихся в интонации: силу речевого воздействия и эмоциональную окрашенность реплик. Очевидно, что эмоционально окрашенные реплики обладают большей выразительностью и должны были бы распознаваться легче по сравнению с эмоционально нейтральными. В самом деле, в записи тестов первой серии запретительный приказ имеет ярко выраженную агрессивную окраску в произнесении диктора, призыв-напутствие — торжественную, призыв-апеллятив — оттенок возбужденности, приказ — оттенок требовательности, суровости, согласие (близкое к уступительному разрешению) — оттенок снисхождения, разрешение — оттенок плохо скрытой досады, мольба также имеет яркую эмоциональную окрашенность. С другой стороны, указание, приглашение, убеждение, совет оказываются скорее нейтральными в этом отношении. Статистика распознаваемости в основном отражает это разграничение. Конечно, в teste задан только один

вариант произнесения для каждого вида реплик, и тем не менее более узнаваемыми оказываются реплики эмоционально окрашенные.

Подтвердить роль эмоциональной окраски при распознавании речевого воздействия была призвана вторая серия экспериментов с контрольным словом *Тише!* Эксперимент был организован аналогично предыдущему, только в нем приняли участие 9 аудиторов, которым был предложен исходный материал из 8 фраз. Реплика *Тише!* способна передавать такие эмоциональные воздействия, как угроза, предостережение, утешение, оценочное воздействие-укор, эмоционально окрашенные волеизъявления: грубый приказ-окрик с эмоциональной окраской возмущения, убедительная просьба с оттенком раздражения, предупреждение-заговор. Наконец, она может передавать эмоционально нейтральный приказ-требование. Все эти возможности и были учтены при составлении теста.

О высокой распознаваемости эмоций в речи свидетельствуют исследования Э. А. Нушикян (см. [Нушикян 1986]). Эмоционально насыщенные тексты, демонстрирующие гнев, восхищение, удивление, презрение, тревогу, печаль и проч., были записаны опытными дикторами и предложены аудиторам для определения видов эмоций. Большинство эмоциональных состояний было верно определено носителями языка примерно в 80% случаев (хуже других опознавался страх — в 50% случаев), и многие эмоциональные состояния верно определялись даже аудиторами, не владеющими русским языком (хотя степень распознаваемости для них ниже — порядка 60%). Это показывает, что интонационное выражение основных эмоций имеет общую психологическую и физиологическую основу, независимо от конкретного языка.

Распознаванию эмоций в экспериментах Э. А. Нушикян способствовала достаточная длина предъявляемых текстов, включающих в каждом случае несколько развернутых фраз (пространную реплику персонажа художественного произведения и обычно авторскую речь). В нашем же эксперименте распознавание затруднялось рядом факторов, в частности, ограничением длины текста до минимума — одного двусложного слова — и смысловой близостью некоторых видов эмоций, передаваемых одним словом.

Задача эксперимента заключалась в том, чтобы выяснить, возможно ли на минимальной интонационной структуре разграничить виды эмоциональных, экспрессивно окрашенных и нейтральных речевых воздействий.

Как и в первой серии экспериментов, исходные фразы были разбиты случайным образом на тесты 2а и 2б по четыре реплики в каждом. Тест 2а включал реплики, выражающие нейтральный приказ, убедительную просьбу, просьбу-укор и грубый приказ-окрик,

тест 26 — реплики, выражающие угрозу, утешение, предостережение и предупреждение-заговор. Как видно, в тест 2а попали реплики, различающиеся в основном по силе воздействия. Изменение экспрессивной насыщенности реплик от нейтральной до ярко интенсивной связано здесь в основном с изменением эмоционального состояния говорящего при невыполнении его требований: от спокойствия к досаде и к возмущению как бы по одной шкале измерений. Соответственно изменяется и сила речевого воздействия: говорящий как бы усиливает нажим, давление на слушающего. В принципе, все четыре реплики могли бы быть развитием одной ситуации.

Результаты эксперимента приводятся в таблицах 2а и 2б.

Таблица 2а

Вид речевого воздействия	Процент распознавания	Минимальный контекст	Примечания
1. Приказ	41	<i>Тише! Идет запись!</i> [строго]	
2. Убедительная просьба	37	<i>Тише! Не слышно ничего!</i> [резко]	В 33% случаев отождествляется с 3
3. Просьба-укор	52	<i>Тише! Ну просят же вас!</i> [укоризненно, с досадой]	
4. Грубый приказ-окрик	30	<i>Тише! Не ругайтесь! Нечего толкаться!</i> [грубо]	Преобладает отождествление с 2 (33%)

Таблица 2б

Вид речевого воздействия	Процент распознавания	Минимальный контекст	Примечания
1. Угроза	93	<i>Тише! Молчи! А то хуже будет!</i> [злобно]	
2. Утешение	70	<i>Тише! Тихонько! Не плачь! Все будет хорошо!</i> [ласково]	
3. Предостережение	56	<i>Тише! А то сломается!</i> [с опаской]	
4. Предупреждение-заговор	45	<i>Тише! Чтоб никто не услышал! Мы их напугаем!</i> [заговорщически]	В 41% случаев отождествляется с 3

Как видно, результаты распознавания по тесту 2а существенно ниже, чем по тесту 2б. Причину мы видим прежде всего в близости контекстов в тесте 2а, связанный со сходством речевых воздействий по характеру. Аудиторы в ходе эксперимента затруднялись в определении относительной интенсивности речевого воздействия (тем более что естественный порядок предъявления был нарушен), но отмечали изменение характера речевого воздействия — укор.

Интересно, что и в первой серии экспериментов колебания аудиторов вызывали те случаи, когда в один тест попадали контексты, как бы последовательно развивающие одну ситуацию, — близкие по характеру, но отличающиеся главным образом по силе речевого воздействия: просьба — мольба, совет — убеждение. Зато эти случаи уверенно отграничивались от других контекстов, предполагающих иные по характеру речевые воздействия.

Что же касается теста 2б, то здесь результаты показывают, что разные по характеру речевые воздействия, имеющие разную эмоциональную окраску, распознаются достаточно определенно. При этом более контрастные по эмоциональной окраске воздействия (злобная угроза и ласковое утешение) распознаются легче, чем более близкие (опасливое предостережение и предупреждение-заговор, которые смешиваются). В абсолютном большинстве случаев распознается угроза (90—93% по обеим сериям экспериментов), уверенно распознается утешение. Уровень распознаваемости в тесте 2б примерно соответствует первой серии эксперимента, так что можно считать, что исходная предпосылка второй серии экспериментов подтверждается. Эмоциональная окраска реплик, если она соответствует разным эмоциям, способствует определению вида речевого воздействия.

4. Комментарии

По-видимому, идеальным исходом эксперимента по эмоционально окрашенным репликам был бы результат, указывающий на возрастание распознаваемости определенного речевого воздействия, произнесенного с эмоциональной окраской, по сравнению с неэмоциональным вариантом реплики того же речевого воздействия. Но в том и состоит сложность проблемы, что мы в большинстве случаев не можем отделить характер речевого воздействия от эмоции, с ним обычно связанной. Реально мы можем варьировать оттенки значения за счет менее интенсивной или более интенсивной (при повторе)

эмоциональной окраски либо используя близкие эмоции. Градации интенсивности не очень легко поддаются определению. В итоге результат получается как бы несколько смазанным. Однако и те возможности, которыми мы располагаем на материале двух исходных реплик *Иди!* и *Тише!*, дают определенные основания считать эксперимент в целом удачным. Нам удалось показать, что довольно широкий диапазон речевых воздействий распознается уже на минимальной интонационной структуре и на этом основании может быть построена парадигма волеизъявлений; что эмоциональная окрашенность речевых воздействий может способствовать их лучшей распознаваемости по сравнению с экспрессивно нейтральными. (Под экспрессией здесь понимается выраженность эмоций или речевоздействующей силы.)

Здесь необходимо уточнить некоторые теоретические понятия. Проблему представляет прежде всего выделение класса эмоциональных речевых воздействий. По мнению Е. А. Брызгуновой [Брызгунова 1977, 1984], эмоции входят в речь как эмоциональные состояния говорящего, задающие эмоциональный тон высказывания (к примеру, доброжелательный — недоброжелательный — взволнованный), что особенно ярко выражается в эмоциональных реакциях (типа *Какой ужас!*, *Ура!*, *Вот досада!*). Мы же считаем необходимым выделение еще одного типа вхождения эмоций в речь — эмоциональные акции, эмоциональные речевые воздействия, для которых выражение эмоций является не фоном, а средством осуществления цели высказывания, направленным воздействием на эмоции собеседника.

Выше (в разделе 2) были предложены, в частности, такие виды эмоционального воздействия, как оскорблениe, угроза, насмешка, утешение, предостережение, выражаютe определенные эмоции говорящего и вызывающие определенные эмоции у слушающего. Надо отметить, что нередко эмоциональные воздействия сближаются с эмоционально окрашенными волеизъявлениями и границу между ними не так легко определить. По-видимому, некоторые однаковые по характеру речевые воздействия могут в разных конкретных случаях относиться к разным классам (например, пожелания: *Было бы хорошо, если бы при достался вам и Желаю вам счастья!*).

Эмоциональное воздействие — это отнюдь не просто воздействие на собеседника через выражение (не всегда сознательное) своего эмоционального состояния, т. е. не «заражение» своим эмо-

циональным состоянием (тревога, выраженная говорящим, вызывает тревогу у собеседника), но сознательное воздействие на эмоциональное состояние собеседника. Так, цель угрозы — внушить страх (и тем самым добиться несовершения собеседником нежелательных для себя действий), цель предостережения — внушить тревогу (в отличие от цели предупреждения — поставить в известность или напомнить о последствиях), цель утешения — успокоить, цель оскорблений — унизить. Мольбу тоже можно рассматривать как эмоциональное воздействие на собеседника с целью вызвать жалость, смягчить его демонстрацией собственного жалкого состояния. Укор, оценочное воздействие, может иметь целью вызвать у собеседника стыд за свое поведение.

Эмоциональные воздействия — это, пользуясь метафорой Э. Берна (см. [Берн 1992]), «уколы и поглаживания», которыми мы обмениваемся в общении друг с другом. Если развернуть эту метафору «рукоприкладства», то это и пощечины (оскорблениe), и пинки (когда «посыпают» кого-то подальше), и похлопывания по плечу (одобрение), и дружеские рукопожатия (признательность), и множество других жестов, дозволенных и недозволенных и обретших словесную форму. Иногда характер речевого воздействия может быть более точно передан с помощью подобной метафоры, чем прямым словесным определением. Так, грубый окрик-приказ — это тот случай, когда говорящий дает отпор собеседнику, осаживает его.

Характер эмоционального воздействия, равно как и других типов речевого воздействия, выражается в интонации через эмоциональную окраску и силу речевого воздействия. Оба этих изменяющихся фактора создают некоторое поле эмоциональной напряженности, под воздействием которого собеседник обычно вынужден действовать навязанным ему образом. (Собеседник, впрочем, может выбрать стратегию противодействия, а не подчинения речевому воздействию говорящего.)

Сила речевого воздействия — это не просто конструкт, удобный для описания модели общения. Она имеет определенную психологическую реальность, представляя собой как бы силу давления словом, которому подвергается слушающий со стороны говорящего (неспроста используются в языке метафоры *словесное давление*, *нажим*; с другой стороны описывает подобное явление метафора *металл в голосе*). И эта сила, очевидно, связана с социальным весом говорящего, с его оценкой слушающим, с типом контакта ме-

жду ними — иначе, с соотношением их социальных, психологических и коммуникативных ролей в межличностном взаимодействии. Сила речевого воздействия обусловлена более высокой социальной ролью в таких видах акций, как приказ, разрешение, отказ, запрет. В то же время при контакте равноправных собеседников речевое воздействие с позиции силы невозможно. Здесь возможны такие формы воздействия, как призыв, убеждение, совет, предложение, приглашение, пожелание, согласие, — т. е. воздействие не принуждением, а убеждением, оставляющее собеседнику возможность и право альтернативного решения. Что касается просьбы, то для нее характерна более слабая позиция в психологическом плане, т. е. тот, кто просит, ставит себя в заведомо более слабую, «униженную» позицию, что, кстати, и объясняет психологическую трудность ситуации просьбы.

Поле эмоциональной напряженности, которое создает слово, может нести в себе как положительный, так и отрицательный заряд и может передавать энергию говорящего. Так, положительные эмоциональные воздействия — похвала, ласка, одобрение, напутствие, добре пожелание — очевидно несут в себе положительный заряд, отрицательные — угрозы, проклятия и др. — отрицательный.

Интересен случай, когда сильное поле эмоциональной напряженности возникает под воздействием непроизнесенного слова. Характерен здесь образ слова, действующего как разряд: *слово разряжало молчание*.

Итак, выделение класса эмоциональных воздействий представляется оправданным в данной модели. Что касается отдельных видов речевых действий внутри выделенных классов, то результаты экспериментов указывают на необходимость дальнейшего их уточнения. Случай низкой распознаваемости и взаимозаменяемости указывают на проблемные точки предложенной классификации. При этом, если они касаются конкретных действий внутри одного вида (как в тестах 2а и 2б), то это не нарушает систему.

В начатом исследовании нами затронут ряд проблем, охватывающих сферы лингвистики, психологии и теории коммуникации. В рамках данной работы была поставлена задача обосновать на экспериментальном материале предложенную ранее типологию речевых действий, которая в основных чертах и нашла подтверждение в результатах эксперимента.

* * *

В заключение автору хотелось бы выразить благодарность сотрудникам лаборатории экспериментальной фонетики МГУ Л. М. Захарову, С. А. Крейчи, Л. П. Московкиной, Н. Г. Буханину, В. Г. Михайлову, участвовавшим в подготовке и проведении эксперимента, а также О. Ф. Кривновой, высказавшей ценные замечания по поводу работы.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. Перформативы в грамматике и в словаре // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. — С. 199—218.
- Бенвенист 1974 — Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М., 1974.
- Берн 1992 — Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. — СПб, 1992.
- Брызгунова 1977 — Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. — М., 1977.
- Брызгунова 1984 — Брызгунова Е. А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. — М., 1984.
- Вежбицкая 1978 — Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. VIII. — М., 1978. — С. 402—421.
- Вежбицкая 1985 — Вежбицкая А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. XVI. — М., 1985. — С. 251—275.
- Вошинов 1929 — Вошинов В. Н. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. — Л., 1929. (Также: Бахтин М. М. Марксизм и философия языка. — М., 1993).
- Крысин 1976 — Крысин Л. П. Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования. — М., 1976. — С. 42—52.
- Леонтьев 1974а — Леонтьев А. А. Психология общения. — Тарту, 1974.
- Леонтьев 1974б — Леонтьев А. А. Лингвистическое моделирование речевой деятельности // Основы теории речевой деятельности. — М., 1974.
- Нушкян 1986 — Нушкян Э. А. Типология интонации эмоциональной речи. — Киев — Одесса, 1986.

- Остин 1976** — Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. XVII. — М., 1986. — С. 22—129.
- Падучева 1985** — Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. — М., 1985.
- Путеводитель 1993** — Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. — М., 1993.
- Серль 1986** — Серль Дж. Р. Классификация иллоктивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. XVII. — М., 1986. — С. 170—194.
- Тарасов 1977** — Тарасов Е. Ф. Место речевого общения в коммуникативном акте // Национально-культурная специфика речевого поведения. — М., 1977. — С. 67—95.
- Тарасов 1979** — Тарасов Е. Ф. К построению теории речевой коммуникации // Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Шахнарович А. М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. — М., 1979. — С. 5—147.
- Федорова 1988** — Федорова Л. Л. Краткий очерк грамматики диалога // Теоретические и практические проблемы прикладной лингвистики. — М., 1988. — С. 136—161.
- Федорова 1991** — Федорова Л. Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопросы языкоznания. — 1991. — № 6. — С. 46—50.
- Якубинский 1923** — Якубинский Л. П. О диалогической речи // Русская речь. — Т. 1. — Изд., 1923.
- Bach, Harnish 1986** — Bach K., Harnish R. M. Linguistic Communication and Speech Acts. — The Massachusetts Institute of Technology, 1979.
- Wierzbicka 1980** — Wierzbicka A. Lingua Mentalis. The Semantics of Natural Language. — Sydney, 1980.

IN MEMORIAM

В. А. Плунгян

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

А. Н. ЖУРИНСКИЙ. СЛОВО, БУКВА, ЧИСЛО. — М., 1993.*

V. A. PLUNGYAN

REVIEW OF THE BOOK:

A. N. ZHURINSKIJ. WORD, LETTER, NUMBER. — M., 1993

А. Н. ЖУРИНСКИЙ. Слово, буква, число: обсуждение самодостаточных лингвистических задач с разбором ста образцов жанра. — М.: Наука, 1993. — 192 с. — Библиогр.: с. 189—190.

Эта книга посвящена особому предмету — лингвистическим задачам для школьников, связанным с московскими олимпиадами по языковедению и математике, которые проводятся с 1965 г. Многие московские лингвисты, сами школьники, участвовавшие в таких олимпиадах или готовившие их, не понаслышке знают, что это такое: настоящая научная работа для детей — и увлекательная игра для взрослых, целый мир со своими законами, целая жизнь (может быть, уже уходящая в прошлое, вместе с тем обществом, которое позволило ей существовать и вопреки которому она существовала...). Тем, которые не знают, что такое лингвистические олимпиады, этого не объяснить в рамках короткой заметки; впрочем, об этом отчасти сказано в книге А. Н. Журинского, хотя книга

* От редакции. Со времени смерти Альфреда Наумовича Журинского прошло уже пять лет. За это время были изданы две его книги — та, оглик на которую здесь публикуется, и книга «Лингвистика в задачах. Условия, решения, комментарий» (составитель Е. В. Муравенко. — М.: Индрик, 1995). Вышла в свет книга памяти: «Знак. Сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А. Н. Журинского» (М.: Русский учебный центр МС, 1994).

Публикуемая рецензия В. А. Плунгяна была написана вскоре после выхода книги и предназначалась именно для нашего журнала, основание которого ожидалось значительно ранее, чем случилось реально. Следует сказать, что замысел нового лингвистического журнала некоторые члены редколлегии обсуждали с Аликом Журинским...

Мы хотели бы еще раз отдать дань благодарной памяти нашему другу.

совсем о другом — о задачах, не об олимпиаде. Но автор этой книги — одновременно и создатель олимпиады для школьников; его безвременная смерть в 1991 г. — жестокое испытание для судьбы олимпиад. Это была его последняя книга — автор любил ее, писал долго, возвращался к рукописи, что-то добавлял, изменял...

Интересы А. Н. Журинского были разнообразны — от поэзии Иннокентия Анненского до языков банту, но лингвистические задачи были, быть может, главным делом его жизни — и тем делом, которое он действительно любил. Изданной свою книгу он уже не увидел, но для всех, кто его знал, она полнее, чем какие-либо другие его работы, отражает его неповторимую личность, его аскетическую увлеченность творчеством, обаяние его юмора (хорошо, что в книгу включено несколько щуточных задач), своеобразие его мысли, шедшей всегда совершенно особыми путями, чуждаясь проторенных дорог...

Книгу предваряет «Слово об авторе», написанное В. М. Алиатовым (как всегда, лаконично и точно); далее следует предисловие, в котором сам автор дает краткую историю олимпиад (скромно умалчивая о своей роли) и определение жанра лингвистической задачи; различные аспекты задачетворчества подробно разбираются в двух основных главах книги. Изложение обильно иллюстрируется задачами (все они принадлежат автору), решения которых (с обстоятельными комментариями и пояснениями) содержатся в последнем разделе книги; ее дополняет также указатель языков и письменностей (автором использован материал более 30 языков — амхарского, арабского, китайского, латинского, польского, якутского и многих других).

В главе I рассматриваются основные признаки жанра самодостаточной лингвистической задачи — в частности, исследуется отличие таких задач от других типов заданий (часто используемых, например, в вузовской практике), рассматриваются виды некорректности задач, вводится различие строгих и нестрогих, алгоритмичных и неалгоритмичных задач.

Самодостаточность задачи, как указывает автор, проявляется в том, что «вся информация, необходимая для ее решения, содержится в самом условии задачи, и решающий задачу только ее упорядочивает, а не применяет специальные лингвистические методы» (с. 15). Эта особенность имеет очевидные преимущества (о них речь пойдет также в главе II), но она связана и с рядом опасностей, которых следует избегать составителям задач: это возможность паразитических решений, возможность разного рода неоднозначных интерпретаций ограниченного материала задачи или темных мест; «ловушки» такого рода подробно иллюстрируются автором. Особая про-

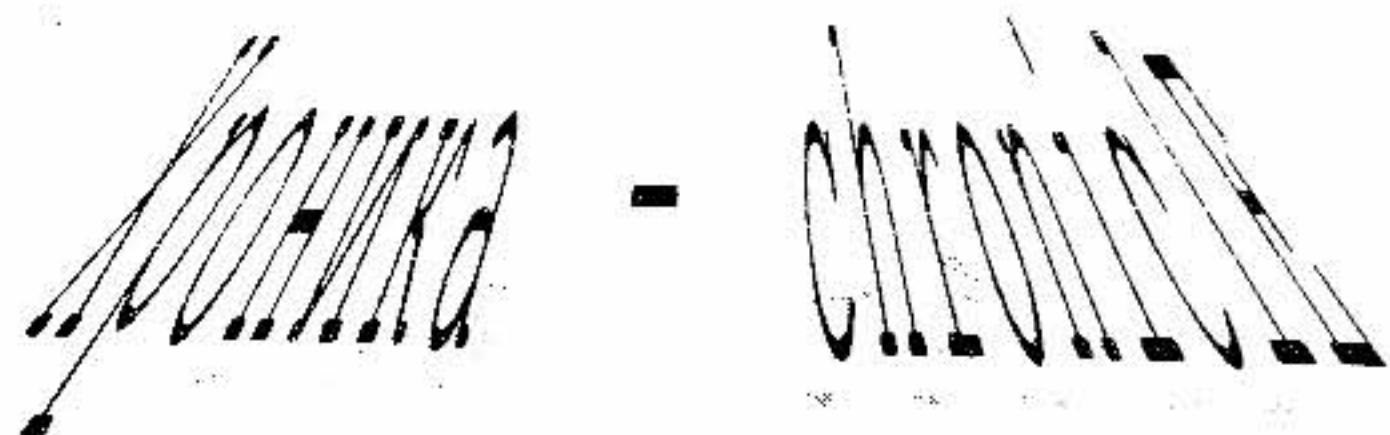
блема связана с возможной нестрогостью задач: решение таких задач в меньшей степени поддается формализации, оно может быть основано на интуиции, на прозрении. Непосредственно на олимпиады для школьников нестрогие задачи попадали очень редко, хотя надо признать, что эвристическая ценность изящной, но нестрогой задачи может быть по крайней мере не меньшей, чем у правильной, но трафаретной и ограниченно строгой. А. Н. Журинский хорошо чувствовал это и был блестящим мастером отклоняющихся от канонов, но окрашенных его неповторимой индивидуальностью задач...

В главе II обосновываются более частные лингвистические требования к задачам и предлагается классификация задач с точки зрения хода их решения (простые билингвы, билингвы с перепутанными соответствиями — жанр, изобретенный А. Н. Журинским, и т. п.); далее, в особом разделе, автор останавливается на том, что он называет эстетическими и общекультурными достоинствами задач, показывая, как задача может привлекать своим «денифровочным» характером, открывать новую и необычную информацию о, казалось бы, известных вещах, и т. п. (К сожалению, недостаток места не позволяет нам привести здесь несколько образцов.) С нашей точки зрения, этот раздел — один из самых удачных в книге, и само его название — «Эстетические и общекультурные достоинства задач» — может служить как бы лейтмотивом задачного творчества автора: поистине, главным при составлении задачи для него была не «полезность», даже не лингвистическая нетривиальность, а именно ее эстетика и то неуловимое, что только и можно назвать «общекультурным достоинством».

Наконец, в заключительном разделе главы II сосредоточены задачи по смежным разделам математики, которую автор (учившийся на мехмате МГУ) знал лучше многих лингвистов, включая и выпускников его Отделения структурной и прикладной лингвистики МГУ; особенно отметим задачи на системы счета в разных языках и на теорию стихосложения.

Книга А. Н. Журинского останется незаменимым пособием для тех, кого интересует жанр задач, как бы много публикаций ему ни было уже и ни будет еще посвящено. В этой книге — обаяние первоисточника с его — рискнем повториться — эстетическими и общекультурными достоинствами. А для всех, кто знал и любил Альфреда Наумовича, — это лучшая и самая долгая память о нем самом...

* В заключение нельзя не сказать о том, что рукопись после смерти автора вряд ли стала бы книгой в издательстве "Наука", если бы не поистине героические усилия Е. В. Муратенко; будем ей за это благодарны.

ОТГОЛОСКИ МОСКОВСКОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ*

ECHOES OF THE MOSCOW INTERNATIONAL CONFERENCE

ПОПЫТКА РЕФЛЕКСИИ

AN ATTEMPT OF REFLECTION

Е. Г. БОРИСОВА

E. G. BORISOVA

Девизом или лозунгом конференции могли бы стать столь популярные в народе лет пять назад «давайте определимся». И основное внимание как выступавших, так и слушавших (а это не всегда были одни и те же лица) было направлено не на новейшие результаты частных исследований, а на высечение более глобальных проблем типа «Можно ли так жить дальше?». Впрочем, наиболее убеди-

тельные предложения, что делать, подкреплялись убедительными же результатами применения предлагаемых рецептов. Тут хотелось бы назвать и Падучеву, и А. Бондарко, и Мустайоки, и Хэрретса, и Баранова, и Рахилину с Плунгяном. Но всех не назовешь, потому что далеко не все из желаемого удалось услышать, а самое интересное, паверняка, оказалось среди пропущенного.

Но не меньший, если не больший интерес, вызвали и обзорные доклады Кубряковой, Фрумкиной, Аллатова, Ньюмайера, Ченки, Паршина, Демьянкова, Гиндина, Шалининой — и опять же многих других неуслышанных, потому что там делалась попытка взглянуть на нашу повседневную исследовательскую жизнь со стороны (или сверху). А такой взгляд всегда сулит открытие новых перспектив. Будем надеяться, что среди слушателей найдутся такие открыватели, о чем мы узнаем на грядущих «тусовках».

Но уже сейчас, кажется, ясен основной сдвиг, происходящий в лингвистике (по крайней мере, тот, что был наиболее важен для меня). От статичных и дискретных описаний мы переходим к чему-то динамичному и недискретному. Последнее звучит несколько абсурдно, так как язык, конечно, дискретен. Но отражаемая действительность — нет, и различные модели — от Бондарко до когнитивистов — по-своему пытаются преодолеть это противоречие. Интересным синтезом обоих не подозревающих друг о друге направлений (функциональной грамматики и когнитивного подхода) оказалось сообщение Рахилиной и Плунгяна, из которого было видно, что реальное функционирование грамматической категории с семантическим содержанием не только в бипарные оппозиции, но и в частные грамматические значения не загонишь.

Для меня это направление так важно потому, что на практике я имел дело с описанием языка для преподавания. А тут одними таблицами не обойдешься. Приятно сознавать, что среди зарубежных участников много преподавателей русского языка. Может, на смену компьютерной метафоре приходит «преподавательская» метафора урока?

А в целом «постконференциальное» лингвистическое пространство хорошо характеризуется популярнейшей фразой эпохи: «Ждем-с».

* От редакции. Вскоре после завершения международной конференции «Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы» (Москва, февраль 1995 г.) редакция обратилась к коллегам с предложением написать отклики на эту конференцию. Мы публикуем пять откликов, полученных в первые месяцы после «браниения», а также заметку двух слушателей Зимней лингвистической школы, состоявшейся в МГУ сразу после московской конференции. Укажем, что материалы конференции уже получили некоторое освещение на страницах отечественной лингвистической печати — в выпусках «Вестника московского университета. Филология»; полностью материалам конференции был посвящен второй номер 1996 года журнала «Вопросы языкознания».

D. GIL
(Singapore)
Д. Гил
(Сингапур)

For me, the most valuable aspect of the conference was the exposure that it provided to different traditions of linguistics different modes of thinking, and even different ways of organizing a conference. In our respective daily routines, we are all used to doing things in one fixed and immutable way: the conference reminded us that there are other possible ways to be considered.

B. COMRIE
(Los Angeles, USA)

REFLECTIONS ON THE INTERNATIONAL CONFERENCE

Б. КОМРИ
(Лос-Анджелес, США)

РАЗМЫШЛЕНИЯ О МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

The International conference «Linguistics at the End of the XXth Century: Achievements and Perspectives» was a wonderful opportunity for interaction between linguists from Russia and those from other parts of the world. And to a large extent, this opportunity was realized: linguists from outside gained an insight into current Russian work in general linguistics, while I hope that Russian linguists were also able to benefit from the participation of their international guests.

Are there ways in which this interaction could have been improved? I believe there are, and I hope that it will be possible to implement them in time for the next such conference (which, hopefully, will not have to await the end of the XXIst century). The problem of conference language was not entirely solved by declaring both Russian and English official languages of the conference. Many of the Russian linguists and some of the foreign participants were comfortable at least in passively appreciating each other's presentations, and in some cases in participating actively in the discussions. But I do know that some of the foreign participants felt that

they had not been given sufficient advance warning how much of the proceedings, especially in the sections, would be in Russian, and I suspect that some Russian linguists may have been dissuaded from attending events that were entirely or almost entirely in English. The path towards a solution requires added effort on both sides. For my own part, I could have prepared a bilingual English / Russian handout, and even a Russian text of the presentation; the fact that all of the preliminary materials were in English dissuaded me from doing so. And I suspect that many of the other participants could have been persuaded to do the same, in the interests of making this a truly international interchange.

Plenary sessions of the conference were also an interesting way to observe cultural differences among different linguistic traditions, with one extreme best represented by some of the «Anglo-Saxon» participants, who tended to present a wealth of empirical material without necessarily paying too much attention to the question of achievements and perspectives, while some other presentations, including but not restricted to those of some of the Russian participants, achieved a level of generality that left their Anglo-Saxon colleagues clamoring for more empirical material. Ideally, both empirical material and general conclusions should be blended harmoniously, and conferences of this kind play an important role in learning about, and from, each other's traditions. So let us have more such conferences in the future.

CH. LEHMANN
(Bielefeld, Germany)

К. ЛЕМАН
(Билефельд, Германия)

The Moscow conference was a great event. I enjoyed it a lot. It was excellently organized, especially considering the means available. In retrospect, the only thing I think should be reconsidered is the international character of such an event and, accordingly, the languages that should have the status of conference languages. There is a dilemma here. On the one hand, whenever an international conference is organized, my personal feeling is that the language of the host country should be among the conference languages. On the other hand, if that language is not well-known by many foreign participants, and, on the other hand, many participants from the host country are not well versed in the foreign languages

used, then the conference falls into two parts, "natives" and foreigners. Probably the only way of avoiding this is to have conference interpreters. This is very costly; but all the conceivable alternatives seem even less desirable.

Ф. А. Литвин
(Орел)

ЗАМЕТКИ ПРОВИНЦИАЛА О МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

NOTES OF A PROVINCIAL FROM THE INTERNATIONAL CONFERENCE

Четыре дня в феврале (с 1-го по 4-е) длилась проходившая в МГУ им. М. В. Ломоносова международная конференция «Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы».

Всякая научная конференция привлекает участников (особенно живущих за пределами столиц) не только — а часто и не столько — возможностью сделать доклад или сообщение, сколько возможностью общения с коллегами, «живого» поддержания научных контактов и установления новых. Это особенно существенно в нынешних условиях, когда количество конференций сократилось по сравнению с 70—80-ми годами незначительно, но ездить на них стало затруднее — в результате ухудшения положения большинства ученых, резкого возрастания стоимости проезда и проживания в чужом городе и трудностей с финансированием у большинства вузов. Ценность конференции в МГУ в смысле возможностей научного общения была выше обычной, благодаря присутствию многих коллег из-за рубежа — в программе их числится пятьдесят четыре (плюс два в соавторстве с российскими лингвистами), реально, как было сказано на последнем пленарном заседании, их было сорок. Интересным я считаю то, что среди зарубежных участников конференции были не только лингвисты, имена которых знакомы нам по публикациям, но

и неизвестные ранее (во всяком случае, большинству) коллеги, как маститые, так и молодые.

Тема конференции ориентировала на обобщенное осмысление достигнутого в лингвистике за XX век, и на этой основе предположение о том, что будет рассматриваться как актуальное по меньшей мере в начале следующего века, — тема, на мой взгляд, вполне достойная ведущего вуза России. Как и на всякой научной конференции, не все доклады можно считать откликом на приглашение принять участие в обсуждении объявленной темы. Часть докладов исходила из расширенного понимания темы, либо соотносилась с темой конференции по импликации: показывая результаты собственного исследования того или иного аспекта структуры или функционирования языка, исследователь тем самым как бы демонстрировал, чем занимаются лингвисты в конце XX века, предоставляя слушателям судить о том, в какой мере предмет сообщения можно считать одним из итогов лингвистики XX века. Интересно, что большинство зарубежных докладчиков воздержалось от попыток эксплицитно ответить в своих докладах на вопрос о том, как они представляют себе итоги развития науки о языке в XX веке и перспективы ее дальнейшего развития. Как и на всякой конференции, были и такие доклады, по прослушании которых (или ознакомлению с тезисами) хотелось спросить: «А как же все это соотносится с темой конференции?»

Еще одно впечатление — уже не по существу того, что было на конференции, а в связи с ней. Обращала на себя внимание скромная посещаемость пленарных заседаний, во многом, на мой взгляд, связанная не с тематикой докладов, а с тем, что большинство этих докладов звучало на английском языке. Увы, это лишний раз доказывает, что кандидатские экзамены по иностранному языку даже для языковедов не соответствуют уровню требований, предъявляемых к лингвисту конца XX века (владение разными видами речевой деятельности хотя бы на одном иностранном языке), равно как и устойчивость многих стереотипов; заявка на участие в международной конференции, с двумя рабочими языками, предполагала изначально и готовность к восприятию сообщений на обоих языках.

На мой взгляд, филологический факультет МГУ предоставил лингвистам России хорошую возможность обменяться мнениями по поводу состояния их науки. Естественно, каждый воспользовался этой возможностью в меру желания и готовности.

А. А. АРЕФЬЕВ, Н. Н. КРАВЧЕНКО
**ЗИМНЯЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА В МГУ.
ВПЕЧАТЛЕНИЯ**

А. А. AREFYEV, N. N. KRAVCHENKO
**THE WINTER LINGUISTIC SCHOOL AT MOSCOW
UNIVERSITY. IMPRESSIONS**

С шестого по десятое февраля 1995 года в МГУ проходила Зимняя лингвистическая школа, организованная отделением теоретической и прикладной лингвистики (ОТиПЛ) филологического факультета.

Лекции читали (разумеется, по-английски) три американских лингвиста и один швейцарец. Аудиторию представляла российская сторона: в основном, студенты и преподаватели ОТиПЛа.

Каждый день читалось по три лекции. Сначала выступал доктор Михал Старке (Швейцария — Германия), который рассматривал конкретные языковые явления в рамках теории принципов и параметров Н. Хомского. 10 февраля вместо него лекцию о том же теоретическом направлении прочитал профессор Ядрофф из США. После теории принципов и параметров вниманию аудитории был предложен обзор основных подходов в когнитивной семантике в исполнении доктора Алана Ченки (США), а затем профессор Роберт Д. Ван Валин (США) рассказывал о точке зрения референциально-ролевой грамматики на проблему усвоения языка ребенком.

Теперь немного подробнее об этих лекциях.

Доктор Старке представил нам современный вариант порождающей теории Н. Хомского — теорию принципов и параметров, цель которой — объяснить три «чуда» языка: потенциально бесконечное множество предложений в любом языке, видимую легкость усвоения языка ребенком и произвольность соответствий между формой и содержанием высказываний. Данная теория ориентирована на построение универсальной грамматики, объясняющей различные языковые явления по возможности минимальным набором универсальных принципов и сводящей различия между языками к

разным значениям соответствующих параметров, «выбранных» этими языками.

Общая теория принципов и параметров была представлена лектором как состоящая из трех основных блоков: так называемой X-штрих теории, отвечающей за структуру предложений на глубинном и поверхностном уровнях, правил перемещения и правил согласования. В отличие от первоначальной версии порождающей грамматики, в современной теории нет большого количества трансформаций для каждой поверхностной структуры. Вместо них имеется одно правило — перемещение какого-либо элемента — и набор условий, позволяющий отсеять запрещенные перемещения и используемый для разных грамматических конструкций в разных языках. Мощным средством грамматики является и набор правил согласования. Уже эти три блока способны объяснить большинство языковых фактов, что лектор доказывал с помощью примеров из английского, французского и итальянского языков.

В целом же лекции строились по принципу «от частного к конкретному — к общему». Доктор Старке представлял нам именно то, чем он занимается, высказывал свои собственные соображения и, что особенно ценно, вел свои лекции в форме непринужденного рассказа, а это способствовало постоянной сосредоточенности и пониманию. К сожалению, было не очень много чисто теоретической информации.

Лекции доктора Ченки были построены иначе. Его целью было ознакомить нас с когнитивным подходом в изучении семантики, в частности, с идеями Р. Джекендоффа, Дж. Лакоффа, Л. Талми, Р. Лангакера. Мы узнали, что такая образная схема (*image schema, recurring, dynamic pattern of our perceptual interactions and motor programs that gives coherence and structure to our experience* (Johnson)), узнали о когнитивном подходе к метафоре, о когнитивной грамматике вообще и о когнитивном представлении падежа в частности. Лекции были построены удивительно четко, логично, и их содержание без труда можно восстановить по разданным материалам (хэндаутам) даже долгое время спустя. К сожалению, доктор Ченки знако-
мил нас в основном не со своими работами, поэтому не всегда можно было задавать ему коварные вопросы с коварными примерами, целясь в слабые места теории: лектор не нес ответственности за слабости других. Но с этим можно было примириться, поскольку в целом курс был очень серьезным, важным и полезным — до него большинство слушателей ничего не знали о когнитивной семантике.

Профессор Ван Валин, автор референциально-ролевой грамматики, потряс аудиторию не только глубиной и насыщенностью лек-

ций, но и артистизмом «исполнения». Общий вердикт аудитории был: «Голливуд по нему плачет», — хотя было бы хуже, если бы по нему плакала лингвистика.

Суть лекций заключалась в следующем.

Чтобы адекватно описать усвоение языка ребенком, лингвистическая теория должна уметь:

- задавать «цель» — язык взрослых носителей языка;
- задавать границы релевантной для усвоения языка входной информации;
- позволять делать предсказания о ходе усвоения;
- задавать теорию, в рамках которой можно анализировать язык детей.

По мнению профессора Ван Валина, аппарат, позволяющий ребенку быстро и легко усваивать язык, есть ничто иное, как языковая компетенция взрослых минус данные опыта. Таким образом, описание двух последних «величин» позволит нам установить «неизвестное» этого уравнения — «устройство усвоения языка» (language acquisition device). И получается, что ребенок, имеющий некоторые врожденные понятия, например, структуру некоторых онтологических категорий или определенное умение переводить эти категории в семантические, сначала анализирует слышимые им предложения именно по этим категориям. Затем, пользуясь накопленным опытом, он обобщает свои знания, проводя анализ уже по синтаксическим категориям и получая правильные структуры. Аналогично он усваивает и операторы (грамматические категории) и фокусную структуру языка (распределение информации в предложении). Помимо знания синтаксических структур, для овладения языком необходимо знание грамматических отношений, которые позволяют определить семантические роли (грамматические отношения — это «ограниченная нейтрализация семантических ролей в синтаксических целях в определенной конструкции»). Поскольку грамматические отношения не универсальны, а следовательно, не могут быть врожденными, их усвоение происходит в общем процессе усвоения языка.

* * *

Вскоре после окончания Школы двенадцати студентам ОТиПЛа была предложена небольшая анкета с вопросами об их впечатлениях.

Мнения об организационной стороне Школы были следующими:

Время, часы, продолжительность (одна неделя) Школы в целом устраивали всех, но высказывались и отдельные замечания и пожелания: 1. Продолжительность Школы должна быть больше

(для более полного и подробного ознакомления с темой) — 41,7%. 2. Очень не хватало обеденного перерыва. («В силу отсутствия обеденного перерыва я не в состоянии оценить содержательную сторону лекций Ван Валина. Это очень досадно», — так высказался один из респондентов.) 3 (как продолжение 2). «Лучше две лекции, так как тяжело воспринимать три лекции подряд на английском» (2 человека). 4 (как продолжение 3). Можно было бы поменять порядок лекций, так как «к Ван Валину все уставали и не воспринимали, а это, на мой взгляд, самый труднопонимаемый лектор» (3 человека).

Место лекций одобрили все, за исключением одного человека, жаловавшегося на «холодную аудиторию».

О том, что лекции читались на английском (без перевода), положительно отзывались 75%, мотивируя свое мнение тем, что это «общепринято», «полезно» и «хорошая практика». Один человек предпочел бы русский язык, одному жизнь облегчили бы резюме на русском, наконец, один ответил: «С этим ничего не поделаешь».

Набор тем всем понравился; некоторые предпочли бы в следующий раз услышать что-нибудь другое, новенькое, а некоторые с удовольствием прослушали бы даже те же самые лекции еще раз (в особенности лекции Ван Валина).

Затем респондентам были заданы вопросы о лекторах, и ответы предлагалось давать в следующей форме:

- «+» (= 1 балл), что означает «да»;
- «+/-» (= 0,5 балла), что означает «были как положительные моменты, так и отрицательные»;
- «-» (= 0 баллов), что означает «нет»;
- «++» (= 2 балла), что означает Magn(«+»), т. е. «О, да!» [очень высокий плюс]

	Старке	Чиски	Ван Валин
Заинтересовала ли Вас тематика лекций?	8	9,5	7
Получили ли Вы новую информацию на лекциях?	12	14 (1 «++»)	12
Было ли Вам интересно на лекциях?	7,5	7,5	8,5
Кто произвел на Вас самое сильное впечатление...	3 (2 «+») 1 2	5 (1 «+») 1 5	11 (1 «++») 9 7 (2 «++») (1 «++»)

Любопытно, что поклонники Старке и Ченки — это, в основном, студенты IV курса, тогда как Ван Валин пленил более юных лингвистов. Надо отметить, что на личные впечатления очень сильно влияла заинтересованность в тематике, степень усталости к моменту начала лекции и внешность лектора.

Сравнительно низкие баллы «интереса» объясняются тем, что из опрошенных студентов многие прослушали спецкурсы по соответствующим темам, и хотя некоторую новую информацию они и получили, им было не так интересно.

Незаслуженно обошли вниманием безукоризненное построение лекций доктора Ченки, что, возможно, произошло из-за того, что лектор читал их, а не рассказывал. Этот факт говорит о том, что умение правильно и выразительно преподнести свой материал столь же важно, как и умение правильно его подобрать.

На вопрос: «Соответствуют ли лекции нашей программе и знаниям?» респонденты дружно ответили «нет». Большинство не имело ни малейшего представления о GB-theory, о когнитивной семантике и столкнулось с абсолютно новой информацией, что очень усложнило понимание. Конечно, было бы бессмысленно задавать прочитать на каникулы пару десятков статей на соответствующие темы, но вот если бы некоторые наши программные курсы были заменены лекциями о современных лингвистических теориях и подходах, нам не пришлось бы с горечью думать о скучности наших знаний.

Затем, на вопрос «Стоит ли проводить такие школы в будущем?» все без исключения ответили «да». Последний вопрос — «Общее впечатление от Школы» — дал гораздо более разнообразные ответы (хотя и все они были в положительном ключе):

- «Старке — ново, познавательно, интересно».
- «Ван Валин — блестящий лектор со своей оригинальной теорией».
- «Школа позволила выглянуть из учебных курсов».
- «Старке легче слушать и понимать (правда, произношение хромает, зато хвостик замечательный)» [речь идет о прическе ученого].
- «Ченки — прекрасный лектор, но, к сожалению, не показывал чего-то своего, нового».
- «После Школы захотелось даже посидеть в иностранке, почитать что-нибудь умное».
- «Приятно, что позаботились о хэндаутах; что бы мы без них делали!»
- «Ван Валин говорит много и быстро и пьет тоже немало, а вообще он великий ученый, вот».

* * *

Теперь же вашему вниманию предлагается взгляд «снаружи».

От Ван Валина пришел очень положительный и безукоризненно вежливый ответ. Особенно ему понравилось то, что были приглашены лекторы, представляющие различные теории и, в частности, различные направления внутри одной и той же теории (после лекций они со Старке подолгу обменивались идеями и спорили). Ему показалось, что его нынешние лекции понравились нам меньше, чем те, которые он читал осенью 1993 года. В целом же он очень доволен Школой, аудиторией, организацией и жильем. Почему-то он особенно одобрятельно пишет о преподавателях и студентах, задававших вопросы и делавших замечания во время лекций, хотя на самом деле студенты молчали, как рыбы, и лишь жадно впитывали излагаемое по мере своих возможностей. Профессор был очень доволен приемом, хотел бы приехать еще и считает отделение ТипПЛ МГУ одним из лучших «anywhere».

Отзыв Старке был не столь оптимистичным и более сдержаным. Ему также очень понравилось, что на Школе прозвучал диалог различных «теоретических перспектив», но аудиторию он не отважился оценивать, он лишь уверен в том, что его понимали: невозможно просидеть спокойно целую лекцию, ничего не понимая. Также он осторожно отметил, что студентам не хватало опыта в обращении с эмпирически ориентированным формальным синтаксисом. Все остальное ему понравилось, и он тоже хотел бы приехать еще раз.

Информация была бы неполной без упоминания о следующем: студенты IV курса организовали «фэн-клубы» докторов Старке и Ченки и собираются поддерживать с ними связь в дальнейшем.

После обнародования результатов анкетирования студенты присвоили профессору Ван Валину титул «Мистер Лингвистика-95», а доктору Старке — «Мистер Очарование».

Но все же главным итогом Зимней лингвистической школы 1995 года, наверное, следует считать то, что студентам Москвы была дана возможность «выглянуть из учебных курсов», получить представление о современном состоянии некоторых областей науки, о том, чем сейчас можно заниматься и с какой еще стороны можно посмотреть на язык.

К НАШИМ АВТОРАМ

THE STYLE SHEET FOR AUTHORS

Материалы должны предоставляться — на русском или английском языке — в печатном виде (в двух экземплярах) и по возможности в электронном виде (на диске). Объем статьи желательно ограничивать двумя авторскими листами. Страница распечатки должна содержать не более 35 строк.

При подготовке электронного варианта материала предпочтительнее использовать Microsoft Word for Windows (WINWORD) или Microsoft Word for DOS (WORD) любых версий. Несколько менее удобным представляется использование LEXICON, STARLING, Norton Editor и т. п., особенно если материал содержит таблицы, схемы, транскрипционные или диакритические знаки, много шрифтовых выделений. Наименее удобен формат CHIWRITER и других графических текстовых процессоров (редакторов), которые привносят много управляющих символов, затрудняющих преобразование текста в стандартный ASCII/ANSI формат. В таких случаях желательно представлять материал как в оригинальном формате используемого редактора, так и в стандартном ASCII/ANSI формате.

Редакция приветствует следующую композицию текста статьи: основной текст, разделы ПРИМЕЧАНИЯ, СОКРАЩЕНИЯ И ОБОЗНАЧЕНИЯ, ЛИТЕРАТУРА, ПРИЛОЖЕНИЯ (-Е). Из этого ясно, что примечания желательно оформлять не в виде сносок внизу, а относить в соответствующий раздел (нумеруя их сквозным образом).

Языковой материал следует давать курсивом. В работе, написанной по-русски, допускается подача примеров на латинице прямым шрифтом. Рекомендуется имена языковых знаков — морф(ов), чередований, редупликаций ... — давать полужирным шрифтом. Имена лексем даются прописными или малыми прописными буквами; идентификаторы значений отделяются от буквенного имени лексемы пробелом. Переводные эквиваленты, толкующие выражения, толкования заключаются в марковские кавычки — 'лапки'. Глоссы целых фраз и сложно устроенных словоформ предпочтительно давать «двухэтажным» образом: под словоформой, разделяемой на морфы зна-

ком +, помещается ее поморфный, буквальный, перевод; нормальный перевод словоформы или фразы может даваться под буквальным в лапках.

Впервые появляющиеся важные термины могут выделяться полужирным курсивом. Разного рода смысловые подчеркивания (соответствующие эмфатическим фразовым ударениям в устной речи) могут отражаться с помощью следующих способов выделения фрагмента текста (в соответствии со вкусом автора): полужирного шрифта, подчеркивания, малых прописных букв или разрядки (в последнем случае — если выделяемый фрагмент не слишком велик).

Библиографические ссылки в тексте даются в квадратных скобках, содержащим которых включает следующие позиции: 1) фамилия (-и) автора (-ов) или сокращенное обозначение работы; фамилии авторов разделяются запятой; если число авторов больше двух, желательно указывать первую фамилию и ставить далее «и др.» или «et al.»; 2) через пробел — год издания; если в разделе ЛИТЕРАТУРА имеется более одной работы данного автора одного и того же года, после года ставится русская или латинская различающая литература; 3) через двоеточие номера страниц или другие идентификаторы фрагментов работы. При единой ссылке на несколько работ одного автора фамилия ставится один раз и используется одна пара скобок; при единой ссылке на работы нескольких авторов желательно включать их в одну пару квадратных скобок.

Библиографические описания в разделе ЛИТЕРАТУРА оформляются следующим образом.* Входом библиографического описания является обозначение работы, оформляемое так, как было указано выше. Если желательно сообщить первоначальный год издания, он может быть дан в круглых скобках после обозначения работы. Библиографическое описание отделяется от входа с помощью тире. В имени автора фамилия предшествует инициалам; между инициалами ставится пробел. При описании статьи (а также любой другой составной части книги или сериального издания) две наклонные черты // — отделяют идентификатор работы от ее выходных данных, т. е. от названия книги, сборника или журнала. Области библиографического описания начинаются с прописной буквы, завершаются точкой и разделяются посредством тире, окруженного пробелами. Так, такое тире ставится между названием печатного издания и местом издания, между годом и номером сериального издания; такое тире предшествует указанию страниц и других фрагментов составной части сериального издания** (сокращенное обозначение слова «страницы» — «С.», «Р.», «С.» — в зависимости от языка работы).

* Предлагаемые здесь правила заимствованы из библиографического ГОСТа, отраженного в книге: Составление библиографического описания: Краткие правила. Изд. 2-е, дополн. — М.: Изд-во Книжная палата, 1991.

** Указание страниц в высшей степени желательно.

После места издания через двоеточие указывается название издательства — без кавычек, далее — через запятую — год издания.

Приведем примеры библиографических ссылок и описаний.

Ссылки:

- [Апресян 1995б: 470]; [Апресян 1995в, г; Урысон 1995а];
- [Апресян 1974, 1995]; [Баранов и др. 1993];
- [Кибрик, Богданова 1995: 46—47]; [Падучева 1996: ч. I, гл. 12];
- [Мельчук et al. 1995: ch. III, 3.3—3.5].

Описания:

Апресян 1995 (1994) — Апресян Ю. Д. О языке толкований и семантических примитивах // Апресян Ю. Д. Избранные труды: том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. — С. 466—484.

Баранов и др. 1993 — Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилиса Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. — М.: Поморский и партнеры, 1993.

Кибрик, Богданова 1995 — Кибрик А. Е., Богданова Е. А. Сам как оператор коррекции ожиданий адресата // Вопросы языкоznания. — 1995. — № 3. — С. 28—47.

Падучева 1996 — Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Урысон 1995а — Урысон Е. В. Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» // Вопросы языкоznания. — 1995. — № 3. — С. 3—16.

Goddard, Wierzbicka 1994 — Goddard C., Wierzbicka A. (eds). Semantic and Lexical Universals. Theory and Practice. Studies in Language Companion Series, vol. 25. — Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1994.

Halliday 1988 — Halliday M. A. K. On the Ineffability of Grammatical Categories // Linguistics in a Systemic Perspectives / Eds: Benson J. D., Cummings M. J., Greaves W. S. — Amsterdam / Philadelphia, 1988. — P. 25—51.

Мельчук et al. 1995 — Mel'čuk I. A., Clas A., Polguire A. Introduction à la lexicologie explicative et combinatoire. — Louvain-la-Neuve: Editions Duculot, 1995.